

[Polaris]

Роберт Кромби

БРОСОК В ПРОСТРАНСТВО

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XVII

Salamandra P.V.V.

**Роберт
Кроми**

**БРОСОК В
ПРОСТРАНСТВО**

Предисловие Ж. Верна

Salamandra P.V.V.

Кроми Р.

Бросок в пространство. Предисл. Ж. Верна. Пер. с англ. О. Павловой. Подг. текста и послесл. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 197 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XVII).

Намного опередив свое время, Роберт Кроми (1855-1907) создал один из первых научно-фантастических романов о путешествии на Марс в космическом аппарате, использующем силу антигравитации, встрече землян с утопическим марсианским обществом, роковых страстях и жертвах, принесенных на алтарь науки.

«Бросок в пространство», ставший одной из исторических вех развития научной фантастики, был среди прочего причиной скандальной истории, в которую оказался замешан Г. Уэллс. Но и этого мало: с романом связан литературный детектив, в центре которого – сам корифей научно-фантастической литературы Ж. Верн.

A PLUNGE
INTO SPACE

By
ROBERT CROMIE

**БРОСОК
В
ПРОСТРАНСТВО**

К МОИМ АНГЛИЙСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Тем, кто сопровождал меня в далеких путешествиях, я с особенной радостью представляю ученика. Вместе с ним я только что сам совершил путешествие – путешествие рискованное и фантастическое. По пути он поведал мне немало интересного. Лично я предпочел бы, возможно, больше подробностей, больше фактических сведений и цифр в отношении изумительных явлений, встретившихся нам. Но головокружительная скорость нашего путешествия не способствовала скрупулезным исследованиям – никто ведь не принимает в расчет зыбь, оценивая силу прилива.

Вслед за этим кратким предисловием я предлагаю всем, кто на это осмелится, совершить путешествие в Стальном Шаре. Конечно, предстоит «страшный риск», но бояться им нечего; их проводник искусен и храбр. Они могут без всякой опаски довериться ему. Он их не подведет.

ЖЮЛЬ ВЕРН

Амьен.

ПРОЛОГ

Наконец-то движется! Мак Грегор, право, движется! – Ну и пусть движется на здоровье. Очень рад. Наступила минута молчания. Затем Мак Грегор опять заговорил своим беспечным тоном, составлявшим такую странную противоположность с дрожащим голосом его собеседника:

– Послушай, Бернет, выйди хоть на минуту из своего колдовского вертепа, будь полюбезнее. Подумай: ведь я уж больше трех лет не видел твоего лица, глубокомысленный ученый. Оставь хоть на миг свою штуку, что у тебя там задвигалась, дай на себя посмотреть!

– Ради Бога, подожди немножко, – раздался опять взволнованный голос из комнаты, соседней с тою, в которой сидел Мак Грегор. Не вовремя попавший гость встал и с нетерпением начал ходить по комнате. Услышав его шаги, занимавшийся в смежном помещении заговорил испуганно:

– Прошу тебя, Александр, не входи ко мне, ты можешь поплатиться жизнью. Один неосторожный шаг – и ты погиб.

– Еще бы я вошел к тебе! – с досадой пробормотал Мак Грегор. – Точно я не знаю, что наступи я у тебя на какую-нибудь пружину или задень головой за проволоку, скобку, пуговицу, ну, словом, за какую-нибудь там батарею, что ли, и ты, и я, а с нами и половина квартала взлетим на воздух. Не так страшно войти в львиную берлогу, как в кабинет к ученому.

Проговорив недовольным тоном свою тираду, м-р Мак Грегор уселся на низеньком диванчике перед камином, яркое пламя которого придавало веселый оттенок уютной комнате, где он находился, и, закулив трубку, начал терпеливо ждать, пока к нему выйдет эксцентричный хозяин. Ему приятно было сидеть или, вернее, полулежать с прищуренными глазами, курить, прислушиваться к странным пощелкиваниям, шипениям и словно маленьким взрывам, раздававшимся в соседней комнате, и следить взглядом за го-

лубыми, красными и белыми огоньками, порой мелькавшими тенями сквозь занавеску, которою была задернута дверь. Холодный прием, ему сделанный, не удивлял и не сердил, а скорее забавлял его: это было так похоже на Бернета.

«Станный человек!» – думал он, пуская в камин густые клубы дыма. – «Я только что приехал в Лондон из Тибета, где три года занимался исследованием неизвестных местностей, причем газеты раз двенадцать, по крайней мере, заявляли, что я погиб. Прихожу к моему лучшему другу, а он запрещает мне под страхом смерти подходить к нему близко! Нечего сказать, гостеприимная встреча, но это понятно: он, должно быть, теперь изобретает что-нибудь. Скоро он очнется от научного чада и тогда найдет время мне обрадоваться, а пока мне здесь очень удобно ждать его».

Размышляя так, он задремал было, но раздавшийся в соседней комнате звук заставил его поднять голову. Это было не то отрывистое восклицание, не то рыдание, затем все затихло, слышно было за занавеской только тяжелое прерывистое дыхание ученого. Мак Грегор начал прислушиваться и с грустью подумал:

«Бедный Бернет, каким славным товарищем он был в Кембридже. Он уморит себя в своем вертепе».

«Вертеп» Бернета был действительно одною из тех лабораторий, куда люди входят в одну дверь в качестве сырого материала и откуда выходят в другую совершенными машинами с сохранением, впрочем, всех своих составных частей, кроме души, которая обыкновенно придавливается и затаптывается в прах в этом процессе.

В этой комнате Генри Бернет провел лучшие годы своей жизни. Он затворился в ней лет двадцать назад, будучи еще крепким, здоровым молодым человеком с косматой головой, которая и тогда уже была, как казалось многим, чересчур велика для его роста. Теперь он вышел из этой комнаты, когда наконец удосужился выйти, чтобы встретить своего приятеля, согнутым, исхудалым человеком средних лет, с головою, которая, несмотря на жидкие волосы, ка-

залась чудовищно громадною в сравнении с его истощенным, словно скомкавшимся, телом.

– Ну, как поживаешь, Бернет? – спросил Мак Грегор, с беспокойством вглядываясь в его истомленное лицо.

Станный хозяин не подал руки гостю, даже не поклонился ему. Он дрожал всем телом, по-видимому, весь охваченный каким-то только что пережитым им, весьма сильным, впечатлением. Подойдя в приятелю, он проговорил прерывающимся голосом, едва переводя дух от волнения:

– Мак Грегор, ты приехал как нельзя более кстати!

– Вижу, – заметил посетитель иронически. – Я уж час как дожидаясь здесь тебя.

– Да, Мак Грегор, – продолжал Бернет, по-видимому, не обратив внимания на слова приятеля, – я очень благодарен тебе, что ты посетил меня именно сегодня вечером.

– Не стоит благодарности. Ты уж чересчур гостеприимен, – сказал Мак Грегор, хладнокровно принимаясь опять набивать трубку. Бернет между тем подошел к столу, где стоял графин с водой, налил себе стакан и выпил его залпом, затем вынул из кармана платок и начал вытирать им сначала лоб, а потом свои влажные дрожащие руки.

«Он положительно рехнулся», – подумал Мак Грегор. – «Нужно будет увезти его хоть на месяц куда-нибудь на морской берег».

Между тем ученый вдруг подошел к нему и проговорил торжественно:

– Александр Мак Грегор, пойдемте со мной в мою лабораторию.

Это церемонное обращение к закадычному другу еще более утвердило Мак Грегора в предположении, что голова у его приятеля не совсем в порядке.

– Нет, дружище, уж избавь меня от этого, – проговорил он опасливо, – я не особенно труслив, но... но, право же, я боюсь твоих проволок, пружинок и всей прочей твоей чертовщины. Я непременно наступлю у тебя там на что-нибудь и тогда пиши пропало.

– Не бойся, теперь нет опасности, пойдем!

– Ну, пожалуй, пойдем.

Оба вместе вошли в соседнюю комнату. Глядя на них со стороны, можно было принять их за двух мошенников, замышляющих воровство со взломом. Бернет ступал неровно; по всему видно было, что его ослабленный трудами организм только что получил сильное потрясение: он едва держался на ногах. Мак Грегор, высокий сильный человек с густой темной бородой, суровым взглядом и загорелым, как юфть, лицом, закаленный в боях с людьми, с хищными зверями и со стихийными силами, с медведями в Каменистых горах, с неграми в Конго, с самумами в Аравии и с циклонами в китайских морях, представлял из себя презабавную картину: он выступал со смешной опаской, шаг за шагом, на цыпочках, беспрестанно озираясь по сторонам, словно боясь каждую минуту наступить на что или задеть за что-нибудь несурзное.

Лаборатория, в которую они вошли, не заключала в себе, по-видимому, ничего ужасного. Это была запыленная маленькая комнатка; то, что называется «уборкой», было в ней, по-видимому, вещью неизвестной, и по всему заметно было, что в ней уж много лет не бывал не только красильщик или обойщик, но даже полотер. Меблирована она была престранно. По стенам стояли комоды, шкафы и конторки со множеством выдвинутых ящиков и ящичков и стол с расставленными на них в беспорядке ретортами, стеклянными трубками различной формы, воздушными насосами, химическими весами, плавильниками и спиртовыми лампочками. Везде видны были свитки проволоки разной толщины, электрические машины совершенно новых систем стояли рядом с такими, форма которых знакома каждому студенту. На одном столе валялись обрезки металлических пластинок, комочки какого-то странного серого вещества, похожего на глину, шарики из бузиновой сердцевины и какие-то перышки, вероятно, служившие для смазывания – словом, в комнате было много необъяснимого и диковинного рядом с вещами самыми обыкновенными.

– Прочти это, – сказал Бернет, подавая Мак Грегору бумагу, испещренную цифрами, буквами, знаками и химическими формулами.

– Это очень, очень интересно, – сказал Мак Грегор, показывая вид, будто действительно заинтересован, хотя содержимое бумаги было ему так же понятно, как египетские иероглифы; но, считая своего приятеля «не в своем разуме», он сознавал необходимость не противоречить ему.

– Что ты об этом думаешь? – просил Бернет.

– Что я думаю? – переспросил Мак Грегор, видя невозможность уклониться от прямого ответа. – Думаю... думаю что это... должно быть, вещь очень хорошая... А в чем тут дело? – вдруг спросил он без обиняков, перевернув листок вверх ногами.

Бернет с нетерпением вырвал у него листок из рук.

– Видишь ты этот шарик? – спросил он с оттенком пренебрежения, которое задело Мак Грегора за живое, хотя он и сам относился к приятелю как к безумному, с несколько обидным состраданием.

– Вижу, – отвечал он с досадой, – на столько-то у меня еще хватит сообразительности.

Шарик, на который указывал Бернет, лежал в стеклянной трубке, а трубка стояла стоймя на пластинке из странного вещества, которое Мак Грегор уже заметил, хотя не мог определить, что это за вещество – растительное или минеральное.

– Смотри же!

С этими словами Бернет коснулся серой пластинки тоненькой проволокой, и в ту же секунду шарик быстро выпрыгнул из трубки и повис над нею в воздухе, поддерживаемый словно магнитным притяжением.

– Что ты на это скажешь? – спросил ученый, весь дрожа от волнения.

– Это очень мило, – отвечал Мак Грегор, желая быть любезным, хотя в сущности опыт показался ему самым обыкновенным, вовсе не интересным, фокусом.

– Мило! Мак Грегор, подумай, что ты говоришь!

– То есть я хочу сказать...

– Слушай, – перебил его Бернет дрожащим голосом, выпрямившись и весь вспыхнув, – в этой комнате я провел безвыходно двадцать лет...

– Тем глупее с твоей стороны, – пробормотал Мак Грегор.

– Эти двадцать лет, – продолжал Бернет, не обратив внимания на его замечание, – я посвятил всецело славной задаче. Ты, друг мой, вероятно, считал меня, наравне с прочими, жалким энтузиастом, проводшим лучшие годы в бесплодной погоне за неосуществимой мечтой.

Мак Грегор сделал рукою жест отрицания, но Бернет словно не заметил этого и продолжал:

– Ты, конечно, жалел обо мне, потому что я сидел взаперти в этих четырех стенах, в то время как ты взбирался на снежные вершины или носился по бурным морям. Вероятно, ты думал, что время кажется мне веком в моей жалкой конурке, куда я добровольно схоронился в одиночестве. Нет, друг мой, годы казались мне днями, а дни минутами.

Мак Грегор стал слушать внимательнее, начиная смутно сознавать, что в голове у этого мечтателя, должно быть, есть же что-нибудь путное. Бернет между тем, увлекаемый потоком собственных дум, продолжал с бессознательным драматическим пафосом в голосе:

– Ты, Мак Грегор, оказал большие услуги своей отчизне, скажу более – всему человечеству. Ты проследил течение многих рек, доискиваясь до их неизвестного источника, ты исследовал непроходимые леса, в которых до тебя не ступала нога человеческая, и труды твои не пропали даром. Спрашиваю тебя: жалеешь ты об одиноких годах, проведенных тобою в Африке, в Азии, на берегах Тихого океана, Арктического и Антарктического морей...

– Нет, не жалею, – перебил его Мак Грегор с увлечением, заинтересовываясь разговором все более и более. Он хотя и считал Бернета помешанным, но известно, что если и помешанный польстит нашему «коньку», то это все-таки приятно – разве похвала эта будет высказана уж в очень глупой форме.

– Скажи мне – доволен ли ты, что стал величайшим путешественником и исследователем своего времени (Мак Грегор поклонился с недоверчивым, но все-таки самодовольным видом), или ради того, чтоб не нажить несколь-

ких седи́н в голове и морщин на лице, ты предпочел бы провести свои лучшие годы в позорной праздности?

– Конечно нет! – энергично воскликнул Мак Грегор.

– В таком случае ты, вероятно, не пожалеешь и о моих трудовых годах, если я скажу тебе, что я открыл...

Он вдруг замолчал и, подойдя к окну, отдернул занавесь. Ночь была морозная, ясная; сквер, на который выходило окно, был покрыт инеем; небо сверкало звездами.

– Посмотри сюда, Мак Грегор!

Оба постояли несколько минут, вглядываясь в звездное пространство, необъятность которого давит наш ограниченный ум. Наконец Бернет продолжал полушепотом, в котором слышалась невыразимая торжественность:

– Пожалеешь ли ты обо мне, если я скажу тебе, что, пожертвовав какими-нибудь жалкими двадцатью годами, я открыл происхождение и сущность того закона, который до меня люди только признавали в его несомненных проявлениях, закона, в силу которого вся совокупность миров представляет не массу беспорядочных, разрушающих одна другую, сил, а стройную армию, каждая составная часть которой содействует величию целого? В этой жалкой ободренной конурке ты видишь перед собой человека, который, если только небо дарует ему хоть десять еще лет жизни, в силах будет остановить движение звезды, совратить планету с ее пути. Друг мой, я открыл могущественнейшую тайну мироздания.

Он вдруг умолк – голос у него пресекся от волнения, руки у него тряслись, как в лихорадке, лицо судорожно подергивалось. Он был подавлен величи́ем собственного открытия: он давно надеялся на успех, но когда наконец надежды его осуществились, он изнемог под силою своей радости.

– Бернет, Бернет, неужели ты в самом деле рехнулся?

– Признаюсь тебе, я сам боюсь, чтобы этого не случилось: у меня теперь в голове то, что способно не только подавить мозг человека, но и самую жизнь его; не знаю, переживу ли я то, что теперь испытываю...

– Да полно тебе хвастать, черт тебя побери! объясни, что ты там открыл. Ты говоришь, я приехал кстати, значит, ты не прочь поделиться со мною своей радостью.

– Еще бы!

– Говори же попросту, без затей: чего ты добился своими опытами?

– Я открыл происхождение...

Он наклонился к уху приятеля и проговорил чуть слышно:

– Силы!

– Пойдем в другую комнату, Бернет – здесь так душно, – сказал Мак Грегор взволнованно.

Они вышли в соседнюю комнату и уселись рядом. Некоторое время оба молчали. Это молчание тяготило обоих, но и тот, и другой были так заняты своими мыслями, что не могли говорить. Огонь в камине стал догорать; никому и в голову не пришло подбросить углей. Один из газовых рожков начал чадить; никто не обратил на это внимания, а между тем обоим смутно становилось не по себе в холодной, смрадной комнате. Наконец Мак Грегор первый прервал молчание:

– Скажи мне, Бернет, как ты думаешь воспользоваться своим открытием? – спросил он. – В каком смысле ты думаешь применить его?

– И сам еще не знаю: пока не могу собраться с мыслями, у меня голова кругом идет от радости. Вспомни: ведь я трудился двадцать лет, а успеха добился не больше, как с час назад.

– Но все-таки можешь ты собраться с мыслями настолько, чтоб сообщить мне – к чему может повести твое открытие?

– Изволь, скажу кое-что. Опыт с шариком и со стеклянной трубкой доказывает, что закон тяготения может быть направлен, изменен и даже вовсе уничтожен. Я могу выработать и усовершенствовать аппараты, необходимые для развития этого изобретения. А результаты будут таковы, что ум человеческий с трудом обнимет их.

Мак Грегор вскочил с места, словно его что-то подбросило.

– Знаешь ли! – вскричал он, – и мне пришло в голову кое-что. Если б можно было применить твое открытие вот как... Постой, я сейчас расскажу тебе... Эх! черт возьми, славно было бы!

Он до того увлекся, что изо всей силы хватил своим здоровенным кулачищем по столу, но стол был старый и не выдержал удара: половина доски с треском грохнула и свалилась на ноги Бернету.

– Боже мой милостивый, что я наделал! Я не знал, что стол такой ветхий. Больно тебе, Бернет? я ушиб тебя? прости ради Бога!

Но Бернет не скоро успокоился. У этого ученого, способного сдвинуть с места тела небесные, были мозоли, и доска от стола, как нарочно, свалилась на самую крупную из них.

Этот маленький забавный эпизод немного отрезвил и успокоил обоих. Они поправили газ, открыли ненадолго окно, чтобы выпустить чад, развели опять огонь и, усевшись перед камином, принялись толковать по душам. Мак Грегор сообщил свой план, который до того заинтересовал Бернета, что он забыл время. Расспросам, предположениям не было конца. Друзья проговорили до рассвета, но наконец физическая усталость взяла-таки свое: они простились крепким рукопожатием, и Бернет ушел спать к себе в лабораторию, а Мак Грегор улегся на кушетке, перед догоравшим камином.

В чем состоял план Мак Грегора – читатель увидит из дальнейших глав.

Глава I

ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОД В ЛЕСУ

Перенесемся теперь в лес на Аляске. Генри Бернет и Александр Мак Грегор сидят рядом на стволе срубленной сосны и изредка лениво перебрасываются словами, частенько поглядывая на горную тропинку, видную в недалеком расстоянии. Они ждут к себе гостей.

На дворе июнь месяц. Вершины гор еще покрыты снегом, но в долине очень тепло. На южных скатах гор розовые кусты осыпаны полураспустившимися бутонами. Год назад в этой долине не было души живой, разве изредка показывался в ней проездом голодный индеец. Теперь в ней живут сотни людей. Она лежит в одном из богатейших минеральных районов Аляски. Из горных хребтов, окружающих ее, вытекают три главные реки в этих краях: Медная, Белая и Танана.

Прошел уж год с тех пор, как Мак Грегор навестил своего приятеля в Лондоне и узнал его роковую тайну. С тех пор он нисколько не переменился, даже не загорел – по весьма простой причине: он уж так загорел в Тибете, что загореть еще больше для него не было никакой возможности. Его большие пронизательные серые глаза так же сверкают, движения так же быстры и гибки, и все черты лица по-прежнему дышат беззаветной отвагой.

Бернет, напротив, так переменился, что его трудно узнать: стан его выпрямился, болезненная бледность лица исчезла, взгляд стал яснее, вообще он окреп, посвежел, словом, стал совсем не похож на то тщедушное существо, каким застал его Мак Грегор в душной лаборатории, которую так удачно окрестил «колдовским вертепом». За последний год он почти не брал в руки книги, зато много работал топором и молотом. Он изъездил много местностей, прежде чем нашел долину, поселиться в которой счел удоб-

ным для своих целей; затем, поселившись в ней, проводил почти все время на открытом воздухе. Улучшение в нем заметно было не только в физическом, но также и в нравственном отношении; тревожное выражение лица его, на котором так ясно отпечатывалась мучительная неизвестность, сменилось выражением бодрой отваги и спокойной уверенности в успехе.

Сидя рядом на стволе, приятели, как мы уже сказали, несколько времени лениво перебрасывались словами и напоследок вконец замолчали, погрузившись каждый в свои думы. До них доносились, по-видимому, откуда-то, не издалека, шум голосов, визг пил, стук молотов; гам был порядочный, но они не обращали на него внимания: он был для них делом привычным.

– Едут! Едут! – вдруг вскричал Мак Грегор радостно, указывая другу на горную тропинку, по которой двигался, выступая в стройном порядке из ущелья, целый караван. Впереди ехало пять человек верхом на лошадях, а за ними тянулась длинная вереница вьючных мулов, по-видимому, тяжело нагруженных; около мулов шли и ехали люди, также каждый со своею ношею.

– Наконец-то мы сегодня пообедаем вкусно! – весело воскликнул исследователь. – Сэр Джордж ведь обещал привезти с собою и своего повара, и хороших припасов, а главное свой погребец. Поедем к нему навстречу, Бернет. Нужно же хоть показать им дорогу в нашу Аркадию, а то они, пожалуй, заблудятся. Сюда можно проехать удобнее, чем тем путем, по которому они теперь едут; слышишь, как они ругаются?

Действительно, на тропинке раздавались недовольные возгласы, очевидно, вызванные неровностью дороги.

– Поезжай один, дружище, и извинись за меня, – отвечал Бернет: – ты знаешь – я плохой ездок верхом.

– Ну хорошо, жди же нас – мы скоро прибудем.

Мак Грегор живо распорядился, чтоб ему подали лошадей и через несколько минут уже скакал навстречу гостям. Бернет остался сидеть на стволе и мало-помалу погрузился в глубокую думу. Брови его нахмурились, на лице

отразилась душевная тревога. Раз или два он проговорил: «Чем все это кончится? чем кончится?» Но вдруг черты его прояснились, и он занялся было решением какой-то простенькой задачи вроде того – сколько будет расстояния от одной звезды до другой, как вдруг веселый голос Мак Грегора свел его с неба на землю.

– Сюда, сюда, джентльмены, – говорил он. – Сейчас я представлю вас величайшему ученому, который когда-либо жил на свете. Потом вы выкупаетесь, и затем мы будем обедать. Славное слово! До сих пор мы здесь только кормились, а обедать будем, собственно говоря, в первый раз, благодаря вашим запасам, Стерлинг.

Всадники спешили и столпились около Бернета, который встал и сделал несколько шагов им навстречу. Солнце в это время заходило, небо на западе горело золотом и пурпуром. Высокие сосны бросали длинные тени на потоптанную и помятую траву. Из-за леса доносился шум и гам трудового люда: молотки стучали, машины гудели, над вершинами деревьев порою поднимались снопами искры; иногда даже высывались огненные языки. Вновь приехавшие переглядывались с изумлением, которое, видимо, очень забавляло Мак Грегора.

– Теперь позвольте вас представить друг другу, господа, – сказал он весело; – начну с хозяина. Вот перед вами лицо м-р Генри Бернет, тот самый великий ученый, о котором я вам сейчас говорил; а тебе, друг мой, представляю сэра Джорджа Стерлинга. Он финансист и ищет новой арены для своих спекуляций; мы ему доставим ее, не правда ли, приятель?

Бернет любезно протянул руку представленному ему джентльмену, рослому полному мужчине с темными бакенбардами и деловым выражением лица. Затем Мак Грегор кратко представил ему остальных.

– М-р Вальтер Дюран, литератор, ищет новых тем для романов. М-р Виктор Гревз, художник, ищет новых сюжетов для картин. М-р Чарльз Блэк, политик, ищет нового поста для своей деятельности. М-р Фредерик Гордон, га-

зетный корреспондент, ищет новой местности, откуда отправлять сведения в редакции.

Первый из поименованных был высокий красивый брюнет с выразительными черными глазами, второй – бородастый блондин с трубкою в зубах, третий – веселый бойкий ирландец, четвертый – сухощавый жилистый господин с весьма энергичным выражением лица. Бернет обменялся с каждым из них вежливым поклоном и приветом; затем Мак Грегор повел своих гостей по лесной тропинке. Через несколько минут они добрались до просеки, на которой был выстроен посреди зеленой лужайки длинный одноэтажный деревянный дом.

– Вот вам и помещение, господи! – сказал он. – Здесь вы поживете, надеюсь, весело и приятно, некоторое время, до начала настоящего дела. Идите теперь купаться, а затем милости просим в столовую.

Через час или около того все собрались в столовой. Обед был подан на славу. Кроме консервов, привезенных сэром Джорджем, на столе красовались различные блюда, доставленные ближайшим лесом и местною рекою: свежая лососина, речная форель, кролики, лопатка *тебаи*, рост-биф из карибу, грибы, известные в тех краях под названием мышьих носиков, черные дрозды, дикие утки и тому подобные вкусные вещи. Как для хозяев, так и для гостей, которые проехались порядочно верхом на свежем горном воздухе, пир был истинно царский. Вино, доставленное также сэром Джорджем, лилось в стаканы и бокалы щедрой рукой. Бернет был задумчив и не особенно разговорчив, но Мак Грегор болтал без умолку, рассказывая гостям свои приключения в Тибете и попеременно заставляя их то смеяться до упаду, то содрогаться от ужаса. Мало-помалу, может быть, благодаря щедрым возлияниям, гости, которые были мало знакомы между собою и почему-то хмурились друг на друга, разговорились и сошлись; каждый решил про себя, что его случайные товарищи люди премилые, и подивился, как он до сих пор был так глуп, что не замечал этого.

Когда обед был кончен, все закурили сигары, и общество разделилось на две партии. Бернет, Мак Грегор и сэр Джордж занялись финансовыми вычислениями; остальные, чтоб не мешать деловому разговору, отошли в сторону и начали болтать.

– Скажите мне, Дюран, – спросил художник, – зачем вы, собственно, сюда приехали?

– Вы слышали, что сказал Мак Грегор, – отвечал Дюран со смехом, – искать новой темы для романа.

– Чушь! найдете вы новую тему в этом первобытном лесу. Еще бы Блэк надеялся найти здесь дипломатический пост!

– А вы рассчитываете раздобыться здесь сюжетом для картины?

– Интересно, о чем-то я буду писать отсюда в редакции? – засмеялся Гордон.

– Знаете что? – вмешался Блэк: – расскажем каждый из нас – что привело его сюда. Так, может быть, мы скорее дознаемся, чего мы можем ожидать. Начинайте, Дюран!

– Извольте, – отвечал Дюран. – Я получил от Мак Грегора письмо строки в четыре – не больше, в котором он извещал меня, что, если я хочу заставить всех сенсационных романистов позеленеть от зависти, то должен сесть на пароход «Аризона», идущий из Лондона в Америку 15 числа прошлого месяца, и высадиться на острове Ванкувере. «Там», – писал он, – «будет ждать вас маленький пароходик, нанятый мною для того, чтоб отвезти вас туда, где вы найдете проводников, которые и приведут вас на место». Куда они должны привести меня – он не говорил; я думал, что он намерен тащить меня куда-нибудь в Азию или в Африку; делать было мне нечего: пути для английского романиста так избиты, что я не мог отыскать себе ничего подходящего. Я поверил ему на слово и приехал сюда.

– Почти такое же письмо получил и я, – сказал Гордон. – Он написал мне, что, если я хочу повергнуть всех «специальных корреспондентов» в прах перед собой, то должен сесть на «Аризону» и т. д.; я послушался, и вот я здесь.

– И мне он написал в том же роде, – сказал Гревз: – если, мол, я хочу затмить оригинальностью моего сюжета всех художников древних и новых, то и т. д.; я послушался его, сел на «Аризону» и прикатил сюда.

– А мне он прямо обещал место, сказал Блэк, – и я приехал сюда – конечно, также с «Аризонай» – даже не спросив, какое.

– А если он предложит вам такое место, к какому вы неспособны? – осведомился Дюран сухо.

– Я-то? Да разве есть на свете такое место, к какому я неспособен? Полноте, любезнейший: ведь я политик, значит, подобное предположение немыслимо.

– Если б мы не знали так хорошо Мак Грегора, – сказал Гордон, – мы могли бы подумать, что он поставил нас в весьма глупое положение. Поверив ему на слово, мы приехали сюда и вместо всяких сюжетов для картин, корреспонденций – словом, всего, что нам нужно – нашли деревянный дом и непроходимый лес, из-за которого доносится к нам какая-то чертовская стукотня.

– Не сомневайтесь в Мак Грегоре, господа, он неспособен обмануть вас, – сказал Дюран с уверенностью. – Вот посмотрите, он выкинет какую-нибудь такую штуку, что всех удивит.

Не прошло и десяти минут, как слова его сбылись. Мак Грегор подошел к ним и сказал весело:

– Ну, джентльмены, дни здесь жаркие, ночи холодные, а вечера свежие, но очень приятные. Теперь посвежело, вечер славный. Надевайте теплые пальто, закуривайте новые сигары и пойдемте с нами: мы покажем вам наши заводы.

– Какие заводы?

– Литейные, плавильные, угольные копи, железные рудники, паровые молоты, краны и всякие такие штуки, пойдемте!

С этими словами Мак Грегор вышел; Бернет и сэр Джордж Стерлинг вышли вслед за ним. Остальные переглянулись и также пошли за первыми тремя.

Через лес по скату невысокого холма, на котором стоял дом, вела довольно широкая просека. Приезжие думали,

что им придется идти в глубоком мраке, но к их великому удивлению на дороге было светло, как днем. Ученый, путешественник и капиталист шли впереди, остальные следовали за ними в некотором расстоянии. Таким образом, общество разделилось на две партии и, как часто бывает, в каждой партии толковали о другой.

– Как вам нравится наш новый знакомый, ученый м-р Бернет, господа? – спросил Дюран.

– Он славный малый, кажется, – отвечал Гордон, – только как-то уж чересчур тих и спокоен. Впрочем, сейчас видно, что он человек недюжинный. Интересно, где это Мак Грегор подцепил его и что он думает делать с ним? Каково он рекомендовал его нам, заметили вы? величайший-де ученый, какой когда либо жил на свете! Немного сказано.

– Да, сейчас видно, что он главный козырь в руках у Мак Грегора, – сказал Блэк. – Слышали вы, как этот ученый барин его принял, когда тот приехал к нему в Лондон прямо из Тибета?

– Нет, не слыхали. Расскажите!

– Сейчас расскажу, мне Мак Грегор передавал. Ученый сидел в тот вечер в своем кабинете, должно быть, исследуя – из чего сделана луна: из зеленого сыра или из отборного честера. Мак Грегору пришлось ждать чуть не полдня, пока он к нему вышел, а ведь они закадычные приятели с детства.

– Да, это странная парочка.

– А баронет? что вы о нем скажете?

– О! это счастливейший человек в мире.

– Почему?

– Он умен – это прекрасно, и у него есть деньги – это еще лучше.

Впереди шел разговор такого рода:

– Что вы думаете о ваших спутниках? – спросил Мак Грегор у сэра Джорджа, – не правда ли, они все люди надежные?

– Надежные? – переспросил баронет. – Ну, не знаю: я бы не поверил ни одному из них и пятидесяти фунтов. Надеюсь, вы не дали займы ни одному из них?

– А хотя бы и дал! – чуть не вспыхнул Мак Грегор. – Неужели дурно одолжить человеку, который нуждается в помощи?

– Дурно! в тысячу раз хуже, чем дурно, Мак Грегор, это непрактично!

– Ну, на этот счет у меня свои понятия. Но я спрашивал о их надежности не в финансовом отношении. Как вы думаете, все они люди порядочные и храбрые, не так ли?

– О! в этом отношении я не имею сказать против них ничего.

В это время они дошли до возвышавшейся посреди дороги скалы, которую нужно было обогнуть. Все трое приостановились; остальные подошли к ним; все вместе обогнули скалу и остановились в изумлении.

За скалою был крутой обрыв, обнесенный перилами наподобие большого деревянного балкона. Внизу, в долине, пылал и копошился настоящий ад. Оттуда-то и слышался шум, который по мере того, как они приближались к обрыву, становился все громче и в этом месте был истинно оглушителен. Длинные ряды деревянных построек, навесов, сараев и т. п. тянулись во все стороны, ярко освещенные электрическим светом. Громадные печи трещали и пылали, целые потоки расплавленного металла, рассыпая по воздуху яркие снопы искр, лились в огромные чаны или в заранее приготовленные формы. Жидкая медь переливалась голубоватым блеском, железо – красноватым. Смуглые полунагие люди сутились и совались во все стороны, как настоящие демоны. Исполинские крюки поднимали необъятные тяжести, огромные молоты ковали раскаленную сталь, как мягкую мастику, страшной величины пилы с адским визгом пилили металлические массы так же легко, как ножик режет хлеб, тысячи колес вертелись во все стороны. Все это сверкало, горело и чернело в дыму и пламени; а вверху, где стояли зрители, все было свежо и тихо и вместо фабричного смрада чувствовался свежий, ароматный запах молодой сосны.

Все приезжие смотрели молча, погруженные в глубокую думу: каждый начинал сознавать, что стоит лицом к

лицу с серьезным делом, и невольно задавался вопросом: по силам ли будет ему это дело, в котором он так легко согласился принять участие?

– Ну, налюбовались? – послышался, наконец, веселый голос Мак Грегора. – Пойдемте же домой, сегодня нужно лечь спать пораньше, ведь вы проехали порядочно верхом, так верно рады будете отдохнуть.

Все ворвались в дом. Мак Грегор указал каждому его «конурку», говоря, что не смеет называть спальней такое скромное помещение, а сам накинул на себя меховой плащ, нахлобучил меховую шапку и закутался так, что видны были только его два зоркие глаза, кончик загорелого носа и огонек сигары.

– Покойной ночи, господа! – сказал он весело, отворяя наружную дверь.

– Куда вы, Мак Грегор? – спросил баронет.

– В обход, – отвечал он коротко и исчез за дверью.

Глава II

ЧТО СТАЛОСЬ С ИНДЕЙЦЕМ

На другой день, после завтрака, Мак Грегор обратился к четырём младшим членам своей партии – Дюрану, Гревзу, Блэку и Гордону – с такою речью:

– Для вас, господа, у нас еще несколько недель не будет никакого дела. Вследствие несчастного случая – к сожалению, они у нас не редки – в нашем предприятии произошла остановка. Отдыхайте пока от дороги, ходите на охоту, ловите рыбу, катайтесь – здесь есть что посмотреть и чем поразвлечься. Для вас найдутся у нас и ружья, и рыболовные снаряды; мы можем также дать вам лошадей, пока отдохнут ваши. Позабавьтесь, пока есть время.

Молодые люди не заставили его повторять это дважды. Как скоро наступало утро, они отправлялись кто в лес, кто к реке, стреляли карибу и прочую дичь, ловили громадных лососей, ходили даже на медведя, словом, проводили время приятно и не без пользы, так как их охота и рыбная ловля доставляли свежую провизию к обеду. По вечерам обыкновенно собирались они вместе, курили и болтали о том, о сем, чаще всего строя предположения, чем заняты их «старшие», как они называли Бернета, Мак Грегора и сэра Джорджа, которые почти безотлучно находились при работах. Но с расспросами к ним они не приставали, зная, что разгадка придет в свое время. Так текли дни за днями, тихо, мирно, пока, наконец, трагическое приключение не нарушило этого приятного однообразия.

– Никак а не могу понять, что за человек Бернет, – сказал Блэк однажды вечером, когда они собрались все четверо в доме в ожидании обеда, который всегда подавался поздно. – Он для меня самая неразгаданная личность, какую я когда либо встречал. Всегда озабочен и всегда веж-

лив, постоянно серьезен, а между тем относится так снисходительно к нашим подчас легкомысленным выходкам. Утром он уходит из дома одетый чисто, опрятно, словно в гости, вечером возвращается весь черный, как трубочист. Не выберешь время и потолковать с ним; утром он так сосредоточен в своих мыслях, что к нему не подступишься, вечером так утомлен, что жаль его тревожить.

– Он, кажется, до сих пор не знает, как нас зовут, – заметил Гордон. – Если ему нужно сказать что либо кому-нибудь из нас, он обращается к нему со словом «мистер» и только.

– А все-таки он славный малый! – воскликнул Дюран.

– И я того же мнения, – согласился Гревз.

Оба очень симпатизировали ученому: Дюран проектировал сделать его героем трехтомного романа, а Гревз замыслил списать с него шильонского узника или кого-нибудь в этом роде.

– А что вы скажете о Мак Грегоре? – спросил Блек. – Этому, кажется, сами черти служат.

– Черти не черти, возразил Гордон, – а, пожалуй, что близко к тому. Если ему удалось забрать себе в лапы такого чертовски полезного человека, как сэр Джордж, значит ему, как говорится, бабушка воровит. Ведь такого козыря, как наш баронет, днем с огнем поискать: и умен, и практичен, а богат-то как! Я думаю, он один стоит...

Гордон приостановился, недоумевая даже, в какую сумму оценить баронета.

– Обедать, господа! – воскликнул Мак Грегор, входя в комнату. Бернет и капиталист вошли вслед за ним; у каждого была в руках бумажка, испещренная цифрами и фигурами, и каждый, подходя к столу, как бы нехотя сунул свой листок в карман, словно жалея, что приходится откладывать в сторону деловые соображения для такого пустого процесса, как обед.

Все сели за стол. Разговор за обедом обыкновенно шел живо; один молчаливый Бернет редко вмешивался в него, хотя, очевидно, отдыхал и развлекался, прислушиваясь к болтовне остальных». Но в этот вечер на трех «старших» на-

пала какая-то сосредоточенность, а, глядя на их серьезные лица, присмирели и младшие. Все мало-помалу совсем при-
молкли; тишина в комнате нарушалась только отдаленным
гулом, доносившимся с заводов.

– Боюсь, что вы приехали сюда раненко, Стерлинг, – ска-
зал, наконец, Мак Грегор, обращаясь к капиталисту с нео-
бычайною для него торжественностью.

– А что? – осведомился баронет с удивлением.

– На заводе народ волнуется. Ходят слухи, будто боль-
шая часть мешков, что вы привезли с собой, полна золо-
тых монет.

– Хоть бы и так, что ж из этого?

– А то, что, во-первых, рабочие легко могут потребовать
прибавки платы, которая, как вы сами знаете, у нас и без
того ненормально высока, и в случае отказа забастовать,
что было бы для вас крайне нежелательно. Во-вторых, они,
чего доброго, затеют перерезать нас всех. За деньги этот на-
родец на все пойдет, особенно мулаты – сущие дьяволы.

– Жаль в таком случае, что вы меня вызвали так рано, –
согласился баронет, слегка нахмутив брови. – Ведь я не по
своей охоте поторопился, вы сами назначили мне срок...

– Я и думал, что все готово или, по крайней мере, будет
готово через несколько дней, – сказал Мак Грегор, – но, к
несчастью, случилась ошибка; многое пришлось начать сыз-
нова, оттого и произошла задержка.

– Это не ошибка, – спокойно возразил Бернет. – Просто
произошел несчастный случай, благодаря неопытности ра-
бочих.

– Знаю, что не ваша вина, Бернет, – поспешил прибавить
Мак Грегор, – да дело-то выходит на то же. К сожалению, у
меня есть еще неприятная новость.

– Еще?

– Да, часть рабочих вошла в сношения с партией так
называемых «черноногих индейцев» и подбила их напасть
на нас.

– Вот как! – воскликнул баронет с испугом. – Когда же,
вы думаете, нужно ожидать нападения?

– Сегодня вечером.

– Сегодня? может ли быть! как же это? – разом закричали все, кроме Маг Грегора и Бернета, поднимаясь со своих мест. – Сегодня вечером, и вы сидите так спокойно!

– Не тревожьтесь, господа, – проговорил Мак Грегор самым хладнокровным тоном. – Наш приятель, – он указал на Бернета, – уж принял все меры, какие нужно.

Едва успел он сказать это, как невдалеке послышался выстрел, и вслед за тем раздался дикий воинственный клик.

– Не пугайтесь! – повторил Мак Грегор. – Отойдите только подальше от окна: я отворю ставню.

Бернет встал и, подойдя к стене, придавил какую-то пуговку. Комната, за миг перед тем ярко освещенная, вдруг погрузилась в мрак. Мак Грегор подошел к окну и отпер железную ставню. За окном также царила непроглядная темнота. Невдалеке опять раздался выстрел; очевидно, это был сигнал. Бернет придавил другую пуговку – и вдруг на весь лес, чуть не на полмили в окружности, словно пролился яркий поток света: на каждом дереве вспыхнули электрические фонари, ослепляя глаз своим сиянием. В то же время вблизи дома раздался испуганный крик многих голосов, и бывшие в столовой увидели из окна человек пять-десять индейцев, распростертых на земле в положении, выражавшем сильнейший страх и полную покорность. Атака их кончилась раньше, чем началась. Они надеялись подкрасться в темноте, но, ослепленные внезапным светом, вообразили, что пришел конец мира и с воплем ужаса пали ниц перед волшебником, которому приписывали это чудо.

Мак Грегор в сопровождении остальных – само собою разумеется, что никто из них не забыл захватить с собой оружие – вышел к ним и объявил им помилование. Хорошо, что он поторопился: бунтовщики с завода, удостоверившись, что индейцы уже явились, и ожидая, что битва между хозяевами и ими сейчас разгорится, прибежали к ним на помощь, вооруженные молотками и ломami. Впереди бежали мулаты, за ними шли белые рабочие, все больше кузнецы и пиротехники, занимавшие на заводах более видное положение. Они, в сущности, не были бунтовщиками,

но, не в силах будучи остановить движение, решились присоединиться к победителям, какая бы сторона не одержала верх. Положение «хозяев» было довольно критическое: хотя все они были вооружены скорострельными ружьями и револьверами, но численный перевес был на стороне врагов. К счастью, мулаты, увидев индейцев распростертыми на земле, приостановились, и воинственный пыл их поутих; пошептавшись между собою, они начали было отступать, и все, казалось, готово было уладиться, но у «хозяев» был враг, опасности которого они не подозревали. Старый предводитель индейцев был человек весьма хитрый и отважный; он часто бывал между европейцами, много слышал о «белом колдуне» — так называли Бернета, слава которого успела проникнуть уже далеко — и понимал, что вся суть в нем и что, если б его не стало, то прочие без него ничего не поделяют. Однако он ничем не выдал, что было у него на уме, и преклонил перед ним колени вместе с прочими, но когда Мак Грегор, сделав индейцам знак, что они могут встать и удалиться, пошел обратно к дому с остальными, индеец не остался со своей шайкой, а незаметно пошел за англичанами. Пропустив младших вперед, Мак Грегор шел в арьергарде со своими главными помощниками; индеец подкрался к ним сзади, как змея; в руке у него сверкнул длинный нож — и Бернет упал на землю, обливаясь кровью.

Броситься на индейца, схватить его железной рукой за горло, повалить и придавить коленом было для Мак Грегора делом одной минуты. Но падение Бернета было тотчас замечено. Толпа рабочих, начавшая было расходиться, остановилась; индейцы переменили покорный вид на свирепый. Дело опять начало принимать грозный оборот для англичан: что могли сделать семеро, хотя и хорошо вооруженных, людей против рассвирепевшей толпы человек в двести, ждавшей только сигнала, чтобы кинуться на них. Но Мак Грегор не потерялся: его удивительная сообразительность не покинула его и в эту опасную минуту.

— Кто-нибудь из вас, подержите эту собаку, — сказал он, обращаясь к товарищам, — а я посмотрю, что с Бернетом. Остальные — стойте наготове и, как скоро один из этих не-

годяев сделает хоть шаг вперед, стреляйте, сплотитесь вместе – вот так! молодцы!

Энергичный Гордон бросился к индейцу и приставил к его виску дуло своего револьвера. Прочие живо выполнили предписанный им маневр, словно век повиновались подобным приказаниям. Успокоившись, что индеец не уйдет, Мак Грегор подошел к Бернету, у которого кровь лилась ручьем. Перевязывая ему наскоро рану, Мак Грегор начал вполголоса убеждать его в чем-то.

– Нельзя ли обойтись без этого? – проговорил Бернет слабым голосом, – тяжело...

– Полно вздор молоть! Что значит жизнь одного человека в сравнении с жизнью сотни людей! Неужели ты не видишь, что, если нам не удастся их рассеять, битва завяжется насмерть? Не думаешь ли ты, что они простоят так целую ночь и будут смотреть на нас? Стоит кому-нибудь крикнуть: «Вперед!» и вся ватага на нас кинется. Решайся, пока не поздно.

– Ну, хорошо. Слушай!

Мак Грегор наклонился к нему, и он вполголоса с сильной поспешностью дал ему какие-то инструкции.

– Понимаю, – сказал Мак Грегор, вставая. – Будет сделано, и – поверь – это единственный выход.

Между тем обе враждебные стороны все стояли одна против другой, не трогаясь с места, но, по-видимому, горя нетерпением вступить в битву. Мак Грегор подошел к товарищам и шепнул им торопливо:

– Господа, этот индеец должен умереть, иначе мы все погибнем. Если нам не удастся их разогнать, они через пять минут нападут на нас. Наша жизнь на волоске. Я стою за то, что этот злодей достоин смерти; говорите скорее: согласны вы со мной?

– Согласны! – ответили все в один голос.

– Хорошо, – сказал Мак Грегор и быстро подошел к тому месту, где лежал индеец, не смея шевельнуться под револьвером Гордона.

– Вставай и иди впереди, – сказал он дикарю, наводя на него свой револьвер и сделав знак Гордону отойти к про-

чим. Индеец встал и вышел на середину площадки, окруженной собравшейся толпой. Мак Грегор вынул из кармана шелковый мешок и вытряхнул из него что-то похожее на серую скользкую глину, затем отшвырнул мешок далеко в сторону.

– Стань тут! – приказал он индейцу, указывая ему на это место. Тот угрюмо повиновался и ступил на глину своими мокасинами.

– А вы, – крикнул он окружающим индейцам и рабочим, – ни с места! иначе пеняйте на себя. Стойте и смотрите!

В голосе у него прозвучало столько энергии, столько власти, что бунтовщики повиновались, хотя между ними проносился глухой, зловеющий гул.

– Поди сюда, Смит! – позвал он одного из рабочих, которого знал как главного зачинщика восстания. Тот колебался с минуту, затем нехотя повиновался и подошел к хозяину. Мак Грегор вынул из другого кармана что-то, бережно завернутое в шелковую ткань, развернул обертку и подал Смиту довольно тяжелую металлическую пластинку. Прочие внимательно следили за этого сценою; яркий свет электрических фонарей рельефно освещал их бледные свирепые лица.

– Передай это своему приятелю, – сказал Мак Грегор, указывая ему на индейца.

Смит взял пластинку и приостановился в недоумении, словно не зная, как ему поступить.

– Делай, что велят, не то я пристрелю тебя на месте!

Невольно повинуясь магическому влиянию этого сурового, твердого, как сталь, голоса, рабочий взял пластинку с напускною хвастливостью, точно желая сказать: «Полно вам форсить!» и пошел к тому месту, где стоял индеец.

– Близо не подходи! – крикнул ему Мак Грегор. – Передай ему издали!

Смит машинально повиновался. Бернет, все еще лежавший на земле, с усилием приподнялся и отвернулся, чтобы не видеть происходившего. Мак Грегор, напротив, не спу-

скал глаз с индейца; взгляд его сверкал непоколебимой, мрачной решимостью.

Дикарь взял пластинку с тем же выражением угрюмого равнодушия, которое не покидало лица его с тех пор, как его схватили. Но едва пальцы его успели коснуться блестящего металла, как он вздрогнул всем телом, вытянулся и словно распался в прах. На том месте, где он стоял, очутилась груда какой-то бесформенной мякоти. Смит в ужасе отшатнулся и наверно упал бы, если бы Мак Грегор не поддерживал его.

– Видишь? – сказал он ему, многозначительно указывая на безобразную груду. – Теперь ступай домой и уведи с собой своих товарищей.

Толпа, объятая ужасом, разошлась, не говоря ни слова. Индейцы бросились бежать, как перепуганные овцы. Тогда Мак Грегор, внутренне торжествуя победу, хотя лицо его выражало одно суровое спокойствие, подошел к Бернету, который был в обмороке, поднял его и с помощью других перенес в дом. Там его уложили в постель, перевязали как следует и привели в чувство.

– Мы, кажется, все обязаны вам сегодня жизнью, Мак Грегор, – сказал сэр Джордж.

– Пожалуй, что и так, – согласился Мак Грегор. – Бернет величайший ученый в мире, об этом спора нет, а все же иногда и простой, но энергичный человек, как я, может пригодиться.

– Вы доказали это сегодня вполне, – сказал баронет, горячо пожимая ему руку. – Но скажите, умоляю вас, что вы сделали этому несчастному дикарю?

– Об этом уж спросите Бернета. Это его выдумка, хотя вы видели, с каким трудом я убедил его привести ее в действие. А он и придумал-то ее именно на тот случай, если придется дать острастку – во избежание большого кровопролития: ведь он знал, с каким народом мы имеем дело.

– Я не решусь заговорить с ним об этом, – сказал сэр Джордж. – Я и не добиваюсь знать, что это за ужасный состав; скажите только, если можете, в чем состоит его действие?

– Он уничтожает всякую связь между составными частями человеческого тела, – отвечал Мак Грегор глухо.

Никто не сделал никакого замечания. Все молча простились и разошлись по спальням, подавленные впечатлениями ужасного вечера.

Глава III

СТАЛЬНОЙ ШАР

На другой день работа на заводах шла на славу: все рабочие наперерыв старались угодить хозяевам. Индейцы исчезли.

Мак Грегор встал с рассветом и ушел на заводы, прежде нежели кто-нибудь поднялся в доме. В продолжение дня он несколько раз возвращался в дом для совещания с Бернетом, лежавшим в постели; при этих совещаниях присутствовал и сэр Джордж. Остальным не сиделось на месте: они бродили около дома с сигарами, оживленно разговаривая. Никому не приходило в голову отправиться ни на охоту, ни на рыбную ловлю; все были заняты происшествиями прошлого вечера. Невдалеке от дома была насыпана свежая могила, и все не только тщательно обходили ее, но даже старались не смотреть в ту сторону.

Прошло несколько дней. Бернет поправился и стал по обыкновению выходить на работы. Вдруг в один ясный день на заводах настало какое-то странное затишье. Около полудня рабочие с котомками на плечах толпами потянулись по тропинкам, ведущим из леса на берег; тогда младшие члены компании – баронет, судя по всему, был посвящен если не во все, то во многие тайны Бернета и Мак Грегора – вспомнили, что когда пароходик, специально для них нанятый, привез их с острова Ванкувера, капитан сказал им, что ему приказано остаться у берега и подождать толпу рабочих, которые заняты внутри страны, чтобы отвезти их обратно, когда они кончат свое дело. Теперь это время, по-видимому, наступило: на заводе осталась только небольшая кучка самых искусных рабочих, но им, по всему судя, было дела еще довольно.

В этот день за обедом все были как-то странно молчаливы; разговор не клеился – может быть, этому содействова-

ла необычайная тишина и темнота, господствовавшая за стенами дома. Не слышно было оглушающего стука паровых молотов, не видно яркого пламени, вспыхивавшего бывало то и дело из заводских труб за лесом; только мелькали из-за ветвей, словно звездочки, освещенные окна некоторых строений, да доносились в открытые окна издали постукивания ручных молоточков. В темном теплом воздухе веяло какою-то тайною. Старшие сидели утрюмо и сосредоточенно, погруженные каждый в свою думу, а младшие не решались приставать к ним с расспросами.

Прошло еще несколько дней, и на разъездах водворилась полнейшая тишина, даже молоточки умолкли. Тем не менее, трое старших с утра отправились на завод. Что они там делают? – спрашивали друг у друга младшие, теряясь в догадках. Наконец Гордон, самый энергичный из всех, как и следует быть специальному корреспонденту, не выдержал и вскочил с места:

– Что мы тут мучаемся! – воскликнул он. – Пойдемте и мы на завод, авось узнаем, в чем дело.

– Сходите вы и расскажите нам, Гордон, спасибо скажем, – отвечал Блэк, лениво закуривая сигару.

Прочие также отказались идти, ссылаясь на лень и жару. Гордон ушел один, но через полчаса рабочий принес Блэку коротенькую записку такого содержания: «Идите скорее на заводы. Здесь есть диковинка, перед которой ничто все чудеса тысячи одной ночи. Гордон».

– Верно, этот колдун Бернет выкинул какую-нибудь штуку, – сказал Дюран. – Это интересно. Пойдемте, Гревз!

Блэка не нужно было приглашать; он чуть не бегом побежал вперед. Они пошли той дорогой, которая вела к обрыву. Блэк добежал первый до деревянного балкона, наклонился вниз и вскрикнул с таким изумлением, что его спутники бросились к нему опрометью.

– Что случилось? – воскликнули они разом.

– Бернет построил маленькую луну, – отвечал Блэк. – Смотрите!

Действительно, на площадке перед главным зданием завода сверкал на солнце шар из вороненой стали футов пя-

тидесяти в диаметре. Формою он напоминал в точности земной шар и подобно ему был придавлен с двух сторон. Таково было создание Бернета и, вероятно, дело его было кончено вполне: остававшиеся еще на заводах рабочие тоже собирались в путь и один за одним выходили на дорогу со своими котомочками.

Нелегко было Бернету привести к концу свое предприятие. Оно стоило ему больше года самого упорного труда, но должно заметить, что ему пришлось употребить наибольшую часть этого времени на приготовительные работы. Нужно было самому устроить рудники, чтобы добыть металл, самому прорыть копи, чтобы добыть уголь, самому построить заводы, устроить паровые молоты, краны, паровые пилы, а главное, обучить рабочих и заставлять их работать, не спуская с них глаз, так как малейшая ошибка, неточность или недобросовестность могли погубить все. Доставка припасов для продовольствия была также сопряжена с громадными трудностями, словом, местность для производства работ была, по-видимому, выбрана самая неподходящая, но она обладала двумя удобствами, заставлявшими забыть все неудобства: во-первых, там легко можно было добывать в значительном количестве металлы и уголь, во-вторых, там вовсе не было общественного мнения. В этой уединенной долине не было никого, кроме лиц, приглашенных Бернетом и Мак Грегором, и рабочих. Первые не захотели бы изменить их тайне, а последние не могли бы. Ни один из рабочих не мог бы добраться обратно до берега без письменного разрешения от хозяев смотрителям расположенных по дороге складов съестного снабжать его припасами: он бы умер с голода или принужден был бы воротиться. Теперь, когда дело было кончено и рабочие получили расчет и позволение воротиться восвояси, Бернету не было до них дела: он знал, что «стальной шар» — так назвал он свою машину — исчезнет с лица земли задолго до того времени, пока они успеют разболтать о нем что-нибудь. Об индейцах он не заботился: они никогда не подходят даже близко к европейским селениям, да если б они и вздумали болтать, им никто не поверил бы. Вот что

заставило Бернета выбрать негостеприимную долину на Аляске для того, чтоб трудиться там над своею таинственною постройкою. И, наконец, труды его увенчались успехом: странный стальной шар, в устройство которого он вложил всю душу, был готов и лежал, сверкая на солнце, перед удивленными взглядами тех, что смотрели на него с высоты обрыва. Возле него стояли Бернет, Мак Грегор и сэр Джордж. Бернет был погружен в свое обычное раздумье, а сэр Джордж усердно толковал ему что-то, чертя в то же время цифры в своей записной книжке. Мак Грегор первый оглянулся и увидел стоявших наверху.

— Здравствуйте, господа! — закричал он им своим веселым голосом. — Вы пришли посмотреть нашу диговинку? Идите сюда! сейчас я все вам покажу.

Говоря это, он указывал им на тропинку, по которой легко можно было спуститься в долину. Они поспешили сойти. К шару вела деревянная подставка, по которой они дошли до него. Мак Грегор отворил дверь, проделанную в нем сбоку, и ввел их во внутренность его.

— Смотрите сколько хотите, — сказал он, — но только не требуйте от меня никаких объяснений: я сам, хоть убейте, ничего не понимаю. Бернет может объяснить вам все, но он выражается таким ученым языком, что вряд ли и вы что-нибудь поймете.

Вокруг внутренней стороны шара вилась спиральная лестница. У этой лестницы, настолько отлогой, что ее вернее можно было бы назвать скатом, шли перила и с верхней, и с нижней сторон, так что, если б шар перевернулся вверх дном, то можно было бы ходить и по нижней стороне ее так же удобно, как по верхней. Вообще в шаре не было, собственно говоря, ни нижней, ни верхней стороны: одна была точным подобием другой. На полу стояли удобные кресла, роскошные мягкие кушетки, письменные столы и шкафы с книгами; все это было крепко привинчено к полу. Точно такие же кресла, кушетки, столы и шкафы висели с потолка вверх ногами.

Посреди шара была устроена, привешенная на цепях, словно большая корабельная лампа, поместительная плат-

форма. К ней был приделан весьма большой телескоп и со спиральной лестницы можно было видеть, что она вся заставлена астрономическими инструментами; какие-то странные расписания, с буквами, цифрами и линиями, до того мелкими, что их, казалось, трудно было разглядеть без увеличительного стекла, были врезаны в массивный деревянный стол, стоявший посередине платформы. Значительная часть внутреннего пространства шара наполнялась крепкими железными резервуарами; к каждому резервуару был прибит ярлычок с обозначением количества его содержимого, и, кроме того, на особом расписании обозначена была общая цифра содержимого во всех резервуарах. Все они были наполнены сжатым воздухом.

По всей окружности шара были проделаны бесчисленные окна, заделанные тройной толщины стеклом, крепким как сталь, но совершенно прозрачным. Очевидно, вентиляция шара должна была производиться не через окно, а каким-нибудь иным способом.

– Понимаете теперь, в чем дело, Блэк? – спросил Мак Грегор, улыбаясь.

– Как нельзя лучше, – ответил Блэк, делая вид, что и в самом деле понимает кое-что: – впрочем, мне еще не совсем ясно...

– Верю, – перебил его Мак Грегор со смехом. – Ну, скажу вам прямо, и я, по всей вероятности, понимаю столько же, сколько и вы. У меня есть перед вами только одно преимущество.

– Какое?

– Я знаю, куда полетит шар, а вы не знаете.

– Разве он полетит куда-нибудь? вы его продали?

– Продать его! ни за какую цену, хотя бы мне предложили за него звание тибетского далай-ламы.

– Послушайте, Мак Грегор, пора бы вам, кажется, сообщить нам что-нибудь о ваших намерениях, – сказал Блэк, принимая более серьезный тон. – Вот уж несколько недель, как мы живем здесь, в первобытном лесу, который, право, больше похож на Бедлам, чем на Аркадию. Вы, Бернет и сэр Джордж затеяли между собой какие-то проказы, а нам

ни слова о ваших затеях: только и знаете, что перешептываетесь и перемигиваетесь втроем! Вы думаете – нам приятно хлопать на вас глазами, не понимая, в чем дело? Объясните, наконец, к чему вам эта махина, которая, по правде сказать, гораздо интереснее, но и гораздо загадочнее Эйфелевой башни.

– Вы совершенно правы, – согласился Мак Грегор. – Перед нашим стальным шаром Эйфелева башня чистейший пустяк.

– Ну да, и я говорю то же; я только скажу вам прямо: если вы не объясните мне – к чему вы его построили, я сегодня же уеду отсюда. Я не намерен ждать, чтоб опять появились индейцы и чтоб вы начали обращать их в прах. Меня до сих пор еще дрожь берет, как я об этом вспомню...

– Не горячитесь, Блэк. Не далее, как сегодня за обедом, вы все узнаете.

– Что именно?

– Узнаете – куда полетит шар и кто в нем полетит.

– А когда он полетит? – спросил Блэк насмешливо.

– Сегодня ночью, – отрезал Мак Грегор.

– Да, пора нам приготовиться в путь и улечься, – заметил сэр Джордж своим обычным спокойным тоном. – Вы, Блэк, Мак Грегор и Гордон большие путешественники, у вас, вероятно, не будет с собой поклажи, кроме разве запасной фланелевой блузы, да запасной пары чулок, ну а мы, остальные, люди оседлые, любим удобства. Разойдемся же пока, чтоб заняться делом.

– Что вы думаете обо всем этом, Дюран? – спросил Блэк на обратном пути к дому. – Понимаете вы что-нибудь?

– Понимаю пока только одно: что мы сегодня покидаем здешний гостеприимный дом, и, по правде сказать, я этому очень рад; я написал несколько страничек о здешних непроходимых лесах и о здешних горах с их вершинами, покрытыми вечным снегом; вклею мое описание в какой-нибудь роман, а больше мне писать о здешнем крае нечего, значит и делать здесь больше нечего.

– И я тоже, – вмешался Гревз, – набросал несколько лесных эскизов с довольно удачным освещением и больше мне

здесь также нечего делать. Ужасно хотелось бы назад, в Лондон.

– А я не написал ни строки, – заметил Гордон; – отсюда ведь не позволяется отправлять специальных корреспондентов. Но я верю в Мак Грегора: с ним я наверстаю потерянное. Он не такой человек, чтоб заставить кого-нибудь даром затратить время.

– Хорошо вам, – отозвался Блэк утрюмо, – а я-то на кой черт сидел здесь столько попусту? Какая здесь деятельность для политика? Говоря откровенно, все их затей и их загадочный стальной шар начинают мне казаться ужаснейшей чепухой!

– Не судите раньше времени, – спокойно заметил Гордон. – Подождем, что скажет Мак Грегор.

– Чушь! – вспыхнул Блэк. – Что он нам скажет? Обещал сказать – куда полетит шар и кто в нем полетит... ха-ха-ха! Желал бы я знать, как он полетит. Вот, если б они поставили его на гору да хорошенько толкнули вниз, тогда он авось бы полетел, а так... что это?

Навстречу им шла целая партия носильщиков с корзинами, пакетами и ящиками, в числе которых Блэк живо узнал знаменитый погребец сэра Джорджа.

– Куда вы? – спросил он передового носильщика.

– На заводы, сэр, – отвечал тот.

– Зачем?

– Несем запасы в стальной шар, сэр.

– Однако они и в самом деле, должно быть, замышляют отправиться куда-то в этой игрушке, – заметил Блэк в недоумении и затем всю дорогу не говорил больше ни слова. Все молча дошли до дома, погруженные в думу; каждый невольно задавался вопросом: неужели Мак Грегор, которого они все знали как такого практичного человека, с ума сошел, что затевает подобные нелепости? Неужели Бернет заразил его своим ученым сумасбродством?

Никогда еще не ожидали обеда с таким нетерпением, как в этот день, никогда так не торопились съесть его; все горели желанием услышать обещанные объяснения. Нако-

нец, за последним блюдом, Мак Грегор наполнил свой бокал до краев и встал с места, высоко подняв его над головой.

– Господа, предлагаю вам тост, – сказал он, – за счастливый путь и благополучное возвращение всех нас!

Все присутствовавшие весело повторили эти слова, и Мак Грегор, выпив свой бокал, сел опять и продолжал совершенно серьезно:

– Вы помните, я обещал дело всем вам, дело хорошее, не рутинное, из ряда вон выходящее? Вы поверили мне на слово и приехали сюда. Теперь я могу оправдать ваше доверие. Скажите: оно до сих пор не поколебалось в вас?

– Нет, нет! – закричали все с восторгом.

– Ну, слушайте же! Вам предстоит путешествие, самое далекое из всех, какие когда-либо предпринимал человек.

— А в чем мы предпримем его? — спросил Гордон.

– В стальном шаре.

Слова эти вызвали общий взрыв негодования. Один сэр Джордж молчал: он был, очевидно, посвящен в тайну обоих приятелей.

– Вы большой шутник, м-р Мак Грегор, это все мы знаем, – сказал Дюран, – но позвольте вам заметить, что в настоящем случае ваши шутки неуместны.

– Уверяю вас, я не шучу, – ответил Мак Грегор так серьезно, что Блэк дернул Дюрана за рукав.

– Не горячитесь, – шепнул он ему, – будьте осторожнее в словах, вы, кажется, выпили лишнее.

– А позвольте спросить, куда же мы отправляемся? – спросил Дюран, не слушая приятеля. – Где лежит тот отдаленный пункт земли, к которому вы стремитесь?

– Пункт, к которому я стремлюсь, – отвечал Мак Грегор, – лежит не на земле.

– Так где же? скажите ради Бога!

Мак Грегор секунду помедлил с ответом, а затем, выходя из себя, вскрикнул: «Ах, Господи, Боже мой!»

– На планете Марс.

Глава IV

СТРАШНЫЙ РИСК

Несколько минут никто не говорил ни слова. Мак Грегор произнес последние слова так серьезно, что нельзя было допустить и мысли, будто он шутит. Видя, что все растерянно, беспомощно переглядываются между собою, он вдруг обратился к своему другу:

– Объясни им, Бернет, – сказал он. – Они удивлены – это понятно. Скажи им все, опиши свое изобретение.

Бернет редко вмешивался в общий разговор; как глубокие мыслители, он плохо умел болтать, хотя не был свободен от общей слабости ученых – любил подчас сказать речь. Теперь случай к тому был удобный, и, кроме того, он чувствовал, что обязан просветить своих слушателей, поэтому поспешил исполнить желание своего приятеля.

– Не удивляюсь вашему смущению, господа, – сказал он с обычною своею спокойною приветливостью. – Слова моего друга, естественно, должны были показаться словами сумасшедшего. Тем не менее он говорит сущую правду. Целых двадцать лет я исследовал одну отрасль науки, хотя не знаю – верно ли будет назвать ее отраслью, так как она включает в себе элементы всех наук. Она обнимает начало, продолжение и конец всего. В течение моих многолетних исследований я сделал немало удивительных открытий, но последнее и величайшее из всех было сделано не более года назад.

– Я очень хорошо помню этот день, – заметил Мак Грегор, ласково улыбаясь ему.

– Вы, конечно, знаете все, что планеты движутся в своих орбитах со скоростью в шесть раз пропорциональную их среднему расстоянию...

– Нет, мы этого не знаем, – вмешался опять Мак Грегор, – но продолжай.

Слова эти смутили Бернета, он примолк на минуту и обвел своих слушателей – которые не сводили с него глаз, притаив дыхание – взглядом, выражавшим глубокое сожаление: нелегко было ему говорить с людьми, не имевшими понятия даже о таких простых вещах, как скорость движения планет, но говорить было надо, и он продолжал медленно, как бы подыскивая слова и очевидно стараясь выражаться как можно проще:

– Мне очень трудно объяснять мое открытие людям, незнакомым с элементарными научными истинами, но постараюсь сделать ясным для вас один из величайших и самых могущественных законов природы. Я говорю о происхождении и сущности силы. В течение двадцати лет я постигал его мало-помалу, но год назад я открыл способ применять по усмотрению этот закон, всеобъемлющий, всемирный, всевластный и вездесущий. Частицу этой тайны человек постиг уж давно и научился обращать себе в пользу одно местное условие великого закона. Электричество – кто из разумных людей не знает этой грозной, страшной и вместе благодетельной силы – служит людям как раб, удовлетворяет их потребности, устраняет от них всевозможные неудобства. Но есть сила еще более грозная, еще более могущественная, действующая главным образом за пределами нашей планеты.

Он приостановился, как бы не в силах будучи справиться с приливом мыслей, охвативших его, но через минуту продолжал, постепенно воодушевляясь:

– Эта сила также знакома вам во многих своих проявлениях. Она доставляет нам с солнца свет и теплоту, приносит морю с луны приказание выступать в определенные часы из своих берегов и снова возвращаться в них, заставляет землю вращаться на своей оси, погружая ее через каждые двадцать четыре часа то в мрак, то в свет. В ее могущественной власти вселенная безопасна, она указывает всему свое место, находит путь всему, перелетает от солнца к солнцу, от звезды к звезде. Обширны и непостижимы пути ее, но мне удалось открыть ее величайшую и вместе простейшую тайну.

– Какую? – воскликнули все разом, дрожа от волнения.

– Притяжение тяготения. Оно движет мирами, и в то же время, если попадет в неблагоприятные условия, эта божественная сила снисходит до таких мелочей, как, например, сбрасывает трубы с домов, ломает деревья, рвет телеграфные проволоки. Но все это не более как проказы отдельных волн эфирной силы; там же, где ей есть простор, она величественна, неизмерима, непостижима.

Он опять примолк, как бы погруженный в мысленное созерцание этой неизмеримости.

– Но как же все это относится к вашему открытию? – решил спросить Гордон.

– Сейчас объясню, – спохватился ученый; – та же сила, о которой я говорю, заставляет телеграфную стрелку в Ливерпуле отвечать колебаниям стрелки в Нью-Йорке. Обрежьте проволоку, через которую передается эта сила, или изолируйте одну стрелку – другая перестанет двигаться. Пространство между Марсом и Землей, если можно так выразиться, не что иное, как одна непрерывная, заряженная проволока. Через эту неосязаемую линию сообщения вы могли бы послать на Марс телеграмму так же удобно, как посылаете депешу из Ливерпуля в Нью-Йорк через Атлантический океан по подводному кабелю. Скажу более: всякое тело, изолированное от тяготения земли, перелетело бы на Марс почти с моментальной быстротой, так как притяжение тяготения действует с непостижимой скоростью. Быстроту передачи света можно назвать сравнительно с этою быстротою почти неподвижностью.

– Боже милосердый!

– И сегодня вечером, – заключил Бернет, вставая как бы для того, чтобы придать своим словам более веса, но говоря совершенно спокойно, словно он сообщал самую обыкновенную вещь, – сегодня вечером я изолирую стальной шар от притяжения земли, и все, которые будут находиться в нем, безопасно перелетят на Марс.

– Моментально? – спросил Гордон, который в качестве «специального корреспондента» всегда первый поспевал с вопросом.

— О нет, — отвечал ученый, чуть-чуть улыбнувшись. — Это значило бы идти на верную смерть. Главное мое затруднение, почти единственное, о котором стоило говорить, состояло именно в том, чтоб урегулировать скорость, с какою мы полетим. После долгих и многократных опытов мне удалось уравновесить притяжение обеих планет так, что можно будет уменьшать и увеличивать скорость движения по желанию хоть на милю, хоть на тысячу...

— С какою же скоростью мы полетим? — спросил Мак Грегор.

— Со скоростью 50,000 миль в минуту, — отвечал Бернет, сядя с видом человека, утомленного такою долгою речью. — Марс будет против Земли приблизительно через месяц, но по причинам, которые объясню вам впоследствии, я нахожу, что лучше будет пуститься в путь сегодня.

Несколько минут все молчали; затем комната огласилась единодушным «Ура!» Речь ученого убедила и воодушевила всех. Он не обладал обаятельною энергиею Мак Грегора, не умел подобно ему увлекать людей за собою слепо, но таинственная сила гения ставила его еще выше: он умел несколькими словами доказать, как надо действовать — и доказать так ясно, что все приходили к убеждению в необходимости поступить именно так, как он говорил, а не иначе. И в эту минуту всем казалось, что путешествие на планету Марс — дело самое обыкновенное и что усомниться в возможности такого путешествия или даже находить его рискованным было бы просто странно.

Начались последние, суетливые приготовления в путь. Большая часть отбывающих написала письма, дружеские и деловые. Сэр Джордж послал инструкции своим агентам, маклерам и банкирам и по привычке уложил в ручной саквояжик, всегда сопровождавший его в дорогу, свою чековую книгу, забыв, вероятно, что вряд ли ему удастся разменять свои чеки на Марсе, и во всяком случае упустив из виду, что дисконт на этой планете может быть чересчур высок. Дюран написал страстное и сентиментальное прощание даме своих мыслей, т. е. той особе женского пола, которая в то время, о котором идет речь, занимала — по его

выражению – «самую большую камеру в объемистом помещении его сердца». Гревз наскоро набросал рисунок, представлявший всех членов будущей экспедиции за столом в момент объявления Мак Грегором цели путешествия, и послал свой рисунок в одну из иллюстрированных лондонских газет. Гордон также отправил в свою газету корреспонденцию, в которой однако же не упомянул, по строгому настоянию Мак Грегора, ни слова о затеваемой экскурсии. Наконец, Блэк написал своим политическим друзьям, устраивавшим для него окружную поездку с целью произнесения политических речей в духе своей партии, письмо, в котором извинялся, что не может воспользоваться их услугами. Ни Бернет, ни Мак Грегор не написали никому.

Все эти письма были вручены для доставки на почту последнему, еще остававшемуся на фабрике, самому благонадежному рабочему, которого позвали в дом и угостили, прежде чем он отправился вслед за своими товарищами на пароход. Вещи, принадлежащие членам экспедиции, были отправлены на стальной шар еще раньше, и сами они в последний раз пошли по тропинке, которая вела к заводам. Везде дарила полнейшая темнота: электрические лампы были сняты. Никто не говорил ни слова: все чувствовали, что грядущая ночь должна быть для них роковой, и каждый невольно задавался вопросом: чем она должна кончиться – трагедией или фарсом. Последнее могло показаться вероятнее, но величие возможной трагедии было так грозно, что совершенно затмевало нелепость вероятного фарса; к тому же в глубине души каждый чувствовал, что фарса и не будет: Бернет был не такой человек, чтоб, доверяясь ему, можно было легко очутиться в смешном положении.

С трудом удалось им пробраться через завод. Там, где еще недавно было всю ночь напролет светло как днем, где громадные печи пылали красным пламенем и расплавленный металл лился сверкающими потоками, не мелькало теперь ни огонька. Наконец они добрались до шара, черневшего во мраке грозной тенью. Мак Грегор, шедший впер-

ди, открыл ручной фонарь, бывший с ним, и первый ступил на подставку, которая вела к шару.

– Ступайте осторожнее, господа, – сказал он. – Если кто-нибудь из вас упадет и ушибется, так что придется оставить его здесь, будет очень жаль: вы все можете понадобится во время путешествия.

– Успокоительно! – проворчал Блэк, ощупью пробираясь по подставке.

Наконец все вошли. Во внутренности шара чуть мерцала одинокая лампа, от которой окружающая темнота казалась еще мрачнее.

– Помогите мне кто-нибудь сбросить подставку, – сказал Мак Грегор.

Дюран и Гордон бросились помогать ему, и через несколько минут подставка с громом рухнула оземь. Тогда Мак Грегор запер двери, повернул массивный кран и сказал хладнокровно:

– Вам, вероятно, интересно будет узнать, что теперь мы герметически закупорены.

– Чем же мы будем дышать? – спросил Блэк.

Вместо ответа Мак Грегор кивнул головой на Бернета, как бы желая сказать: спрашивайте у него.

– Вентиляция в моей постройке, – спокойно сказал ученый, – кажется, может назваться безукоризненной. Лишняя углекислота будет поглощаться, и органические выделения будут уничтожаться с помощью особых снарядов, а свежий кислород выпускаться из резервуаров по мере необходимости. Словом, у нас будет постоянно свежий воздух, именно такой, каким необходимо дышать, чтоб быть вполне здоровым.

Сказав это, Бернет взошел на платформу и опустился в стоявшее перед столом кресло с таким видом, как будто хотел показать, что здесь будет его постоянное место. К ручкам были приделаны крепкие кожаные ремни; он немедленно пристегнул себя ими к креслу; само кресло было привинчено к полу платформы. Остальные члены экспедиции столпились на спиральной лестнице.

– Мак Грегор, поди сюда, ты мне будешь нужен, – сказал Бернет, указывая своему другу на такое же кресло, с такими же ремнями, стоявшее напротив его собственнogo. – А вам, господа, – обратился он к прочим, – я советую занять место поближе к потолку.

Мак Грегор сел в кресло и подобно Бернету пристегнул себя ремнями. Остальные пошли вверх по спиральной лестнице; сэр Джордж шел впереди, до того занятый новостью положения, что ему не шла даже на ум его чековая книга, обыкновенно ни на минуту не выходявшая у него из головы. Остановившись почти под самым потолком, возле верхнего ряда окон, они посмотрели вниз, на сидевших на платформе. Бернет был спокоен, но Мак Грегор заметно волновался: его глаза сверкали, лицо горело. Его пылкая кровь кипела лихорадкой ожидания.

– Не скупивайтесь вместе, станьте поодаль друг от друга! – закричал он стоявшим наверху. В этот момент Бернет наклонился к столу и положил руку на одно из странных расписаний, вырезанных на нем. В это расписание были вделаны два крошечных винтика с приложенными к ним маленькими рукоятками вроде тех, какие бывают у карманных часов. Он чуть дотронулся до одной из них – и в ту же секунду послышался треск и шар с силою рванулся в пространство.

– Смотрите в окно! – крикнул Мак Грегор стоявшим наверху.

Они взглянули в окно и увидели чудо из чудес – казалось, небеса и Земля сдвинулись с места. Звезды мелькали у них перед глазами и скользили вниз, словно гоняясь одна за другою на полуночном небе и низвергаясь в страшную бездну. Земля исчезла вдаль, Млечный Путь очутился внизу, на громадном расстоянии.

– Это легко объяснить, – сказал сэр Джордж вполголоса. – Притяжение Марса в тот момент, когда Бернет повернул винт, было сильнее притяжения Земли, поэтому наши ноги, понятно, обращены к той планете, которая нас сильнее притягивает.

– Конечно так, – отвечал Блэк, стараясь шутить, – иначе и быть не могло. Это самая обыкновенная вещь в мире. В сущности, мне это даже нравится! – воскликнул он весело и прибавил дрожащим голосом: – спаси нас всех, Господи!

Все бы охотно воскликнули: «Аминь!», но каждый создавал, что трусить или, по крайней мере, показывать, что трусит, еще рано. Тем не менее, представители искусства и литературы, Гревз и Дюран, были бледны как полотно, «собственный корреспондент» совсем растерялся, и даже великий капиталист смотрел далеко не молодцом. Только два безумца на платформе, по-видимому, и не помышляли о том, чтоб трусить. Мак Грегор, казалось, был вне себя от восхищения. Бернет был невозмутимо спокоен: он был уверен в совершенстве своего изобретения и знал, что наука не ошибается.

Между тем, шар продолжал подниматься вверх или, как казалось всем, лететь вниз с ужасающей быстротою. Через верхние окна можно было видеть длинную серебристую полосу, напоминавшую реку, озаренную лунным светом. Остальное все погружено было в мрак. Вдруг Мак Грегор встал и, подойдя к краю платформы, сказал, обращаясь к стоявшим на лестнице:

– Мне нужно поговорить с вами, господа. Прошу вас выслушать меня внимательно.,

Все взгляды обратились к нему, как будто впивая каждое его слово.

– Я уже сказал вам, куда лежит наш путь, – продолжал он, – а м-р Бернет сообщил вам, каким способом предстоит нам совершить его. Но теперь, в последнюю минуту, я считаю долгом спросить вас еще раз: решаетесь ли вы предпринять это путешествие?

– Мы уже решили, – отвечали все нетвердым голосом.

– Знаю, но пусть каждый подумает еще раз и примет в соображение, что дело может быть идет о жизни и смерти. Все, что мог сделать этот великий ученый – говоря это, он указал на Бернета – с целью уменьшить риск предприятия, было сделано, но я не скрою от вас, как не скрываю от самого себя, что риск этот все еще ужасен. Если друг мой

ошибся как-нибудь в расчете – чего, впрочем, я не думаю – если атмосфера Марса окажется невозможной для дыхания обитателям Земли, если его жители встретят нас враждебно, если на нас налетит метеорическое тело и разобьет наш корабль, мы все должны погибнуть. Пусть же всякий знает, чего он может ожидать. Опасности, соединенные с нашим предприятием, поистине страшны. Взвесьте их как следует, но с другой стороны подумайте и о бессмертной славе, какая ожидает каждого из нас, если наше предприятие увенчается успехом. Я тщательно подобрал помощников, зная каждого из вас, во-первых, как человека способного принести пользу предприятию, во-вторых, как человека безусловно отважного. Нелегко было подобрать людей, достойных участвовать в таком предприятии, которое может показаться многим не только сумасбродным, но даже нечестивым, но, кажется, я сделал удачный выбор.

В ответ на последние слова послышался глухой благодарственный ропот. Мак Грегор поклонился и продолжал:

– Но помните, господа, вы не более, как мои помощники в моем предприятии, безусловный же начальник его я один. Сам Бернет теперь не более как мой инженер. Он только правит кораблем; во всем остальном я распоряжаюсь безапелляционно. Это необходимо для общей безопасности.

– Согласны! – отвечали все разом.

– Еще одно, – продолжал Мак Грегор, указывая на дверь, противоположную входной. – Видите вы эту дверь? это не что иное, как «выделительный аппарат». Стоит повернуть винт, и всякое вещество или то тело, присутствие которого окажется нежелательным в шаре, может быть удалено из него с весьма незначительною потерей воздуха. Если у нас не хватит кислорода, и следовательно нас окажется на шаре слишком много, я буду иметь право назначить того из среды нашей, кто первый должен выброситься в пространство через эту дверь.

Слова эти заставили всех содрогнуться.

– Если одной жертвы будет недостаточно, – продолжал Мак Грегор глухим голосом, – я назначу другую и буду продолжать так до тех пор, пока на корабле останутся только

двое – я и инженер. Тогда я, как наименее нужный из двух, жертвую собой, чтоб дать ему возможность довершить предприятие на пользу науки и на благо человечества. Если кто-нибудь из вас не согласен на эти условия, если кто-нибудь боится, пусть скажет: Земля еще недалеко, мы можем спуститься и высадить его, с тем, конечно, что он навсегда лишается права быть участником в наших поездках, если они со временем повторятся. Теперь спрашиваю в последний раз: кто согласен ехать и кто нет?

Несколько минут никто не отвечал. Слова Мак Грегора произвели удручающее впечатление и поразили сердца отважных искателей приключений, при всей их беззаботной храбрости, невыразимым ужасом. Все были бледны как полотно, и, казалось, никто не мог выговорить ни слова. Наконец сэр Джордж, рисковавший в предприятии больше всех прочих – по крайней мере в финансовом отношении – произнес не совсем внятным, но все-таки довольно твердым голосом:

– Я согласен и еду.

– И мы согласны, и мы едем! – воскликнули разом Дюран, Гревз и Блэк. Гордон не сказал ни слова, только кивнул головой с таким видом, который ясно говорил: еще бы я не поехал!

– Молодцы! – вскричал Мак Грегор и, весь сияющий, бежал с платформы, чтоб пожать руку своим спутникам. – Спасибо вам! Я не ошибся в вас: я знал, с кем имею дело. Ну что, инженер, – крикнул он Бернету своим звучным голосом, – как идет корабль?

– По пятисот футов в секунду. Мы уже почти вне земной атмосферы.

– А притяжение Земли еще велико?

– Почти нечувствительно.

– Дайте полный ход!

Глава V

НЫРНУЛИ!

Повиноваться кому бы то ни было, как начальнику, было для Бернета новостью, но в этот роковой момент он сложил с себя, если можно так выразиться, чувство собственного достоинства. Видя в своем друге главу предприятия, он повиновался ему беспрекословно: того требовала дисциплина. Тем не менее, самая сила вещей ставила его во главе положения: от него зависело все. И каждый из членов экспедиции понимал это: все с сильно бьющимся сердцем следили взглядом за малейшим его движением. Он взял в обе руки по маленькой рукоятке, к которым прикреплены были известные винтики, едва заметные, а между тем более могущественные, более страшные, нежели самые громадные краны или рычаги. Все его спутники тяжело перевели дух, некоторые начали мысленно молиться. Сам Бернет не вздыхал о Земле, не призывал на помощь небо: в этот грозный миг он не был человеком, он был ученым. Его длинные белые пальцы не дрожали, сердце не билось учащенным биением. Едва заметным движением он повернул один винтик в одну сторону, другой в другую, и в тот же миг шар рванулся вперед с оглушительным гулом. Бернет не сводил глаз с диска, стоявшего перед ним. Прошло несколько минут. Мало-помалу гул начал утихать и наконец совсем затих.

— Мы находимся уже вне земной атмосферы, — сказал Бернет спокойно и повернул винтики сильнее.

Шар полетел с изумительной быстротой, низвергаясь в необъятное пространство со скоростью 50,000 миль в час. Настоящее путешествие началось. И как безмолвно совершалось оно, какая страшная, грозная тишина господствовала во всемирном пространстве, посреди тысяч созвездий, посреди миллионов звезд!

Бернет прижал пуговку на столе, и электрическая лампа, освещавшая шар, погасла. Посадив Мак Грегора на свое место и поручив ему следить по расписанию за правильностью движения корабля, он подошел к телескопу и стал смотреть в него; остальные разместились по окнам и любовались чудесами мироздания. Так как наши путники находились уже вне земной атмосферы, то звезды в пространстве представлялись им яркими неподвижными бриллиантами, вделанными в черную, блестящую, как сталь, плоскость. Свободные от затемняющей завесы земного воздуха, чудные красные звезды, Альдебаран, Бетельгейзе – величайшее из светил в созвездии Ориона – Антарес, центральная звезда Скорпиона, Арктур и Поллукс сверкали, как озаренные солнцем рубины. Капелла и Процион проливали свои яркие желтые лучи, превосходящие блеском красоту лучших золотых и топазовых эффектов, какие известны земле, а яркий блеск Альтаира в созвездии Орла и Веги в созвездии Лиры почти соперничал с чудным белым сиянием могущественного Сириуса, самой яркой из северных звезд. Планета Марс горела красным блеском в созвездии Змия.

Не менее обворожительна была противоположность оттенков в других единичных, двойных, тройных и многократных звездах, невидимых для невооруженного глаза сквозь атмосферические облака. Двойные солнца, из которых одно было красное, другое зеленое или одно желтое, другое фиолетовое, или же одно оранжевое, другое голубое, сияли во мраке ночи, как потешные огни, блистательно выделяясь своею яркостью между звездами более нежной окраски – светло-коричневой, светло-желтой, сиреневой, гранатной, серебристо-белой, медной и серой. Чудеса, которые едва можно рассмотреть с Земли с помощью самых сильных инструментов, видны были простым глазом; красоты творения, каких никогда еще не созерцал взор человеческий, были рассеяны в пространстве во всей их чудной прелести. Все небо сверкало радугами и разноцветными светилами.

Вскоре показали и южные светила, скрывавшиеся за массой земли, загряздавшей звездное сияние в зените от Стального Шара. Обширный сферообразный район мрака постепенно уменьшался, и звезды выделялись из него одна за другою, пока темный круг не превратился, наконец, в незначительных размеров полосу. Южный Крест сделался вскоре видим так же хорошо, как и созвездие Большой Медведицы. Наши путники находились не в сегменте круга, а в полном кругу, который весь сиял звездными красотою, не затемняемыми земною атмосферою, сиявшими во всем блеске своих ярких цветов и в тысячу раз более многочисленными, величественными, прекрасными, нежели может представить себе воображение человеческое.

Молчание словно тяготило всех, а между тем никто не говорил. Вдруг Бернет, безмолвно изучавший звезды в телескоп, отошел от него, нагнулся над столом, несколько минут всматривался во врезанное в него расписание, затем вынул часы и начал следить за чем-то, поглядывая попеременно то на расписание, то на секундную стрелку.

— Через тридцать секунд, господа, вы увидите Солнце, — сказал он своим обычным спокойным тоном, как будто высказывал предположение, что завтра, мол, погода, кажется, будет хорошая.

Через тридцать секунд! А между тем ничто не предвещало близкого наступления дня. Грозный мрак усеянного звездами пространства не окрасился пурпурным лучом зари. Прошло десять секунд после слов, сказанных Бернетом, а никаких признаков наступающего утра не было. Где был туман, поднимающийся с полей, где золотистый отблеск на холмах, где шепот утреннего ветерка, тихий шелест листвы на деревьях, веселое щебетанье птичек? Ничего из того, что предвещает восход солнца на земле, не было, но что общего может иметь наш восход с восходом в надзвездном пространстве, на пути к Марсу?

Прошло еще пять секунд; положение неба было все то же: если бы не звезды, мрак был бы полнейший. Прошло еще пять, и вдруг все разом вскричали:

— Солнце!

И Солнце словно выпрыгнуло из-за быстро уменьшавшейся тени Земли. Фактическое солнечное затмение, достигнутое таким образом, могло бы продолжаться долее, если бы не меры, заранее принятые Бернетом. Он по многим веским соображениям решил, что лучше будет пуститься в путь за месяц до того времени, когда Марс будет находиться в прямой противоположности с землею, поэтому Стальной Шар летел не по прямой линии от Солнца к Марсу, а по прямой линии от Земли к Марсу. Благодаря этому обстоятельству, Солнце вышло из-за тени, отбрасываемой Землей, прежде, нежели эта тень стала настолько незначительною, чтобы перестать скрывать его.

Затем случилось еще нечто весьма странное. Между тем как небо осталось тою же черною плоскостью, усеянную драгоценными камнями, в самом шаре ночь вдруг уступила место полдню. Солнечный луч, пробившийся долгою непрерывною полоскою света через пустое пространство, ударил в окна шара и, смешавшись с его внутреннею атмосферою, смягчил ее и образовал в ней настоящий летний день. Удивительный контраст. Внутри летний солнечный день, извне вселенная, погруженная в торжественную ночь! А Солнце, окруженное своим величественным венцом, сияло, как сверкающий неподвижный маяк; оно было только яснее всех в мириаде других разноцветных солнц, будучи само звездою, которая отличалась в красоте своей только известной степенью от красоты прочих звезд.

Глава VI

ПУТЬ ЧЕРЕЗ ПРОСТРАНСТВО

Как скоро солнце озарило шар, все бывшие в нем переглянулись между собой, и каждый подивился бледной, расстроенной физиономии остальных. Волнение сказалось на всех; даже несокрушимый Мак Грегор был бледнее обыкновенного и казался утомленным. Один Бернет, поглощенный своими научными наблюдениями, был невозмутим и преспокойно рассматривал звезды в телескоп, точно был у себя дома.

Но человек удивительно быстро привыкает ко всяким новым впечатлениям. Часа через два наши искатели приключений совершенно освоились со своим положением и, спокойно рассевшись по креслам около столов, занялись каждый своим делом. Гордон начал писать корреспонденцию в «свою» газету. Дюран тоже принялся писать, Гревз рисовать; впрочем, и тот, и другой занимались словно нехотя и порой, прерывая свое занятие, вступали между собою в оживленный спор по поводу «звездных лучей и линий». Блэк обдумывал свою вступительную речь к членам марсовского правительства – на случай, если таковое там окажется – и готовился разгромить в ней надлежащим образом его образ действий, каков бы он ни был. Что касается до сэра Джорджа Стерлинга, то он весь погрузился в финансовые расчеты, как будто сидел у себя за конторкой в своем лондонском кабинете.

Так прошло часов шесть. Стальной Шар пролетел уже около двадцати миллионов миль, встретив на своем пути столько чудес, что на описание их потребовались бы целые столетия. Тишина за пределами шара нарушалась по временам только треском какого-нибудь метеора, на который шар налетал, разбивая его мимоходом, как пароход разбивает встретившуюся ему на ходу льдину. В пустом простран-

стве треск этот, конечно, не был слышен, но в земной атмосфере, наполнявшей шар, звуковые волны были ощутительны. Планета Марс становилась более и более ясною даже для невооруженного глаза. Наконец Бернет отошел от телескопа и подошел к Мак Грегору, следившему вместо него за движением шара.

– Довольно пока наблюдать звезды, – сказал он. – Встань, Мак Грегор, отдохни: я займу твое место.

Мак Грегор не заставил его повторять это приглашение и сошел с платформы к остальным.

– Знаете ли что, господа? – сказал он весело, – ведь мы пролетели уж полпути или около того. Как вы думаете, не пообедать ли нам?

– Вы не шутите, Мак Грегор? – удивился сэр Джордж. Почтенный баронет любил хорошо поесть, но с тех пор, как вошел в стальной шар, ни разу не вспомнил о еде.

– Конечно, не шучу, – отвечал Мак Грегор спокойно. – Не знаю, как вы, а я с удовольствием перекусил бы. Достаньте эту корзину, Блэк: вы стоите к ней всех ближе – вот так.

Блэк достал корзину из-за груды книг, за которою она стояла, и открыл ее. Поверх нее лежал медный котелок; он взял его в руки и начал рассматривать в недоумении.

– Передайте мне котелок! – сказал Мак Грегор.

– На что он вам? – спросил Блэк с удивлением.

– Ни больше, ни меньше как на то, чтоб вскипятить воды, – отвечал Мак Грегор со своим невозмутимым хладнокровием.

– Ну, конечно, для самой простой вещи, как это я не догадался! – сказал Блэк с досадой. – Интересно только знать, на чем вы ее вскипятите.

– А вот увидите, – отвечал Мак Грегор ласково, но немного насмешливо и, нацедив в котелок холодной воды, пошел вверх по лестнице, отпер проделанную близ одного из окон заслонку, уставил котелок в оказавшееся за нею небольшое углубление, запер заслонку и сошел вниз.

Между тем сэр Джордж занялся приготовлением к обеду, заставив помогать себе и остальных. На один из столов

разостлали белую, как снег, скатерть, поставили тарелки, положили ножи, вилки, салфетки; все это было сделано не кое-как, а со старанием: каждый наперерыв стремился показать, что он умеет накрывать на стол. Из корзины вынуты были различные консервы, две бутылки, одна с вином, другая с виски, и два холодных блюда – мясное и рыбное, приготовленные очень вкусно в дорогу накануне.

– Будешь обедать, Бернет? – спросил Мак Грегор.

Ученый вместо ответа покачал головой.

– А чайку выпьешь?

– Пожалуй, только покрепче.

– Я тебе сейчас подам.

– Спасибо.

Мак Грегор опять поднялся на лестницу, подошел к за-
слонке, отпер ее, обмотал себе руку салфеткой и вынул ко-
телок, в котором вода, как говорится, ключом кипела. Блэк
и Дюран, поднявшееся вслед за ним, переглянулись в нес-
казанном изумлении.

– Ну, признаюсь...

– Что, Блэк, вы словно чему-то удивляетесь? и вы, Дю-
ран, также? – спросил Мак Грегор, забавляясь их озадачен-
ным видом. – Что вас так смущает?

– Полно вам выкидывать фокусы, Мак Грегор! – вос-
кликнул Дюран с досадой. – Мы, право, за это время столь-
ко удивлялись, что даже устали.

– Милейший мой, разве я выкидываю фокусы? Разве
вскипятить воду не самое простое дело?

– Еще бы не простое: вставил воду в стену, где нет ни
искорки огня, она и закипела – чего проще!

– Вы не приняли в расчет, что я поставил ее к наружной
стенке шара. А как вы думаете – высока температура за пре-
делами его?

– И представить себе не могу, – отвечал Блэк, словно
оробев.

– Она доходит в безвоздушном пространстве до... ну вот
я и забыл точную цифру! До чего она доходит, Бернет?

– До 300 градусов по Фаренгейту, – отвечал ученый, не
поднимая головы.

– Черт возьми! – вскричал Блэк, отскочив, как ужаленный, от заслонки, возле которой стоял.

– Не пугайтесь, – улыбнулся Мак Грегор. – Шар устроен так, что если бы наружная стена его накалилась хоть добела, вы здесь этого и не заметите. – Он, – при этих словах Мак Грегор указал взглядом на Бернета, – обо всем подумал. Ну, за стол, за стол, господа! не будем терять времени. Только прежде передайте кто-нибудь Бернету чай, хоть вы, Дюран; вот я заварил и сейчас налью ему чашку. А котелок можно долить и поставить опять за заслонку, ведь у нас есть отличное виски, так после обеда мы заварим пуншику. Не хотите ли повозиться с котелком, Блэк? – прибавил он лукаво.

– Благодарю покорно, – отвечал Блэк, опасливо поглядывая на заслонку.

– Ну, ладно, идите вниз: я сам об этом позабочусь.

Все уселись за стол, и хотя сначала ни у кого, кроме Мак Грегора, не было аппетита, мало-помалу все разохотились и поели с удовольствием, исключая Гревза, который с трудом проглотил несколько кусков; ему смертельно хотелось курить, а этого на стальном шаре не полагалось. После обеда сделали пунш, и под веселящим влиянием горячего напитка все словно забыли, что обедают не на земле, а на расстоянии двадцати с лишним миллионов миль от нее. Встав из-за стола, все удобно разместились по кушеткам и креслам.

– Прочитайте-ка нам одно из ваших последних стихотворений, Дюран, или расскажите нам сюжет романа, который у вас теперь под пером. Это займет нас, – сказал Блэк, слегка зевнув.

– Разве вы уж соскучились, Блэк? – спросил Мак Грегор. – Ведь мы в дороге всего тринадцать часов, не более.

– Все-таки и я нахожу, что время идет медленно, – скавал Дюран. – Что же прочитать вам, господа? – прибавил он с напускным равнодушием.

– О! это, право, все равно, – отвечал Блэк. – Я никогда не мог отличить одного из ваших творений от другого; все будет хорошо, лишь бы убить время.

– Вот как! – протянул Дюран, стараясь улыбнуться, но в его улыбке промелькнуло то кислое выражение, какое мы замечаем у молодой «мамаши», когда ей дают понять, что ее первенец, которого она считает чудом, в сущности самый обыкновенный ребенок.

– То есть я хочу сказать, – поправился Блэк, – что во всех ваших произведениях одинаково много жизни... Что бы вы ни прочитали – все будет занято.

Но этот комплимент не успокоил Дюрана; он холодно отвечал, что читать не расположен. Тогда все пристали к Бернету, чтоб он прочел им лекцию, но ученый объявил, что при всем желании ему теперь некогда. Итак, нашим путникам не оставалось другого развлечения, как любоваться на звезды. Спать никому не хотелось, хотя никто не смыкал глаз уже целые сутки. Разговор не клеился: все были чересчур нервно настроены. Между тем время шло. Путешествие приближалось к концу, и каждый невольно задавался вопросом: «Каков-то будет этот конец?» Марс с каждой минутой становился виднее, и объем его увеличивался. Он уже не казался звездой, а представлялся чем-то вроде миниатюрной луны.

– Мое расписание оказалось удивительно точно, – сказал Бернет. – Мы теперь в миллионе миль от Марса.

– Значит, вы теперь замедлите ход? – спросил Гордон.

– О, нет! Положим, наш запас кислорода еще велик, мы потратили его даже меньше, чем я думал, но все-таки мы должны быть ко всему готовы и времени нам терять не следует.

– Почему?

– Потому что нам, может быть, еще придется воротиться на Землю, не имея возможности возобновить наш запас воздуха.

– Да, конечно... А вы уверены, сэр, что мы теперь именно в таком расстоянии от Марса, в каком вы сейчас сказали? – робко осведомился Блэк.

– Совершенно уверен, м-р Блэк. Ошибаться было бы опасно.

– Еще бы! Но... но если мы налетим на Марс с такою скоростью, с какою теперь движемся, ведь мы пробьем его насквозь.

– Нет, нам не придется этого сделать, – улыбнулся Бернет.

– Почему?

– Потому что, если мы влетим в атмосферу Марса с той скоростью, с какою теперь движемся, то жар, который произойдет от такого трения, будет так велик, что и корабль наш, и все, кто на нем находится, тотчас превратятся в пар.

– Вот как! Это мило, – сказал Блэк, обращаясь к товарищам и, заметив, что они все вдруг побледнели, прибавил нерешительно:

– Простите меня, м-р Бернет, но в таком случае... не лучше ли будет замедлить ход хоть до двадцати или тридцати тысяч миль в минуту?

Мак Грегор с улыбкой пожал плечами. Остальные не сказали ни слова, но по жалобному выражению их лиц видно было, что и им очень хотелось бы того же.

– Опасаться нечего, – сказал Бернет спокойно, – разве может быть...

– Что?

– Может быть, я плохо рассчитал силу притяжения Земли на расстоянии пятидесяти миллионов миль. Но это невероятно.

– А если так, тогда что?

– Тогда мы не в состоянии будем замедлить ход...

– И врежемся в Марс со скоростью 50,000 миль в секунду?

– Тогда мы вторгнемся в атмосферу Марса с этой скоростью, – внушительно поправил Бернет.

– Нечего сказать, приятная перспектива! – пробормотал Блэк.

– Мак Грегор, поди сюда, – сказал Бернет, – мне понадобится твоя помощь. А вам, господа, лучше бы прилечь и придержаться за что-нибудь. Корабль может получить толчок, когда мы вторгнемся в атмосферу Марса, хотя бы мы вступили и не с такою скоростью, как опасается м-р Блэк, – прибавил он, добродушно улыбаясь.

Повинуясь ему, все разлеглись по кушеткам, а Мак Грегор взошел на платформу и сел против Бернета. Оба пристегнули себя к креслам.

– Мак Грегор, смотри на второе расписание и скажи мне, когда мы будем в двухстах тысячах миль от Марса, – сказал Бернет. – Мне нельзя будет отвести глаз от моего расписания даже на двадцатую долю секунды.

– Хорошо, сказал Мак Грегор твердым голосом. – Говорить тебе расстояния?

– Говори через каждые 50,000 миль.

Лежавшие внизу вслушивались в этот разговор с замирающим сердцем. Наступала самая опасная минута – они сознавали это и им было даже страшнее, чем тогда, когда они поднимались с Земли.

– Двести тысяч миль от Марса, – проговорил Мак Грегор суровым, бесстрастным голосом, почти сквозь зубы. Лицо его приняло строгое, холодное выражение: он весь погрузился в доверенное ему дело.

– Есть, – отвечал Бернет, не сводя глаз со своего расписания, и положил правую руку на один из винтиков, а левую на другой.

– Полтораста тысяч!

– Есть.

На небе внизу начал появляться световой круг. Диск Марса увеличивался с каждой секундой, словно протягивая длинные огненные руки, чтоб схватить мимолетающие звезды.

– Сто тысяч!

– Есть!

Голос Мак Грегора звучал глухо, но голос Бернета был звонок и ясен, как колокольчик. Правая рука его тихо повернула винт влево – и Марс, хотя и продолжал еще увеличиваться в объеме, но это увеличение уже стало не так быстро. Стальной шар уменьшил скорость своего полета почти наполовину.

– Пятьдесят тысяч!

– Есть!

Мак Грегор произнес два последние слова почти задыхаясь. Лежавшие внизу зажмурили глаза, готовясь ко всему.

Бернет опять чуть заметно повернул винт. «Что если в его аппарате что-нибудь соскользнет или погнется?» – невольно думалось каждому.

Еще четыре раза Мак Грегор сказал расстояния, и затем Бернет дал винту последний поворот. Оба встали с кресел и сошли с платформы.

– Ну, господа, – обратился Бернет к лежавшим на кушетках, – через двадцать пять секунд мы вступим в атмосферу Марса.

– С какой скоростью? – спросили все чуть не разом.

– Со скоростью одной тысячи миль в секунду приблизительно; при такой скорости опасаться нечего.

Из груди у всех вырвалось радостное восклицание, похожее на благодарственную молитву.

– Как вы решились отойти от ваших расписаний, м-р Бернет? – спросил Блэк дрожащим голосом.

– Мне пока больше нечего делать на платформе, – отвечал Бернет.

– Как так?

– Притяжение Марса устранено, а притяжение Земли в полном ходу. Больше я сделать ничего не в силах.

В эту секунду раздался оглушительный гул, словно десять тысяч бурь бушевали около шара: он вступал в атмосферу

Марса. Сопротивление воздуха окончательно уменьшило ход корабля, и он опустился на поверхность планеты ровно, мерно, плавно. Толчок при соприкосновении с планетой был не сильнее того, какой получает поезд, когда останавливается локомотив.

Итак, после стремительного перелета в пятьдесят миллионов миль цель была достигнута. Но пионеры науки, совершившие великое дело, еще не знали пока – есть ли жизнь на Марсе и можно ли им будет принять в ней участие, не знали, чем будет для них Марс – ареной торжества или могилой. Кто мог предвидеть или решить – что ждет отважных путников в новом мире, ими достигнутом? Может быть, радости, описания которых нет на земле, может быть, смерть, ужасы которой невыразимы на языке людском...

Глава VII

ПЛАНЕТА МАРС

Здесьним воздухом можно дышать, господа, – сказал Бернет.

– Слава Богу!

– Да, слава Богу. Видите вы эту склянку? Сейчас она была пуста – я выкачал из нее воздух. Теперь она наполнена марсовским воздухом, и я исследовал его способом, который открыл после долгих и тщательных опытов. Здешний воздух несколько реже того, каким могут похвалиться лучшие санитарные станции на земле, но не настолько редок, чтоб быть вредным для нас.

– Вы уверены, что в этой склянке заключается именно марсовский воздух? – спросил скептик Блэк.

– Конечно, уверен, ничего иного в ней быть не может. Трубочка, через которую я впустил его, устроена нарочно для того, чтобы проводить воздух извне. Мак Грегор, можно отворить дверь.

– Помогите мне отнять болты! – крикнул Мак Грегор весело. Все бросились помогать ему. Через несколько минут тяжелые болты были отняты, дверь открыта и из нее сброшена веревочная лестница. Все спустились по ней и ступили на планету Марс.

– Так это-то Марс!

Таков был общий возглас разочарования. Неужели столько трудов, столько отваги было потрачено для того, что представилось глазам наших путников?

Куда ни обращались их взгляды, везде, к северу, в югу, в востоку, к западу, простиралась одна обширная пустыня, сплошь покрытая красным мелким песком. В этой мертвой степи не было ни холма, ни долины, ни горы, ни озера, ни птицы, ни зверя, нигде не видно было жизни ни животной, ни растительной, ни кустика, ни листочка, ни даже са-

мой ничтожной травинки. Над красной землей расстилось зловещее красное небо, словно зарево пожара. Тишина была невозмутимая, ветерка ни малейшего. Словом, Марс оказался достойным своего наименования: такую именно должна быть планета, посвященная богу войны, т. е. богу кровопролития, смерти, опустошения.

– Бернет, где мы? – спросил Мак Грегор голосом, в котором звучало безвыходное отчаяние.

– Ну, уж ты и нос повесил! – отозвался Бернет так резко, как почти никогда не говорил. – Неужели ты надеялся найти жизнь в экваториальных частях Марса, на которые уже в продолжение многих тысяч лет не упало ни одной капли воды?

– Значит, ты отчасти знаешь, в каком районе мы находимся?

– Знаю наверно, что мы находимся в пятнадцати градусах южной широты, не знаю только какой долготы, потому что мне неизвестен меридиан Марса. Но все же я могу сказать утвердительно то, что мы недалеко от центра материка Секки.

Слова Бернета несколько ободрили его обескураженных товарищей. Чтобы лучше убедить их, он вынул из кармана записную книжку и начал сообщать им свои вычисления. Мак Грегор и баронет подошли к нему, остальные четверо, словно сговорившись, отошли в сторону. Они всегда так делали в критические минуты, сознавая, что в таких случаях лучше предоставлять старших самим себе.

Ступать по мягкому, мелкому песку было почти невозможно: при каждом шаге поднимались облака пыли, которая лезла в глаза, в уши, в нос, раздражая и разгорячая все поры. От нечего делать младшие занялись рассматриванием стального шара и удивились — как он изменился. Когда он поднимался с земли, он был весь черный и блестящий, словно отполированный каменный уголь, теперь он стал серым, как грифель, и весь покрылся царапинами и выбоинами: метеоры, с которыми ему пришлось померяться силами на пути, оставили-таки на нем свои следы.

Обменявшись замечаниями насчет измененной наружности корабля, все отошли от него в сторону, кроме Гордона, который вынул записную книжку и начал делать в ней пометки, вероятно, запасая материал для будущей первой корреспонденции с планеты Марс. Вдруг отчаянное восклицание, вырвавшееся у него, заставило его трех товарищей опрометью броситься к нему.

– Что случилось? – спросили все в один голос.

– Смотрите... смотрите... шар уходит в землю! – проговорил Гордон, задыхаясь от испуга.

Действительно, шар уже погрузился в песок почти на десятую долю своей окружности. Общее восклицание ужаса, вызванное этим открытием, долетело и до трех старших; они тоже прибежали, поднимая на пути целые облака пыли.

– Бегите, бегите, не то мы все погибнем! – кричали им остальные.

– Скорее в шар! – распорядился Мак Грегор, подбегая запыхавшись.

– Какое в шар! – возразил Блэк. – Напротив, туда-то и нельзя; разве вы не видите – его через пять минут всего всосет в песок.

– Так вот что вас напугало! – удивился Бернет. – Напрасно же вы переполошились. Конечно, лучше нам забраться в шар, прежде чем песок дойдет до двери, пока она открыта: он забьется в корабль и запылит нам все, но уверяю вас – опасности нет ни малейшей.

– А ты уверен, что будешь в силах поднять шар из песка? – спросил Мак Грегор словно заискивающим голосом: ему было совестно, что он как будто сомневается в познаниях своего ученого приятеля.

– Уверен ли я! – воскликнул Бернет с необычайною для него живостью. – Да если бы он провалился хоть в самый центр Марса, я вытащил бы его оттуда без всякого труда.

Ввиду такого положительного заверения все сейчас же успокоились. Бернет пользовался между своими спутниками безусловным авторитетом: все без исключения слушались его и верили ему на слово, как дети. Некоторое время

все еще стояли у лестницы, посматривая то кругом себя, то вверх. Ни одно облачко не показывалось на небе; оно представляло везде одинаковую плоскость медно-красного цвета, на которой диск солнца, на две трети меньше, чем каким представляется он с Земли, светился, если можно так выразиться, каким-то чахлым блеском. Господствовавшие везде безмолвие и запустение были поистине томительны; в сравнении с этою пустынею самые безлюдные и бесплодные местности на Земле показались бы оживленными и цветущими. Трудно было бы даже подыскать на земном языке выражения для того, чтобы описать ужасную картину, какую представляет материк Секки на мертвом или умирающем Марсе.

Вдруг могильное безмолвие, окружавшее наших путников, было нарушено продолжительным жалобным стоном. Звук этот послышался с севера, пролетел над их головами, словно призрак, и замер в воздухе по направлению к югу каким-то глухим рыданием. Вместе с тем на степь налетел порыв вихря, взмел целое облако пыли, провел борозду в песке и затих моментально; более этого путники ничего не увидели. Все бросились к Бернету, спрашивая с невольным содроганием:

– Что это?

– Не знаю, – отвечал ученый серьезно, почти торжественно.

– Скажите, есть для нас какая-нибудь возможность покинуть эту долину смерти? – взволнованно спросил сэр Джордж.

– Конечно, есть, – отвечал Бернет спокойно.

– Чего ж вы ждете?

– Ветра.

– Ждите вы его до второго пришествия!

– Не придется ждать и часа, – возразил Бернет с невозмутимым хладнокровием.

– Простите за нескромный вопрос, м-р Бернет: почему вы знаете? – спросил Гордон с тою благоговейною почтительностью, с какою все привыкли относиться к ученому.

– Посмотрите на небо.

– Оно удивительно красиво, – заметил Блэк иронически.

– Оно полно песка, значит, в том районе есть ветер и довольно сильный. Сейчас он спустится и к нам.

Едва успел он выговорить эти слова, как небо покраснело еще более, и на горизонте показалась темная туча.

– Не прав ли я был? – сказал Бернет радостно. – Сию минуту поднимется ветер и как раз нам попутный. Полежайте теперь в шар, господа, и запирайте дверь. Я войду последний.

Все живо вскарабкались по веревочной лестнице и общими силами заперли дверь, а Бернет между тем уселся перед столом на платформе. Едва дотронулся он до своих винтиков, как шар выпорхнул из песка и, поднявшись на полмили над планетою, понесся, словно птишка, по ветру, не поднимаясь и не опускаясь: стараниями Бернета механизм его был устроен так, что он мог держаться над землею – и следовательно и над всякою планетою – на такой высоте, на какой было угодно его мудрому кормчему.

– Мы плывем к югу, – сказал Бернет. – Теперь нам остается только следить за местностями, над которыми мы летим. Северо-западный ветер принесет нас к Деларю или к Дэусову океану. Если Марс обитаем, мы найдем его обитателей именно там.

Сказав это, он заглянул к себе в книжку, проверил что-то с помощью некоторых инструментов и продолжал:

– По всей вероятности мы скоро пролетим над Лагранжевым полуостровом. Мы должны обратить на него особенное внимание: изо всех частей Марса он находится в условиях, наиболее благоприятных для органической жизни.

Между тем ветер дул все сильнее, и шар летел все быстрее. Но сколько наши путники ни смотрели вниз в трубу, они не могли рассмотреть ничего: густое облако пыли скрывало местность от их глаз. Бернет несколько времени с любопытством следил за этим облаком и, наконец, сказал:

– Так и есть, я не ошибся.

– Меня бы очень удивило, если бы вы ошиблись в чем-нибудь, м-р Бернет, – заметил Блэк.

– В чем ты не ошибся, Бернет? – с живостью спросил Мак Грегор.

– Я был убежден, что каналы, которые заметил на Марсе Скиапарелли в 1877 году, были ни что иное, как симуны, пролетавшие над обширными центральными материками этой планеты. Если бы он наблюдал Марс в настоящую минуту, он бы наверно начертил на своей карте канал точь-в-точь по такому направлению, в каком мы летим.

– Может быть, – согласился Мак Грегор. – Не стану спорить, я не астроном, только мне помнится, Скиапарелли наблюдал те же каналы и в 1879 и в 1881 годах.

– Это ничего не значит. Очень возможно, даже вероятно, что подобные симуны здесь так же постоянны, как наши пассатные ветры.

– В самом деле, как же я глуп! Я и забыл! – сказал Мак Грегор.

– Не хотел бы я быть теперь там, в этом облаке, – заметил сэр Джордж. – Посмотрите, как ветер крутит песок! выходят целые круги, венки, гирлянды – страшно смотреть!

– Да, если бы вы там очутились, – вмешался Блэк, – вы бы наверно не воротились, чтобы описать вами испытанное. Какие это симуны – это в десять раз хуже! Никакие верблюды не в состоянии были бы дышать в подобной атмосфере и пяти минут. Гордон, опишите их хорошенько для вашей будущей корреспонденции.

– Уж это сделано, – отрезал Гордон: он не любил, когда ему давали советы в его деле.

Гревз и Дюран не принимали участия в разговоре; на них напала какая-то странная апатия. Быстрое движение корабля баюкало их после недавней неприятной обстановки, но наблюдать им было скучно: облако песка казалось им таким же однообразным, как и все, что они до сих пор видели на Марсе; им хотелось света и теней, ярких цветов или нежных оттенков, хотелось видеть зеленеющие долины, бурные морские волны, хоть скалы и пещеры – ничего этого и в помине не было, значит, не было и пищи ни для карандаша, ни для пера.

Сэру Джорджу также было не по себе: он начинал приходить к убеждению, что компания на акциях, которую он рассчитывал основать с целью устроить правильное сообщение между Землею и планетою Марсом, вряд ли состоится. Кто захотел бы платить деньги – а деньги с пассажиров на стальных шарах пришлось бы брать немалые – чтобы видеть море красного песка? И вообще никому, казалось, не было весело. Блэк, недовольный сухостью, с какою ответил ему Гордон, надулся на него и сидел, насупившись, в стороне. Сам Мак Грегор был как-то задумчив и озабочен.

Бернет редко обращал внимание на расположение духа своих спутников: его дело было изобретать, что было нужно для их безопасности и для их удобств, а занимать их он не умел. Но на этот раз он заметил, что им не по себе, и ему стало жаль их.

– Что вы, господа, все как будто приуныли? – сказал он. – Подождите падать духом; неужели же вы в самом деле ожидали найти жизнь в экваториальных пространствах Марса?

– А как вы думаете, м-р Бернет, – спросил Блэк жалобно, – найдем мы где-нибудь на Марсе жизнь и вообще что-нибудь, кроме этой ужасной песчаной бури?

– Конечно, найдем.

Все повернулись в нему и начали внимательно слушать.

– Я уверен, что найдем, – продолжал Бернет. – Если б я захотел, я мог бы спуститься в любом градусе широты, но все-таки это стоило бы мне лишних хлопот, а я, признаюсь, рад был спуститься хоть где-нибудь.

– И, должно признаться, ты спустился на мягком месте, – пошутил Мак Грегор.

– Уж чересчур на мягком, – засмеялся сэра Джордж.

– Да это не беда, если вы только думаете, что не весь Марс такой.

– Не думаю, а знаю наверно, что он не весь такой, – сказал Бернет так утвердительно, что все разом повеселели.

– Спасибо тебе, Бернет, – шепнул ему Мак Грегор. – Я рад, что ты приободрил их хоть немножко.

Между тем ветер не унимался; настала ночь, а он все дул с прежней силой. Бернет прижал электрическую пуговку, и шар озарился ярким светом, зато в окнах так потемнело, как будто их выкрасили черной краской.

– Мы все еще плывем к югу? – спросил Мак Грегор.

– Да, и очень быстро; мы пролетаем миль по сорока в час. Я нахожу даже подобную быстроту немного опасною.

– Шутишь! – удивился Мак Грегор. – Что значит для нас подобная скорость, когда мы путешествовали недавно с быстротою пятидесяти тысяч миль в минуту?

– Теперешняя наша быстрота при настоящих условиях гораздо опаснее.

– Как так?

– Тогда нам не представлялось на пути серьезных препятствий, а теперь, если мы наткнемся на горный хребет, нам придется хоть не так плохо, как опасался м-р Блэк, когда думал, что мы не в состоянии будем замедлить ход, а пожалуй вроде того. Столкновение будет не так сильно, но для нас достаточно, – прибавил он, взглянув на Блэка с той чуть заметной, но лукавой улыбкой, которая порой мелькала на его губах, когда ему хотелось подразнить кого-нибудь. Заметим кстати, что при всей своей глубокомысленной учености он не был свободен от этой страсти.

– Господи помилуй! – взмолился Блэк, – долго ли нам еще придется опасаться всяких случайностей? Скажите, м-р Бернет, разве ваше... как его там? ну, притяжение, тяготение, что ли, не может дать вам способа подняться повыше, чтоб не натолкнуться на гору? Ведь вы говорите, что оно всеильно, неужели же оно не может оказать вам такой пустой услуги?

– Могло бы, если б я знал, когда именно подняться.

– А разве... разве сама ваша машина не поднимется автоматически в виду препятствия?

– Каким это образом?

– Ну, я не умею объясняться научным языком. А на той высоте, на какой мы летим, могут попадаться горы?

– Отчего же, ведь бывают горы в пять тысяч футов вышины. Одной такой горы на нашем пути было бы довольно для нас.

– Значит, пиши пропало! – воскликнул Блэк, махнув рукой. – В таком случае я не понимаю, почему мы вместо полумили не поднимемся над Марсом миль на десять, на двенадцать.

– Это было бы неудобно по многим причинам.

– Например?

– Во-первых, на такой высоте не было бы ветра, который нам очень помогает. Во вторых, здесь мы дышим внешним воздухом, а там нет атмосферы: нам пришлось бы расходовать наш собственный запас кислорода, а мы должны его приберегать. Наконец, – прибавил он, опять слегка улыбнувшись, – я почти уверен, что по тому направлению, в каком мы летим, мы не встретим гор.

– Давно бы вы сказали! – воскликнул Блэк с живостью и замолчал, словно прикусил язык: ему было досадно – зачем он слишком откровенно выдал чувство, которое испытывал. Его трое товарищей внимательно следили за только что приведенным разговором; по правде сказать, и они испытывали то же или почти то же, что Блэк, только лучше его умели скрывать свои ощущения. При последних словах Бернета и они повеселели.

– Удивляюсь, как вы не уймете этого болтуна, м-р Бернет, – шутливо заметил Дюран, хлопнув по плечу Блэка. – Он только отвлекает вас от ваших соображений.

– Нисколько, – ответил Бернет, снова принимая свой обычный спокойно-серьезный вид. – Напротив, я всегда рад случаю объяснить вам – почему я делаю что-нибудь именно так, а не иначе: не будь этого, моя ответственность была бы слишком тяжела для меня.

– Об этом тебе нечего беспокоиться, Бернет, – вмешался Мак Грегор. – Мы знаем, что мы в хороших руках. Не твоя будет вина, если случится какое-нибудь несчастье. А теперь знаешь что? Уменьши-ка свет, и пусть наши товарищи уснут немножко. Нам с тобой спать пока не полагается, а им нужен покой.

– Именно, именно! – с живостью согласился Блэк. – И как еще нужен-то: от долгой бессонницы нервы всегда так расстраиваются!

Никто не стал спорить; все живо разместились по кушеткам, любезно простившись между собою и хозяевами. Гордон, как истый путешественник, уснул, едва успел прилечь. Блэк также скоро уснул, придумывая речь к своим будущим избирателям: он уже мечтал, что непременно попадет в марсовский парламент. Дюран и Гревз, в свою очередь, не замедлили предаться сну; один сэръ Джордж по обыкновению почитал на сон грядущий свой «Финансовый руководитель», заменявший ему часослов или молитвенник. Но вскоре и он заснул. Свет в шаре, уменьшенный до минимума, освещал помещение слабым мерцанием; не слышно было другого звука, кроме ровного дыхания спящих. Каждый грезил, смотря по тому, что его занимало: кто специальной корреспонденцией, предназначенной к тому, чтобы произвести переворот в газетном мире, кто небывалого интереса романом, кто чудной картиной, кто неслыханной красоты речью, кто чудовищными барышами.

Только Бернет и Мак Грегор не спали: им было не до сна. Бледные, измученные долгою бессонницею и всем испытанным и пережитым, они сидели на платформе, оберегая покой остальных и следя за правильностью движения корабля. Вдруг с юга послышался тот же самый звук, который поразил их во время стоянки. Он раздался не так громко, как тогда, но так же жалобно, так же отчаянно и замер к северу, потрясая душу своим отдаленным глухим рыданием. Друзья переглянулись в ужасе и невольно схватились за руки.

– Слышишь? – проговорил Бернет глухо.

– Что бы это могло быть? Как ты думаешь, Бернет? – спросил Мак Грегор дрожащим голосом.

– Не знаю и представить себе не могу, – отвечал ученый взволнованно. – Но это ужасно... ужасно!

Глава VIII

РАЙ

С той, Бернет, я вижу город!

Эти слова и звучный голос Мак Грегора разбудили всех спавших; они вскочили с места, схватили зрительные трубы и бросились к окнам.

Как непохоже было то, что представилось их глазам, на то, что они видели накануне!

Песчаные облака, крутившиеся и извивавшиеся, подобно огненным змеям, исчезли, зловещего зарева на небе как не бывало. Солнце сияло безоблачно в яркой небесной лазури. К югу виднелись зеленеющие горы Лагранжского полуострова, расстилаясь волнистыми линиями, образовавшими симметрические изгибы. Ближе серебристые волны озера Маральди тихо плескали в берега, покрытые желтым песком, сверкавшим, как золото, в лучах утреннего солнца. К востоку тянулись другие озера, другие горы, обширные равнины, покрытые роскошной растительностью, холмы, пестреющие полевыми цветами, террасы, обвитые зеленью, роскошные цветники, красивые деревья с нежными перистыми листьями, между которыми порхали бесчисленные стаи певчих птичек. Утренний ветерок доносил откуда-то звуки чудной музыки, которая сливалась с гармоническим плеском волн, а на берегу бухты Пратта, примыкавшей к озеру Маральди, расстился на протяжении многих миль город, весь построенный из белого мрамора.

Несколько времени все безмолвно любовались чудною картиною. Бернет спустил шар настолько, что с планеты, над которою он носился, стали слышны в открытые окна (Мак Грегор прижал пуговку и все окна разом открылись) самые нежные звуки: щебетание птичек, журчание ручейков, жужжание пчел, тихое блеяние стад, состоявших из каких-то невиданных животных. Все это вливалось в

окна вместе с чудным ароматом цветов, лаская чувства путников и повергая их в целый мир наслаждения, живо-го, упоительного, но безусловно чистого. Итак, наши иска-тели приключений не ошиблись в расчете. Неимоверные опасности, которым они подвергались, были вознагражде-ны вполне, и каждый из них воскликнул с благоговением:

– Мы достигли рая!

При этих словах голова Бернета тихо опустилась на грудь; он проговорил со спокойной улыбкой, выражавшей без-мерную радость: – наша взяла, Мак Грегор, – и лишился чувств.

– Да, благодаря тебе, несравненный человек! – восклик-нул Мак Грегор, бросаясь к нему на помощь.

Через несколько минут Бернет очнулся, и Мак Грегор принялся бранить его, подражая в этом отношении умным матушкам из простонародья, которые секут свое детище за то, что оно ушиблось нечаянно.

– Как тебе не стыдно пугать нас так! – говорил он. – Ведь мы не можем обойтись без тебя: подумай – сколько тебе еще дела!

– Нечего сказать, откровенно и мило! – заметил Блэк кол-ко.

Действительно, сочувствие Мак Грегора было выражено не в особенно привлекательной форме, но он был эгоисти-чен, как прирожденный верховод: подобно всем великим полководцам, он считал своих подчиненных не чем иным, как факторами, необходимыми ему для достижения его целей, и не щадил ради этого достижения ни их, ни себя. Конечно, в его характере были и более мягкие, менее себя-любивые, так сказать, непрофессиональные черты, но он редко позволял им выходить наружу, считая это слабос-тью, и с этой стороны строго держал себя в руках.

Оправившись совершенно, Бернет сказал:

– Тихий утренний ветерок понесет нас над городом. Мы спустимся в самую середину его.

– А посмотрите-ка – почти прямо под нами вилла, – ска-зал сэр Джордж, смотревший все это время в одно из ниж-них окон в зрительную трубу. – Как вы думаете, не спус-

титься ли нам к ней? С нее вас как будто заметили, на нас направлена огромная труба, кажется, телескоп.

– Да, там кто-то есть! – воскликнул Мак Грегор.

Действительно, на террасе виллы стояли какие-то странно, но очень красиво одетые существа и, очевидно, наблюдали за шаром, направляя на него что-то, похожее на громадную подзорную трубу.

– Право, я нахожу, что можно бы спуститься здесь, – сказал сэр Джордж.

– Что я и сделаю, – отвечал Бернет. – Народ тут живет, кажется, образованный, поэтому спуститься здесь будет безопасно.

– Вы опять заговорили о безопасности! – огрызнулся Блэк. – Почему вы думаете, что спуститься здесь будет безопаснее, нежели где бы то ни было?

– Ничего подобного вашим последним словам я не говорил, – спокойно возразил Бернет. – Я только думаю, что если бы мы спустились к людям необразованным, то наше непрошеное появление могло бы вызвать панику. Впрочем, я полагаю, на Марсе найдется немного людей необразованных.

– Почему вы так полагаете?

– Я сужу по тому, что видел на материке Секки.

– Лучше не напоминайте нам о нем.

– И сужу также по тому, что вижу здесь, – продолжал Бернет, игнорируя замечание расхившегося Блэка.

– Здесь прелестно! – вмешался сэр Джордж, – но я не понимаю, м-р Бернет, что общего могут иметь обе местности Марса с образованностью его обитателей. Сначала мы попали в мертвую пустыню, теперь видим перед собою земной или, вернее, марсовский рай. Что же можно вывести из этого?

– Весьма многое. На материке Секки я пришел к убеждению, что весь экваториальный район на планете вымер, и я не ошибся. Одну минуту я готов был даже допустить, что и везде на Марсе мы найдем то же самое.

– А говорили совсем другое, – вмешался Блэк.

– Я не счел нужным высказывать моих предположения, – отвечал Бернет серьезно, почти строго. – Здесь я вижу новое подтверждение моему убеждению, что планета Марс стара, очень стара.

На эти слова посыпался целый хор опровержений.

– Стара? Что вы, как можно! Она великолепна, грандиозна, прелестна, как мечта!

– Она прелестна, но не грандиозна, – возразил Бернет. – Красота ее не что иное, как материальное совершенство, доведенное до последней степени. Еще шаг вперед, и начнется распадение. Посмотрите на эти горные скаты, пережившие бесчисленные тысячелетия. Они покрыты цветами, но не увенчаны грозными утесами. В здешних горах нет того сурового величия, какое представляют наши сравнительно юные, в геологическом отношении, Альпийские хребты. Взгляните на это сверкающее море; волны его словно поют колыбельную песенку, ударяясь в обремененные годами берега. Оно ненаглядно красиво, но оно давно уже утратило ту бурливость, которая составляет величие наших океанов. Оно измельчало, превратилось из моря в озеро. Может быть, и оно было когда-то величественно и грозно, в те времена, когда наш Атлантический океан еще только начинал выступать из хаоса. Может быть, берега его были когда-то покрыты исполинской растительностью; теперь ее заменили изящные деревца, пигмеи сравнительно с нашими лесными великанами. Здешние животные милы, красивы, грациозны, но взгляните, как они чувствительны к самому легкому звуку, к малейшему дуновению ветра – целая тысяча их, взятая вместе, не устояла бы против одного тигра. Повторяю, господа, Марс старая планета. И жители ее, вероятно, далеко превосходят нас развитием как телесным, так и умственным. Они выработали себе такие социальные, моральные и физические условия, каких мы и представить себе не можем. Словом, они дошли до высшей степени развития; дальнейший прогресс для них невозможен: им доступна одна перемена к худшему.

Развивая свои взгляды перед слушателями, Бернет увлекся, что с ним редко случалось; его обыкновенно серьезный, спокойный взгляд сверкал одушевлением, бледное лицо горело. Но, несмотря на свою увлеченность, он внимательно следил за ходом корабля и покончил речь как раз в тот момент, когда шар очутился прямо над намеченной им виллой.

– Сейчас мы проверим мою теорию на практике, – сказал он. – Готовьтесь, господа: нам, вероятно, придется подивиться кой-чему.

– Для нас уже это не новость, – ввернул насмешник Блэк.

Бернет занялся распоряжениями к спуску корабля, а прочие разместились по окнам, следя за тем, что происходит на вилле. Особенно интересовал их направленный на них телескоп.

– Очень может быть, что это телескоп, – сказал Блэк, – но, по-моему, он ужасно похож на громадную пушку.

– Мне тоже кажется, – отвечал Дюран.

– А что если они вдруг вышибут дно из нашего корабля? – заметил обыкновенно молчаливый Гревз. – Ведь это будет ужасно досадно: после всего, что сделал наш милейший Бернет, чтобы попасть сюда, мы будем разбиты в виду самой пристани.

– Да, это будет досадно, особенно для вас, – сказал Блэк, задетый за живое напускною холодностью, с какою говорил художник.

– Не столько для меня, сколько для Бернета, – возразил Гревз с тем же невозмутимым хладнокровием.

– Это почему?

– Корабль не мой, – отрезал Гревз.

– О, чушь какая! Голова-то у вас на плечах, я думаю, ваша, а если корабль разобьют, мы все полетим в пространство вверх ногами.

– Не мешало бы нам выкинуть белый флаг, – заметил баронет.

– А, может быть, белый цвет у них синоним объявлению войны, – возразил Мак Грегор.

– В таком случае можно выкинуть черный или синий, что ли, но все же не мешало бы подать какой-нибудь сигнал, что мы не имеем против них дурных намерений.

Между тем бывшие на террасе также следили за движениями шара, очевидно стараясь направить телескоп прямо на него. Бернет не спускал глаз с подозрительной трубы, и взгляд его выражал сильное беспокойство. Шар находился уже не более как в пятистах футах от планеты, и расстояние это с каждою секундою быстро уменьшалось. Вдруг футах в трехстах он вздрогнул и остановился. Инженер бросился к своим расписаниям, недоумевая, что случилось. Но в его механизме было все в порядке, а шар не двигался. Сделав наскоро два-три опыта передвижения снаряда, ученый вдруг вскричал с досадой:

– Мое изобретение им известно, и их машина сильнее моей!

– Что вы хотите сказать? – послышалось со всех сторон.

– Они уничтожили притяжение своей планеты к нашему кораблю... О! Боже мой! это ужасно!..

– Бернет, что случилось? – спросил Мак Грегор взволнованно. – Скажи ради Бога – в чем дело?

Бернет повернулся к нему: лицо его выражало сильнейшее отчаяние.

– Они изолировали нас от своей планеты, – сказал он глухо. – А если они умеют делать это, значит, умеют действовать и отталкивающею силою. Они могут каждую минуту швырнуть нас в Солнце.

Мак Грегор быстро схватил парашют, висевший у него наготове.

– Помогите мне отворить дверь! – крикнул он.

– Берегись, Мак Грегор, они могут швырнуть и тебя в Солнце.

– И пусть швыряют! Дверь! скорее, дверь!

Массивную дверь живо отперли, и храбрый начальник предприятия выпрыгнул в пространство.

Парашют был нового устройства: он раскрывался автоматически в самый момент падения. С помощью его Мак Грегор спустился настолько, что был уже футах в пятидеся-

ти расстояния от планеты; затем и он остановился. Парашют охватил его ноги, как юбка, и повис на нем неграциозными складками. Несчастный начал изо всех сил лягаться, чтобы расправить его — ничто не помогало: с уничтожением притяжения он потерял всякий вес, и потому его отталкивающие движения не имели ни малейшей силы.

— Эй! вы там, стыдитесь! Легко мне тут, вы думаете, вить да лягаться? Пустите меня вниз! — закричал он стоявшим на террасе, совсем забыв, что жители Марса вряд ли могут понять английский язык, да еще с шотландским акцентом, который, заметим кстати, слышался у него особенно сильно, когда он был взволнован.

— Ну что, Мак Грегор, каково вам? — закричал ему с шара Блэк со смехом.

— Вам-то что? — крикнул в свою очередь Мак Грегор сердито. — Очутились бы вы на моем месте, небось не стали бы зубы скалить.

— Простите, Мак Грегор, но...

Слова Блэка были прерваны общим взрывом хохота, в котором слышался голос даже неизменно серьезного Бернета.

— Ради Бога, не сердитесь, Мак Грегор, — закричал опять Блэк, когда хохот затих, — но если бы вы могли видеть, как вы интересны, задрапированный в вашем парашюте...

— К черту его! — крикнул Мак Грегор, окончательно расвирепев, и так встряхнулся, что парашют отлетел далеко в сторону.

— Спустить вам веревку, Мак Грегор? — спросил сэр Джордж: — ползайте опять вверх!

— На кой дьявол мне веревка! — отвечал Мак Грегор с отчаянием. — Если они не дают мне спуститься, так наверно не дадут и подняться. Эй, вы, милейшие, послушайте, что вы со мной делаете? Дайте же мне спуститься; я вам ничего дурного не сделаю. Ну право же, не сделаю!

Стоявшие внизу, конечно, не поняли его слов, но тон просьбы и умоляющий жест, с каким они были сказаны, не остались без действия: он вдруг почувствовал, что опускается.

Глава IX

СТРАННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Замечая, что его тянет вниз, Мак Грегор поспешил протянуть руку за отброшенным им парашютом. Но парашют плавал в воздухе далеко от него, и он не мог его достать. Сознывая, что он сам накликнул на себя гибель, он закрыл глаза в уверенности, что сейчас грохнется и расшибется вдребезги. Стоявшие на шаре содрогнулись и отвернулись, чтоб не видеть ужасного зрелища. Еще минута – и их друг, их мужественный предводитель должен был неминуемо погибнуть у них на глазах. Одно чудо могло спасти его.

И чудо действительно случилось: Мак Грегор, к великому своему удивлению и еще большей радости, опустился на землю так плавно, так легко, как перышко, чуть колеблемое ветром. Коснувшись ногами почвы, он только едва заметно пошатнулся, так бережно направила его таинственная сила, им руководившая. Утвердившись на ногах, он повернулся к шару и весело махнул рукой товарищам, которые вскрикнули от восторга, увидев его в безопасности. И они поняли, что обитатели Марса не относятся к ним враждебно, если не погубили их отважного начальника, тогда как им так легко было это сделать. С шара отлично можно было видеть, как он приветствовал стоявших на террасе, кланяясь на всевозможные лады, прикладывая руки к сердцу, к голове; недоставало только, чтоб он стал на колени или пал ниц, как делают низшие перед высшими в Тибете, где он провел столько лет. Но этого он при всей благодарности за свое избавление все-таки не сделал.

Три оригинально одетые существа, стоявшие возле телескопа или, вернее, возле странной машины, задержавшей полет шара, сошли с террасы и подошли к нему. Отважный гость, очевидно, произвел на них благоприятное

впечатление. Еще раз поклонившись, он указал им на шар. Жест его был понят. Старший из марсовцев – мы смело можем называть их людьми, так как они были во всем похожи на людей, за исключением некоторых особенностей, как увидим ниже – поднял руку по направлению к своей трубе, и она, повинувшись этому движению, словно разумное существо, повернулась на своей оси в сторону от шара; таким образом, действие ее было уничтожено, и в ту же секунду шар начал опускаться. Через несколько минут он тихо коснулся почвы. Бросили веревочную лестницу, спутники Мак Грегора спустились по ней и подошли к своему предводителю, который представил их марсовцам. Они низко поклонились, марсовцы – один из них был уже старик, другой юноша, а третий мальчик – отвечали тем же, очевидно подражая движениям своих гостей, но очевидно было также, что движения эти были для них непривычны: мальчик, кланяясь, улыбался и отворачивался, чтоб не заметили его улыбки.

Подойдя к почтенному старцу, казавшемуся хозяином, Бернет вынул из кармана карту солнечной системы, по которой путь, пройденный ими от Земли к Марсу, был обозначен красным карандашом, передал ее ему вместе с картою Марса – лучшею, какие только есть на земле – и указал на то место на материке Секки, где они впервые спустились. Путь, пройденный ими за ночь от этого материка до Лагранжского полуострова, также был обозначен красной линией. Передавая обе карты, ученый знаком попросил марсовца рассмотреть их внимательно. Старик принял их с любезным, хотя несколько неловким, поклоном и осмотрел их, заметно заинтересованный, затем подозвал к себе обоих своих товарищей и начал объяснять им что-то. Земные гости не спускали с них глаз и ждали – что будет. Пока они ждут, скажем несколько слов о их новых знакомых.

Марсовцы были ростом ниже среднего, но сложены так удивительно пропорционально, что заметить это можно было только тогда, когда они стояли рядом с рослыми обитателями земли, какими были, например, Мак Грегор и

Дюран. Только голова их была немного велика для их роста, но они держали ее так грациозно, что и это их не портило. Замечательнее всего было выражение их лиц: с первого взгляда на них можно было заметить, что в этих существах животный элемент был вполне подчинен интеллектуальному, что – увы! – так редко встречается на Земле. Но на Марсе это было правилом даже без исключения, в чем легко мог убедиться даже самый закоренелый скептик.

Относительно костюма мы можем сказать, что наш покрой платья, годный скорее для факельщиков, чем для светских людей, был там совершенно неизвестен. Они одевались, а не покрывали свое тело, украшали себя, а не безобразили. Заметим, впрочем, одно обстоятельство, способное служить отчасти к нашему оправданию. Большая часть людей на Земле почти не имеет времени подумать о том, во что им одеться; марсовцам же, напротив, почти не о чем думать, кроме одежды. К тому же такие костюмы, как, например, серые с зеленой, вышитой золотом, отделкой, в какие одеты были хозяева Бернета и его товарищей, живо испортились бы, если б их надели люди, вращающиеся в нашей деловой суматохе. Туника, пояса, шаровары ярких цветов были бы не уместны в лондонском тумане. Но марсовцы, к великому для них счастью, не знают деловой суматохи, а о туманах и не слыхивали.

Пока я распространяюсь перед читателем о новых хозяевах наших путешественников, не лишне будет сообщить ему и имена их. Эти имена были даны им земными гостями отчасти по характеру их, отчасти потому, что они по звуку близко подходили к их настоящим именам. Старика они называли доктор Профундис; это имя очень шло к нему, так как, судя по всему, он был человек очень ученый и глубокомысленный. Дочь его, о которой будет сказано ниже, звали Миньонета; имя это было ей дано в честь дико растущего на Марсе цветка, очень напоминающего цветом и запахом нашу резеду*. Были еще и другие имена, но о них после, а теперь возвратимся к нашему рассказу.

* Mignonette по-английски значит «резеда» (*Прим. перев.*).

Мы оставили старого марсовца объясняющим мальчику и молодому человеку карты, врученные ему Бернетом. Оба – первый из них был его сын, второй жених его дочери – смотрели на него с недоумением и, казалось, не верили ему. Тогда доктор Профундис, – заметим кстати, что титул доктора и профессора были ему даны Мак Грегором и его партией самовольно, так как на Марсе титулов нет, – вынул из своей туники прекрасно начертанную карту неба и указал на ней Бернету сперва на Землю, потом на Марс. Бернет кивнул головой и объяснил жестом, что они прибыли с Земли. Оба молодые марсовцы, казалось, были приятно удивлены и удвоили свою приветливость к гостям. Заметя, что Бернет живо заинтересовался данной ему картой, Профундис вынул другую, тоже небесную, и, улыбаясь, подал ее ему. Бернет взглянул на нее и совсем растерялся от изумления и восхищения. Карта эта была составлена так подробно, так обстоятельно, мельчайшие астероиды были обозначены на ней с таким точным определением их положения, наклонения их орбит, периодов их вращения и пр., что он никогда не мог представить себе ничего подобного: ни на одной из лучших небесных карт, составленных на Земле, он не видал даже великана Юпитера, обозначенного с таким совершенством, с каким были обозначены здесь даже звезды самых последних разрядов. Пробежав ее глазами, он возвратил ее хозяину с таким болезненным сознанием недостаточности своих сведений, какого ему ни разу не доводилось испытывать раньше, и знаками объяснил старику, что впоследствии попросит у него ее опять, чтобы изучить более подробно. Скажем кстати, что впоследствии он изучил-таки ее: это стоило ему немало труда, но все же он добился своего.

Между тем доктор Профундис был в недоумении. Он понял, что неожиданные гости приехали с Земли, догадался, что они приехали с какою-нибудь определенной целью, но как их принять, чем угостить, он решительно не знал. Подумав минуту, он пошел к дому, знаками пригласив гостей следовать за собою. Молодые люди с улыбкой указали им на стальной шар, объясняя знаками, что они за ним при-

смотрят и что с ним ничего не случится. Успокоенные этим обещанием, путешественники пошли за стариком.

Вилла, к которой он шел, была так обширна и великолепна, что, по всей справедливости, могла скорее называться дворцом. Она была окружена мраморною террасою с перилами, сплошь уставленную великолепными цветами и растениями. Терраса эта, поддерживаемая множеством колонн из разноцветного мрамора, далеко выдавалась перед домом; в перилах против двери, ведущей в дом, было отверстие, очевидно, для входящих на террасу, но лестницы не было, а терраса находилась над почвой на высоте, по крайней мере, футов двадцати.

— Интересно знать — как он взберется туда, — сказал Мак Грегор Бернету, шедшему с ним рядом. — Должно быть, есть подъемная машина. Здешний народ, верно, слишком ленив, чтобы ходить по лестницам.

— Не думаю, — ответил Бернет в раздумьи.

— Я несколько не удивлюсь, если он полезет по колонне, — заметил сэр Джордж, шедший вслед за ними: — я и сам бы, кажется, способен был взлезть хоть на призовую мачту на этой благословенной планете. Замечаете? почва идет вверх и образует довольно крутой холм, а я всхожу на нее без всякой одышки! Право, кажется, я уж успел помолодеть здесь, хотя не провел еще на Марсе и час

В своем восхищении баронет забывал, что притяжение на земле гораздо сильнее, чем на Марсе. На земле он весил полных шестнадцать стон, а на Марсе не весил и шести.

— Ей Богу, он умеет летать! — вскричал Блэк, схватив Мак Грегора за руку.

Все остановились в изумлении. Действительно, перед их глазами происходило что-то непостижимое. Поравнявшись с домом, Профундис без малейшего колебания и, по-видимому, без всякого усилия поднялся в воздух и через минуту уже стоял на балконе.

Бернет и его партия следили за ним, как говорится, выпучив глаза. Доктор Профундис, сделав несколько шагов по террасе, оглянулся на них и, видя, что они стоят все еще

внизу с расстроенными лицами, понял в чем дело и пошел обратно к выходу.

– Берегитесь: он соскочит кому-нибудь на голову! – закричал Мак Грегор, забыв, что профессор может так же легко спуститься, как и подняться. Так и случилось: спустившись грациозно с террасы, он подошел к Бернету, которого считал, совершенно справедливо, главою экспедиции, и подал ему руку. Оба поднялись на воздух и через минуту уже стояли на террасе. Оставив Бернета наверху, профессор опять спустился и подошел к Маку Грегору, стоявшему рядом с Блэком.

– Ступайте вы прежде, Мак Грегор, – сказал Блэк, отодвигаясь. – Вы... вы больше привычны к этому движению. Сегодня вы сделали славную репетицию.

– Еще бы! – ответил Мак Грегор и проворно подал руку профессору. Мало-помалу старик перетаскал всех наверх и, отворив массивную мраморную дверь, которая, однако же, была так ловко прилажена, что отворилась, едва он до нее дотронулся, учтиво пригласил их жестом войти в дом.

Зала, в которую он ввел их, была очень велика и скорее годилась бы для какого-нибудь общественного собрания, чем для частного жилища. Прекрасно расписанный потолок изображал звездное небо. Кругом всей залы шла мраморная колоннада. Великолепные растения, которыми она была украшена, достигали почти до потолка. Красивые певчие птички влетали и вылетали в открытые окна, то садились на оранжерейные растения в зале, то размещались по веткам цветущих кустов, росших возле окон, и весело щебетали. Нигде не видно было печей, а между тем в комнате господствовала легкая, приятная температура. Заметим кстати, так как нам, может быть, не придется возвращаться к этому предмету, что бытовые условия у марсовцев с первого дня привели в восхищение обитателей Земли, и впоследствии это восхищение только усиливалось. Стоило повернуть рукоятку в стене, и в комнатах распространялась желаемая температура, начиная с тропической жары до полярного мороза. Ни в одной комнате не было ни свечей, ни ламп, а между тем стоило прижать пуговку с

наступлением темноты, и комнаты блистательно освещались; потолок, казавшийся днем расписанным, превращался в настоящий свод небесный с его двумя лунами, спутниками Марса, и бесчисленными звездами, проливавшими целые потоки света. Нигде не видно было расфранченных лакеев, но во всех углах стояли изящные колонны; стоило положить на одну из них что-нибудь, и колонна исчезала вместе с положенною на нее вещью. Это последнее удобство поразило наших путников, как только они вошли в дом, и даже напугало некоторых из них.

– Попался же я, Гревз! – пробормотал Блэк сердито. – Я положил мой зонтик на столбик у дверей, а он исчез куда-то вместе с ним. Должно быть, его швырнули в Солнце, как Бернет боялся, чтобы они не швырнули Мак Грегора. А я заплатил за него шестнадцать шиллингов и шесть пенсов.

– За столбик?

– За какой столбик – за зонтик! Будь он ваш, вы бы не стали шутить.

– Я и сам потерял таким же образом мое пальто, а вот шучу же.

– Потеряли? Очень рад: по крайней мере ваше положение не лучше моего.

– Хуже: вместе с пальто я положил на столбик и трубку.

Блэк осознал всю великость потери, понесенной его товарищем, и перестал жаловаться на свою собственную.

Вынув из кармана книжку, исчерченную какими-то странными знаками – вероятно, это было расписание свободных в доме помещений – профессор повел своих гостей по длинным коридорам в особый флигель. Коридоры были богато задрапированы, стены украшены картинами превосходной работы. Над дверями висели роскошные гардины. Мягкие ковры покрывали пол, так что не слышно было шагов. Все это было так великолепно, живописно, оригинально, что можно было смело сказать: это был не дом, а очарованный замок, один из тех, какие любят изображать на Земле писатели, одаренные богатым воображением. Но воображение, говорят, то же пророчество.

Идя по коридорам, гости не встретили никого. Комнаты также были пусты. Хозяек не было дома – они гостили у знакомых, и профессор жил пока один со своим сыном во всем громадном здании. Поэтому помещение для «приезжих», нагрянувших к нему так неожиданно, ему найти было не трудно. Мак Грегор и Бернет сильно нуждались в отдыхе: они не спали с тех пор, как покинули Землю, даже не забылись ни на минуту. Прочие поспали несколько часов тревожным сном, но они были рады, когда Бернет сказал им, что хозяин не будет ждать их к себе до обеда. Бернет уговорился об этом с профессором с помощью знаков, посредством которых они быстро научились объясняться.

Спальни, отведенные для гостей, были убраны очень просто, но с самым тонким вкусом. Во всех них преобладали цвета, способные служить отдохновением утомленному взгляду. При каждой была устроена ванна, имевшая форму пещеры, с залитым водою дном, какие часто встречаются на морском берегу. Постели были пропитаны самыми нежными благоуханиями, а при кроватях был устроен особый механизм: ложившийся придавливал своим телом пружину, и в комнате немедленно раздавалась тихая музыка, баюкавшая засыпавшего.

Едва успев лечь, все гости тотчас заснули, проспали, как убитые, десять часов сряду и встали бодрые, свежие, чувствуя себя так хорошо, как никогда не чувствовали на Земле. Электрический звонок призвал их к обеду. Была уже ночь, но в доме было светло, как днем; во всех коридорах, во всех комнатах разноцветные лучи, изливаясь из невидимых источников, распространяли яркое сияние. Большая зала вся тонула в волнах мягкого света: маленькие луны и звезды на потолке сверкали чудным блеском; посреди залы накрыт был стол.

Сервировка была великолепная, хотя несколько оригинальная. Но ни кушанья, ни вина не удовлетворили обитателей Земли: первые показались им слишком простыми, мало приправленными, вторые слишком слабыми. Разговора между гостями и хозяевами, конечно, быть не могло, так как на словах они не понимали друг друга. После каж-

дого кушанья блюда, тарелки, ножи, вилки и т. под. исчезали как бы волшебством и заменялись другими. Счастливые жители Марса не знают удовольствия видеть слуг, торчащих у себя за стулом. Вместо лакеев служили машины и служили превосходно. Но угодливость машин вместо живых существ как-то странно действовала на непривычных к таким порядкам обитателей Земли; у них, как говорится, мороз подирал по коже; подобная сервировка была для них слишком нова. Вежливый хозяин всячески старался, чтоб его гости остались довольны, но все-таки это был обед, так сказать трапеза, а не пир в том смысле, как это понимают на земле. И потому гости были рады, когда обед кончился, тем более, что им приходилось обедать молча: говорить с хозяином они не могли, а толковать между собою не решались, считая это невежливым. Как скоро встали из-за стола, все принадлежности обеда и самый стол исчезли бесследно. Тогда доктор Профундис обратился знаками к своим гостям с предложением устроить систему сообщений, что оказалось весьма не трудно. Младший Профундис, несмотря на свои почти детские годы, рисовал гораздо лучше Гревза, и оба предлагали, так сказать, карандашом вопросы, на которые давали таким же способом ответы. Кроме того, принималось во внимание выражение лица, интонация, жесты; таким образом разговор, если можно так выразиться, мало-помалу завязывался, и обе стороны начинали порядочно понимать друг друга. Конечно, число вопросов поневоле было ограничено; они могли вращаться только в таком районе: есть ли, например, на Земле или на Марсе то-то и то-то? Об отвлеченностях не могло быть и речи, но все-таки шаг вперед был сделан. Особенно интересовались гости узнать — есть ли в доме хозяйки и если есть, то почему они не показываются, но они не знали, как предложить этот вопрос. Наконец Блэк, особенно хлопотавший об этом, как большой ходок по женской части, придумал, что делать.

— Нарисуйте Дюрана и рядом с ним его последнюю любовшку, — сказал он Гревзу, — и покажите ваш рисунок про-

фессору, он наверное поймет, в чем дело; к тому же, мы постараемся пояснить ему вопрос знаками.

Гревз с радостью ухватился за эту мысль, и вскоре рисунок был готов. Гревз показал его Профундису; тот передал его сыну; оба взглянули друг на друга и разом воскликнули с улыбкой:

– А, Миньонета!

Показав знаками, что понимает желание гостей и готов его исполнить, профессор пригласил их следовать за ним в другую комнату. Эта комната была также очень велика и отлично меблирована. В ней стояло полукругом сорок или пятьдесят стульев, поднимаясь в несколько рядов одни над другими, как в театре. Но на том месте, где должна бы была быть сцена, была глухая белая стена, на которой видно было несколько кругов; возле каждого круга приделана была трубка, а над всеми кругами находился аппарат, какого не видал даже сам ученый Бернет. К чему служила эта машина – гости скоро увидели.

Подойдя к ней, профессор коснулся пружинки – и вдруг яркий свет, озарявший комнату, сменился мягким, нежным полусветом. Затем он подошел к одному из кругов, произнес несколько слов и, оборотясь к гостям, знаком попросил их внимательно следить, что будет. Они, конечно, не заставили себя просить в убеждении, что их ожидает какое-нибудь чудо, и, повинуясь знаку профессора, заняли места в первом ряду.

Вдруг посреди господствовавшей в зале тишины раздался сначала тихо, но постепенно усиливаясь, чей-то серебристый голосок, нежный и приятный, как шелест ветерка в листве. В голосе этом слышалось как-то вместе и серьезное, и веселое выражение. Никогда обитатели Земли не слышали ничего подобного: он поразил их, как голос с неба, и, слушая его, им казалось, что они делаются сами чище, лучше, святее.

Свет в комнате стал еще слабее, и вдруг перед глазами удивленных обитателей Земли предстал образ молодой девушки, окруженной каким-то чудным сиянием. Она, казалось, была вся окутана в прозрачное радужное облако, сквозь

которое едва виднелись очертания ее чудных форм. Волосы у ней были золотистые, образовавшие как бы роскошный венец над ее прелестной головкой; глаза темно-синие, умные, глубокие, лицо кроткое, выразительное, задумчивое, но без малейшего оттенка той прирожденной грусти, которая всегда омрачает земную красоту, как бы совершенна она ни была.

При появлении этого чудного призрака голос, слышавшийся в комнате, не прекратился; слушатели угадали, что он принадлежал именно ему, и слушали его с почтительным восхищением, смотря на прелестную девушку с таким благоговением, с каким смотрят на ангела. Профессор с улыбкой назвал ее нежным именем Миньонеты и произнес несколько слов. Она улыбнулась ему также нежно, отвечала ему также несколькими словами с выражением несказанной ласки и как будто с легким оттенком сожаления в голосе; затем все исчезло.

Тогда хозяин подошел к Бернету и положил перед ним карту, объясняя ее знаками и несколькими простыми английскими словами, значение которых он успел уже себе усвоить. Бернет быстро понял его и обратился к товарищам.

— Эта девушка дочь его, — сказал он им. — Она гостит теперь у знакомых, на одном из островов Кейзерского моря, за шесть тысяч миль отсюда. Он просил ее приехать домой. Завтра она будет здесь.

Глава X

МИНЬОНЕТА

Вальтеру Дюрану в эту ночь спалось плохо. Спальня у него, как нам известно, была весьма удобная, постель отличная, но, несмотря на то, он не мог уснуть спокойно. Наконец он нашел тему, достойную его пера. Его живое воображение создавало один план романа за другим, и читатель легко может угадать – кого он выбрал героинею. Он был уже влюблен в свою героиню, и это было вполне понятно: подобной ей он не встречал на Земле.

Он встал поздно: теплое марсовское солнце уже стояло высоко над извилинами лагранжских холмов. Чудный сухой воздух был полон живительной прохлады. Резвые пестрые птички весело распевали в зеленых рощицах, окружавших дом профессора. В доме слышались веселый говор голосов и тихая музыка. Вдруг на балконе, под самым его окном, раздался веселый, серебристый смех.

– Это Миньонета! – воскликнул он взволнованно и начал торопливо одеваться. «Проклятый европейский покрой!» – думал он, смотрясь в зеркало и чуть не плача от досады. – «Мне стыдно будет показаться ей таким чучелом. Разве это наряд? Подобное платье годится только для тюрьмы или для смиренного дома. Хоть бы я мог занять костюм у ее брата – так он не будет мне впору. И как это Мак Грегор не догадался посоветовать нам запастись приличной одеждой? Нужно будет заказать платье здесь и спросить совета у Гревза, какое выбрать. Я верю его вкусу: ведь он художник. А ему здешние наряды очень нравятся. Я видел, как он срисовывал их вчера вечером, пользуясь всякой свободной минутой; только ему покоя не давали: все приставали к нему, чтоб он нарисовал то то, то другое».

Кончив свой туалет, он отворил окно, выходившее на балкон. О, разочарование! вместо Миньонеты там стоял ка-

кой-то мальчик, разговаривая с молодым Профундисом, подвязывавшим выющиеся растения около колонн.

«Мальчишка!» – подумал он с пренебрежением. – «Должно быть, еще ее братишка. Но как его голос похож на прелестный голосок Миньонеты! О, чудная девушка!»

Он хотел было отойти от окна, но в эту минуту мальчик на балконе переменял положение и, облокотясь на перила, продолжал разговаривать с молодым Профундисом, который успел между тем спуститься вниз. Дюран невольно залюбовался его позой и заслушался его гармонического голоса.

«Как он грациозно стоит – точно эквилибрист!» – думал он. – «И какой на нем красивый костюм. Вот бы срисовать его! Позову сюда Гревза».

Мальчик был одет в тунику серебристо-серого цвета из какой-то мягкой материи, похожей на наш бархат; на голове у него была маленькая круглая шапочка из той же материи. Туника плотно охватывала его красивые формы; ярко-красный пояс, вышитый золотом, был завязан с левого боку большим бантом. Панталоны в обтяжку одного цвета и одинаковой материи с туникой застегивались у колен на темно-зеленых чулках; изящные башмаки с серебряной пряжкой довершали красивый и оригинальный наряд.

Спальня Гревза была рядом со спальней Дюрана. Романист подошел к его дверям и постучался.

– Идите ко мне скорее, Гревз! – сказал он. – Мне вас надо: что я вам покажу!

– Ну, что вы мне там покажете? – лениво отвечал Гревз из-за двери. – Я уж устал смотреть на всякие диковинки. Не мешайте мне – я занят.

– Говорю вам – идите сюда, не то всю жизнь будете каяться! – закричал Дюран, принимаясь опять стучаться.

– Да полно вам шуметь! весь дом переполошите, – сказал Гревз, отворяя дверь. – Ну, говорите, что вам нужно?

– Зайдите ко мне. На балконе под моим окном стоит мальчик: если он не достоин служить сюжетом для вашего карандаша, так я уж и не знаю, какого вам надо. Хорош, как Аполлон, грациозен как Ганимед, а стан как у Венеры.

Гревз лениво подошел к окну, но, увидев мальчика, забыл свое обычное хладнокровие и малословие и разразился целым потоком восторженных эпитетов.

– Душка, милочка, прелесть! – повторял он, – непременно срисую его... Ах! он уходит... Подите к нему, Дюран, и задержите его на несколько минут.

– Как я его задержу?

– Как хотите, хоть силой. Да постарайтесь, чтоб он повернулся ко мне лицом. Профиль у него хорош, но я хотел бы видеть его прямо.

Дюран выбежал на балкон в ту самую минуту, как мальчик собирался спуститься с балкона тем самым воздушным способом, каким доктор Профундис поднимался и спускался столько раз накануне.

– Извините, сэр, – сказал Дюран, положив руку на плечо мальчика. Он не надеялся быть понятым, но надеялся, что мальчик приостановится хоть на минуту, а Гревз воспользуется этим, чтоб срисовать его несколькими штрихами.

Мальчик обернулся с тою непринужденною грациею, которая так восхитила артистическую душу Гревза.

– Господи, помилуй! извините, сделайте милость... право, мне очень жаль... я никак не думал, что это вы, – пробормотал Дюран, совсем растерявшись и окончательно забыв, что его извинения ни в каком случае не будут поняты. – Ради Бога простите меня, мисс... мисс Миньонета, кажется?

Говоря это, Дюран снял шляпу и низко поклонился.

Это была действительно Миньонета, но что ей вздумалось переодеться мужчиной? Она и не думала переодеваться; она была просто в своем «летательном» костюме. На Марсе, как и следовало ожидать в таком передовом мире, женщины пользуются совершенно одинаковыми правами с мужчинами и, подобно им, учатся странному упражнению, которое мы за неимением более подходящего на нашем языке имени, назовем животным электрицизмом. Упражнение это состоит в том, чтоб регулировать притяжение центра тяжести, вследствие чего получается возможность перелетать с места на место на каком угодно расстоя-

нии от почвы. Такие полеты никогда не бывают очень продолжительны, но все-таки подобные прогулки в большом ходу на Марсе; дамы также часто принимают в них участие и охотно «летают» то в гости, то по делам. И в то утро, о котором мы говорим, Миньонете понадобилось слетать куда-то, и она была именно в том костюме, какой считается там наиболее удобным для таких экскурсий.

Молодая девушка посмотрела на Дюрана с каким-то детским удивлением. Перед нею стояло одно из странных существ из другого мира, о прибытии которых она слыхала, как слыхал и весь Марс, хотя они прибыли только накануне. Хорошие новости быстро распространяются на Марсе, а дурных там не бывает.

Миньонета нисколько не растерялась, тогда как Дюран был вне себя от смущения. Заметь, что ему не по себе, она приложила ко лбу свою белую стройную ручку, словно припоминая какой-то трудный урок – трудный потому, что он был совершенно новый. Вдруг лицо ее озарилось довольной улыбкой; она быстро подошла к Дюрану, протянула ему ручку с грациозною приветливостью и сказала по-английски с обворожительно неправильным акцентом:

– Доброе утро!

– Доброе утро, – отвечал Дюран, все еще не оправившись от смущения. Затем оба замолчали. Миньонета ничего не знала больше на земном языке, а Дюран не знал ни слова по-марсовски. Мак Грегор, Бернет, Стерлинг и Гордон уже были ей представлены, и все сказали ей «доброе утро». Угадав, что это самая употребительная форма приветствия у обитателей Земли, она запомнила эти слова и решилась их произнести, что и удалось ей не хуже, как любому новичку в изучении английского языка.

Наступила неловкая пауза. Дюран искоса поглядывал на свою новую знакомку, а она рассматривала его с нескрываемым любопытством. В этом любопытстве не было и тени нахальства, но тем не менее оно ужасно конфузило Дюрана.

Это безмолвное свидание глаз на глаз было прервано приходом Блэка. Казалось бы, Дюран должен был обрадовать-

ся его появлению, а между тем оно его страшно раздосадовало. Блэк, не дожидаясь, чтоб его представили, рекомендовался сам; Миньонета подала руку и сказала ему «доброе утро», исчерпав и для него все свои познания в английском языке. Дюран мог бы удалиться, но ему не хотелось уходить: он не двигался с места, любясь прелестным личиком девушки, менявшим выражение с каждою минутою: почти каждая мысль, мелькавшая в ее головке, отражалась на нем, как в зеркале. Ее лицо было выразительнее всех, какие видел Дюран до сих пор на Марсе, не исключая и самого доктора Профундиса. В ее подвижных чертах ясно можно было прочесть удивление, желание понравиться, безуспешное старание придумать какой-нибудь способ сообщения и, наконец, сознание странных отношений между нею и гостем, которые, по-видимому, ее очень забавляли.

– Если желаете завтракать, Дюран, – сказал Блэк, – так ступайте в столовую. Я пришел сюда искать вас.

– Вы очень... очень добры, Блэк.

– Нисколько, любезнейший. За вами приятно следить – всегда увидишь что-нибудь интересное, – прибавил он многозначительным, но добродушным тоном.

– Может быть, вы вперед будете настолько любезны, что ограничитесь наблюдениями за самим собою, – сказал Дюран с досадой, но Блэк перебил его с удвоенною любезностью, которая еще хуже рассердила его:

– Нет, уж позвольте мне иной раз присмотреть и за вами, – сказал он улыбаясь; – ведь это чистейшее для меня удовольствие. Вы так умеете вести себя и так ловко открываете все, что есть здесь в стране достопримечательного. Идите же завтракать.

– Я... я не хочу завтракать. Совсем нет аппетита; я прескверно спал ночь.

– А с вида этого совсем не заметно; у вас такое оживленное лицо. Ступайте же скорее в столовую, не то без вас там все съедят. А я пока побеседую здесь как умею с мисс Миньонетой.

Это было уж слишком. Дюран чуть не вспыхнул, но удержался и только про себя подивился, как это он до сих пор

не заметил, что за несносная, неделикатная и вообще неблаговоспитанная личность этот м-р Блэк! Однако он пошел-таки в столовую, не желая выдать своей досады.

– Вот и умно! – крикнул ему Блэк вдогонку. – Смотрите же, покушайте хорошенько; торопитесь вам сюда обратно незачем: я постараюсь занять мисс Миньонету так, чтоб ей не было скучно.

Дюран свирепо оглянулся, но, встретив взгляд Блэка, сверкавший лукавой веселостью, отвернулся и вышел, сказав отрывисто: – Благодарю! Сейчас же за дверью ему попался Мак Грегор и посмотрел на него с удивлением, таким неестественным показался ему звук его голоса.

– Где вы были, Дюран? – спросил он. – Мы уж боялись – не больны ли вы – и хотели предложить вам воспользоваться нашей походной аптечкой.

– Как вы, право, заботитесь обо мне – просто чудо, а не друзья! – отвечал Дюран раздражительно; – я вышел на балкон, не успел двух минут там пробыть, Блэк бежит: «Идите завтракать!» и чуть не плачет со страху, чтоб я не отоцал. А теперь вы с аптечкой! Не прибавят ли еще чего Гордон или сэр Джордж к моему благополучию?

– Что с вами, Дюран? – спросил Мак Грегор в недоумении. – Вы не имеете обыкновения раздражаться из пустяков; разве я сказал вам что-нибудь неприятное?

– Я и не думаю раздражаться, только вы-то не поднимайте шума из пустяков.

– Ну полно, полно, я вас обидеть не хотел, а вы знаете, где нет намерения обидеть, там нет и обиды. Где Гревз?

– Сидит у своего окошка и рисует.

– Ну, если он принялся рисовать, значит, его целый день из комнаты не выманишь.

– Нет, он сейчас сойдет, он сказал, что недолго займется.

– Удивительно: он обыкновенно как примется за карандаш, так готов весь мир забыть. Верно, здешний климат на него действует, если он начинает лениться. А что он рисует?

– Он... он срисовывает мисс Миньонету.

– Мисс Миньонету! Где же она?

– На... на балконе.

– На балконе? так вот что – понимаю, – улыбнулся Мак Грегор. – Кто ж теперь там с ней?

– Блэк, чтоб его...

Дюран вдруг умолк, словно прикусил язык. Мак Грегор бросил на него испытующий взгляд.

– Г-м, – протянул он многозначительно. – Идите же завтракать, Дюран, – прибавил он, увидев подходящих Гордона и сэра Джорджа. – Пока вы будете в столовой, мы тут втроем полюбуемся на мисс Миньонету.

– На мисс Миньонету, – повторил сэр Джордж. – А где она?

– На балконе. Пойдемте к ней. С вами ваша записная книжка, Гордон? Вот вам случай внести в нее что-нибудь хорошенькое.

– Мой «agenda» всегда со мной, – отвечал Гордон, вынимая из кармана книжку. – Куда же идти?

– Сюда, – отвечал Мак Грегор, направляясь на балкон, где в это время стояли Блэк и Миньонета, а Дюран пошел в столовую, бормоча про себя:

– Все заняты ею: Гревз ее срисовывает, Блэк с ней разговаривает или по крайней мере старается с ней заговорить, Гордон собирается ее описывать, эти два старых дурака – сэр Джордж и Мак Грегор – бегут любоваться на нее. А меня прогнали завтракать. Очень нужно! Мне и кусок в рот не пойдет.

Глава XI

СТАРАЯ БЫЛЬ

Когда Дюран вошел в столовую, там никого не было. Бернет давно уже ушел с профессором работать в библиотеку: им нужно было там многому поучиться друг у друга. Молодой Профундис был в саду, как нам известно. Одинокий завтрак вовсе не понравился Дюрану, хотя стол сервирован был отлично. Марсовская кухня показалась ему еще преснее, вино еще слабее вчерашнего, невидимые слуги положительно наводили на него ужас. А с балкона к нему доносились смех и веселые голоса и дразнили его немилосердно. «Мисс Миньонете, как видно, весело с ними», – думал он, машинально проглатывая кусок за куском. – «Интересно только знать, как они с ней разговаривают, ведь она может отвечать им только знаками да своей удивительной игрой физиономии. Ишь как заливаются – о чем это? желал бы я знать».

Вдруг голоса на балконе смолкли. Если голоса дразнили его, то молчание окончательно вывело его из себя. Он бросил завтрак на половине и выбежал на балкон. Там никого не было, кроме брата Миньонеты. Дюран обрадовался и ему: он был так похож на сестру! Молодой Профундис с улыбкой подошел к нему и протянул ему руку. Дюран подал ему свою и тотчас почувствовал, что вес его как будто исчез: впечатление было точно то же, как накануне, когда профессор взял его за руку, чтобы поднять на балкон. Они тихо опустились на землю, и молодой человек провел его в небольшую рощицу, где все общество было в сборе. Там был совершенный рай. Солнце мягко сквозило через зеленую листву, воздух был полон благоуханием цветов, фонтаны гармонически плескали в мраморных бассейнах, откуда-то слышалась музыка, тихие звуки которой словно трепетали в воздухе. Красивые животные, похожие на коней, бегали

и резвились, беззаботно щипали травку и листву или доверчиво ласкались к присутствовавшим. Пестрые бабочки перепархивали с цветка на цветок, как живые драгоценные камни, птички, наперерыв блистая яркостью перьев, сидели на ветках целыми стаями, заливаясь веселым шебетанием. Но всего интереснее были костюмы собравшихся гостей: у профессора был в этот день назначен утренний раут в честь приезжих с Земли. Пожилые мужчины и дамы были одеты в более или менее темные цвета, молодые люди – в яркие, молодые девицы – в нежные. Старость в этом избранном обществе отличалась благообразием и ласковой предупредительностью, молодежь – красотой и отсутствием заносчивости. Все обходились друг с другом вежливо, разговор шел чинно, неторопливо. К пришельцам из другого мира все относились, конечно, с любопытством, но приветливо и без тени навязчивости. Обитателям Земли также было, по-видимому, по себе в этом чуждом для них кругу. Мак Грегор сидел в великолепном кресле с довольной улыбкой человека, отдыхающего после долгих трудов. Сэр Джордж разлегся на траве и предавался кейфу, по-видимому, совсем забыв даже, что на свете есть финансы. Гревз против обыкновения был без карандаша, а Гордон без записной книжки. Блэк был веселее всех: он сидел на диване между Миньонетой и ее подругой, также очень красивой девушкой, и был, как говорится, вполне в своей тарелке. Ирландец везде ирландец: были бы ему хорошенькие женщины, а там хоть трава не расти.

Дюрана представили гостям: он вежливо поклонился, но затем отошел в сторону и надулся, сам не зная за что. Никто бы не узнал в этом молодом человеке с безучастно потупленными глазами и хмурым выражением на красивом лице живого и пытливого романиста-наблюдателя, который всегда так зорко вглядывался во всякую обстановку, его окружавшую, стараясь уловить какое-нибудь оригинальное положение, способное пригодиться ему для его произведений. Между тем, если бы он был в своем обыкновенном настроении, он мог бы извлечь из всего окружавшего массу материалов, но он, по-видимому, не замечал ничего

и даже выслушал равнодушно новость, способную удивить хоть кого: профессор, просидев с Бернетом целую ночь, настолько перенял у него по-английски, что мог уже довольно свободно изъясняться на нем со своими гостями и даже успел передать частицу своих новоприобретенных познаний сыну. Миньонета также выучилась произносить довольно верно несколько фраз. Такая переимчивость изумляла даже Бернета, тем более что и он сам – не говоря уже о его спутниках – не мог пока усвоить себе ни одного слова из марсовского языка. Трудно было, впрочем, и дивиться этому: у марсовцев ум развит не по-нашему.

Некоторое время обитатели Земли предавались сладостному кейфу, любуясь окружавшей их райской обстановкой, отвечали через профессора на предлагаемые им вопросы, но больше молчали, погруженные в сладкое раздумье, которое могло отчасти назваться реакцией после вынесенных ими бурных впечатлений. Кто бы решился осудить их за то, что они, наслаждаясь вполне заслуженным спокойствием, забыли на несколько минут, что где-то, в далеком пространстве, вращается наша грешная Земля с ее печалью, тревогами, мелкими заботами и мелкими радостями – Земля, которую им первым удалось покинуть иначе, как для того, для чего обыкновенно покидают ее смертные, т. е. для загробной жизни.

Два часа пролетели для них так быстро, как могут пролететь в нашей земной юдоли разве для какой-нибудь влюбленной парочки на тайном свидании. Затем марсовцы встали, накинули свои плащи – зеленые с золотом или серые с лиловым – и простились с хозяевами. Профессор объяснил Бернету, что каждый идет к своим занятиям, и что поэтому гостям придется часа два забавляться между собою, так как и ему с семейством нужно заняться делом. На блаженной планете Марс дневной труд берет только два часа – остальное время посвящается отдыху и забавам.

Итак, марсовцы разошлись; пожилые чинно разбрелись по обсаженным цветами дорожкам, молодые упорхнули, как птички. Пришельцы с Земли тоже остались одни и тоже отправились побродить по рощице. Один Дюран не

двигался с места; он все еще хмурился и дулся. Вдруг кто-то слегка коснулся его плеча; он оглянулся – перед ним стояла Миньонета. Она заметила его дурное расположение духа и воротилась на минуту, чтобы его утешить. Как она была мила со своим ясным взглядом, со своей небесной улыбкой, с выражением непритворного сочувствия на прелестном личике! Вся кровь бросилась в голову Дюрану. Значит, ей наскучил Блэк, она предпочитает его общество и пришла сказать ему это. Он впился в нее своими большими черными глазами и ждал, что она скажет.

И она действительно сказала ему фразу, выученную специально для него. Глядя на него с ласковой улыбкой, она проговорила своим сладким голосом:

– Какая сегодня хорошая погода!

Дюран, ожидавший чего-нибудь гораздо более нежного, нахмурился на нее так, что она отшатнулась от него, взглянула на него с упреком, отвернулась и ушла. Но он успел подметить на ее длинных ресницах две слезы, может быть первые, которые довелось ей пролить в ее счастливой юдоли.

– Проклятый Блэк! – вскричал он; – этот зубоскал, верно, нарочно научил ее... О! Миньонета, не сердитесь, я не хотел вас оскорбить!

Но ее уже не было. Он остался на месте, растерянный, взбешенный на самого себя.

– Что вы здесь сидите, словно к месту приросли! – раздался над его ухом веселый голос. Он вскочил как ужаленный: перед ним стоял Блэк.

– Неужели вам тут не скучно одному? – спросил он со своей беспечной улыбкой, фамильярно взяв его под руку. – Пойдемте гулять и потолкуем на досуге; сколько я вам расскажу интересного о мисс Миньонете!

– Очень нужно мне слушать о мисс Миньонете! – вскричал Дюран, отталкивая его с досадой. – Когда вы, наконец, поумнеете, Блэк? Неужели вы не замечаете, как вы мне надоели с вашими толками об этой девушке?

– С которых это пор вам надоедают толки о хорошеньких девушках? – спросил Блэк, лукаво улыбаясь. – А разве

она не хорошенькая? Не смейте спорить: она обворожительна!

– Никто не думает с вами спорить: она, конечно, хорошенькая, но я нахожу, что порядочным людям не следует и отзываться о ней легкомысленно.

– Милейший мой, да что же я сказал о ней легкомысленного? что она хорошенькая, так ведь это и вы находите. Как же прикажете говорить о ней?

– По-моему лучше всего будет не говорить о ней вовсе, – сказал Дюран, стараясь овладеть собою.

– Будь по-вашему, – согласился Блэк добродушно. – Что делать, надо вам помирволить; вы сегодня ужасно не в духе, должно быть, завтрак пришелся вам не по вкусу. А знаете ли – я сделал открытие насчет здешних барышень.

– Вероятно, очень важное и глубокое! – язвительно заметил Дюран.

– И важное, и глубокое, а главное до того верное, что в верности оно не уступить любому открытию Бернета. Представьте себе, они вовсе не кокетки. В этом они очень невыгодно отличаются от наших земных барышень.

– А я нахожу, напротив, это большим преимуществом с их стороны, – возразил Дюран, – по-моему, нашим барышням не мешало бы взять в этом с них пример.

– Ну, я с вами не согласен! – заметил Блэк. – По-моему, если женщина не кокетка – с ней скучно.

– Однако вам не скучно учить мисс Миньонету таким милым фразам, как, например, «сегодня хорошая погода», – ехидно ввернул Дюран.

– Что ж такое? Поговорить с хорошенькой девушкой еще не значит с ней кокетничать. Я и не думал.

– Как это вы удержались, удивляюсь! – прервал его Дюран саркастически. – Вы, кажется, рады кокетничать с первой встречной.

– Извините, вы очень ошибаетесь, – возразил Блэк, задевший за живое. – Я разборчив и в кокетстве, а вот вы так, как я вижу, готовы влюбиться в первую встречную.

– Что ж, я не отпираюсь, – сказал Дюран. – Я способен увлекаться, но, по крайней мере, я человек откровенный и

не стараюсь казаться лучше, чем я есть, чего нельзя сказать о вас. Впрочем, мне не следовало бы порицать вас за это, — прибавил он колко: — от политика ведь трудно ожидать прямодушия.

Это вывело Блэка из себя. Как политику, ему действительно приходилось иногда лавировать в своих суждениях, но от природы он был человек прямодушный и терпеть не мог, когда его обвиняли в противном. Его неправильное, но симпатичное лицо вспыхнуло гневом и обыкновенно веселые добрые глаза сердито сверкнули.

— Послушайте, Дюран, вы, кажется, хотите со мной ссориться! — сказал он, — а я вовсе не намерен затевать ссору из пустяков. Если вам наскучило мое общество, скажите прямо, тогда нам лучше разойтись.

— Я думаю, это будет лучше всего, — отвечал Дюран холодно.

Оба разошлись, очень недовольные друг другом. А между тем они сошлись во время пути дружнее, нежели кто-либо с кем, и пролетели вместе пятьдесят тысяч миль добрыми приятелями. Но не следует забывать, что на Стальном Шаре не было женщин — этой вечной косточки, за которую всегда готовы вцепиться друг в друга лучшие приятели.

Глава XII

ДРАМА НА МАРСЕ

Доктор Профундис решил, что в первый день приезда гостей с Земли не следует устраивать для них никаких экскурсий. Все было для них так ново в мире, куда они только что прибыли, поэтому гостеприимный хозяин их рассудил, что нужно дать им по крайней мере недельку на то, чтобы отдохнуть и освоиться с новой обстановкой. Для некоторых из них такое распоряжение было не особенно приятно, но они не решались ему противоречить, как ни жаждали скорее ознакомиться с чудесами, окружавшими их со всех сторон.

За обедом в этот день председательствовала г-жа Профундис, супруга профессора, пожилая особа, впрочем, еще очень видная. Она воротилась накануне ночью вместе с дочерью с острова на Кейзеровом море, за шесть тысяч миль, где они гостили. Расстояние это можно было пролететь в одну ночь без труда на одном из воздушных кораблей, с помощью которых поддерживалось правильное сообщение между всеми пунктами планеты. И мать, и дочь были в вечернем туалете. Миньонета была в том самом белом воздушном наряде, в котором ее видели гости накануне посредством процесса «отражения», когда она была еще за шесть тысяч миль. Обед несколько оживлялся присутствием дам, а в прочем прошел совершенно так же, как и накануне. Слуг не было, кушанья были легкие, а вина слабые. Но разговор был несколько оживленнее вчерашнего, так как в течение дня хозяева несколько научились по-английски.

Тотчас после обеда профессор пригласил своих гостей в залу, где накануне им явилась Миньонета. Она была блистательно освещена и стулья были расставлены как будто для театрального представления. Вскоре собралось многочис-

ленное общество; явились многие из бывших утром в роще и с ними порядочно новых лиц. Известие о прибытии посетителей с Земли наделало шума на всем Марсе; многие из знакомых профессора, не посещавшие его уже несколько месяцев, поспешили к нему, чтобы увидеть чудных пришельцев и услышать о них все, что было уже известно тем, у кого они нашли такое радушное гостеприимство. Любопытство, ими возбуждаемое, не имело ни малейшего характера назойливости, но оно было очень велико; в особенности Миньонета с трудом успевала отвечать на вопросы подруг.

– О чем они там советуются? – сказал Блэк Мак Грегору, указывая ему на профессора, оживленно разговаривавшего с некоторыми из почетных марсовцев. – Хотел бы я знать, что они затевают.

– Нужно сказать Бернету, чтобы он спросил хозяина, – отвечал Мак Грегор. – Сам я говорить с ним не умею; мы как-то не понимаем друг друга.

Спрошенный Бернет переговорил с хозяином и отвечал двум приятелям, обратившимся к нему с запросом:

– Они спорят – чем занять нас сегодня вечером – и никак не могут прийти к соглашению между собою.

– Отчего они не соберут голоса и не решат вопроса большинством? – спросил Блэк.

Оказалось, что марсовцы не знали этого способа решать спорные вопросы, но когда Бернет объяснил им его через профессора, он им очень понравился. Увы! для населения интеллигентной планеты была новостью истина, в которой так твердо убеждены обитатели земли: именно, что мнение большинства всегда непогрешимо, его суждения всегда мудры, его решение всегда благо. Вопрос был решен посредством поднятия рук. Блэк и Бернет считали голоса.

Большинство оказалось на стороне тех, которые советовали устроить для земных гостей спектакль и показать им весьма древнюю драму, сюжет которой был взят из тех времен, когда на Марсе еще существовали войны. Драма эта была недавно возобновлена именно ради ее исторического интереса. Некоторые предлагали устроить вместо спектак-

ля научную лекцию с диаграммами, но они оказались в меньшинстве. Решение большинства было одобрено всеми членами экспедиции, кроме Бернета, который жалобно возразил, что ему хотелось бы видеть диаграммы, но никто не обратил внимания на его протест.

– Значит, будет спектакль – отлично! Но каковы-то будут актеры, – сказал Гордон, вынимая записную книжку и заранее наслаждаясь мыслью, что он сейчас будет писать первую театральную критику на газете Марс.

– Все равно, каковы бы они ни были, мы во всяком случае увидим интересные и, вероятно, богатые исторические костюмы, – заметил Гревз, приводя в порядок свой карандаш и раскрывая альбом.

– Да, – сказал Блэк, – интересно будет узнать, как одевались марсовцы в те времена, когда, может быть, Земля еще не существовала. Кто знает? пожалуй, и они носили тогда брюки и цилиндры, как носим теперь мы грешные. А каков-то будет характер драмы? Может быть, мы увидим что-нибудь в шекспировском духе. Эх! я и сам бы не прочь был сыграть перед ними какую-нибудь шекспировскую роль, например, Орlando, если бы мисс Миньонета согласилась сыграть Розалинду.

– Вам бы приличнее было взять на себя роль Течстона, – заметил Дюран, сердито нахмутив брови: – к вам гораздо лучше идет амплу отвергнутых вздыхателей, чем счастливых любовников.

Мак Грегор и сэр Джордж ничего не сказали. Спектакль не особенно интересовал их, но они рассчитывали, что посмотреть все-таки не мешает, тем более, что в случае, если будет чересчур скучно, там можно и вздремнуть. Что касается Бернета, то он не обращал внимания на то, что кругом его происходило: мысли его блуждали в необъятных пространствах млечного пути.

Доктор Профундис занял место близ «гостей с Земли», готовый в случае нужды давать им объяснения насчет хода пьесы. Дамы занимали первые ряды; это никого не стесняло, так как ни на одной из них не было не только высокой шляпки, но и вовсе никакой. Но публика уже вся усе-

лась, а наши путники все не могли понять – как устроится представление: перед ними была белая сплошная стена и ничего больше.

– Где же они будут играть? – сказал Блэк с недоумением. – Вероятно, все кончится тем, что нам покажут туманную картину, как вчера показали мисс Миньонету.

– Опять мисс Миньонета! – оставит ли он ее в покое? – проговорил Дюран сквозь зубы, и глаза его сердито сверкнули.

В этот момент раздался гармонический звук колокольчика. Профессор поднял руку, и блистательно освещенная зала внезапно погрузилась в таинственный полумрак. Минуту спустя стена перед зрителями исчезла куда-то без стука, без треска, без шума и место ее заступила залитая ярким светом сцена, обрамленная живой зеленью вместо драпировки с кистями, какая в употреблении на наших сценах. Раздалась громкая музыка, и через несколько минут стихла. На сцену вышла толпа актеров и начала представлять так хорошо, с таким ансамблем, с такими грациозно выразительными жестами, что даже незнакомые с языком марсовцев могли легко следить за ходом действия.

Самая пьеса была в высшей степени интересна для всех вообще, но для европейцев с особой точки зрения. Сюжет ее был, как мы уже сказали, взят из тех почти незапамятных времен, когда на Марсе существовали еще войны, завоевания, тиранства, притеснения, убийства, воровство и плутни. Но какими кроткими были изображены в драме притеснители, как рыцарски великодушны завоеватели, как нежны тираны, как человечны убийцы, как честны воры, как благородны плуты! Словом, интрига пьесы была равносильна тону, как если бы у нас освобождение рабов совершилось посредством распространения брошюр о вреде невольничества или битва при Ватерлоо была выиграна с помощью войска, набранного в девичьих пансионах.

Но марсовцы были в восторге от драмы. Она представляла им живописность борьбы без ее бедствий, романическое избавление от притеснений без гибели притеснителей, славу победы без ужасов поражения. Для людей, жив-

ших во времена изображаемой эпохи, она, конечно, показалась бы жалкою пародиею на действительность, чем-то вроде комической оперы, но для марсовцев, успевших в течение веков забыть, что такое действительное горе и страдание, она казалась восхитительною.

Гордон и Гревз усердно работали – один пером, другой карандашом; для них представление было чем-то вроде поля, усеянного золотыми самородками. Бернет не видал его; мысль его летала за облаками. Мак Грегор и баронет мирно заснули после первого же действия. Блэк уселся возле хорошенькой барышни и ухитрился завести с ней кокетливый разговор посредством жестов. Дюран сидел насупившись; он старался, впрочем, показать профессору, что он очень благодарен за доставляемое ему развлечение, но взгляды его украдкой следили за Миньонетой. Она была окружена подругами, и вся группа миловидных девушек – в которой, заметим мимоходом, не было никого красивее ее – была очень заинтересована представлением. Молоденькие зрительницы то бледнели, то краснели, следя за похождениями героя и героини, которые были равно симпатичны их нежным сердцам, хотя в действительной жизни были бы, конечно, равно неестественны и невозможны. Очень может быть, что, в конце концов, они бы расплакались над их судьбой, но на Марсе сильные ощущения не в ходу.

– Что вы скажете обо всем этом, Гревз? – спросил Гордон, когда по окончании последнего акта опустилась занавесь, т. е., когда сцена со всеми декорациями, актерами, *tutti quanti*, исчезла и заменилась прежней белой стеной.

– Чушь! – отрезал Гревз. И в сущности это была хотя весьма короткая и вовсе не изящная, но самая верная критика, какую можно было написать об этой «исторической» драме.

После короткого антракта, во время которого разносили прохладительные, была дана еще коротенькая пьеска из современной жизни марсовцев – уже совершенно идиллического содержания. Одна из актрис в этой пьесе была удивительно похожа на Миньонету, и это придало представ-

лению в глазах Дюрана интерес, которого без того оно, конечно, не имело бы. Сходство в лице, в манерах, в голосе было до того поразительное, что он наверно принял бы актрису за нее, если бы не видел ее сидящую в нескольких шагах от него. Но и тут он не был уверен, что видит не ее отражение, вызванное одним из непостижимых световых и звуковых приспособлений, которых на Марсе было столько в ходу.

Затем невидимый оркестр сыграл пьесу, несколько певцов и певиц, видимых в тумане, как накануне Миньонета, пропели хор, и представление кончилось. Остальная часть вечера была посвящена разговорам, как бывает у нас на раутах. Танцев не было. Когда у профессора спросили – танцуют ли на Марсе, он отвечал, что их молодые люди и девушки ни за что не согласились бы начать кружиться или шаркать посреди залы; это показалось бы им так же ни с чем не сообразно, как, например, пойти в лес, раздеться там донага, намазаться жиром и начать прыгать и крикаться, что, как известно, проделывают на своих пирах дикари-людоеды вокруг костра, на котором варится на ужин человеческое мясо. Взгляды профессора на общественный увеселения были, как можно видеть из такого ответа, весьма передовые.

Перед тем, как разойтись, марсовцы обступили земных гостей, желая оказать им при прощании как можно более любезности. – Покойной ночи! – слышалось со всех сторон: почти все они выучили это короткое приветствие, чтоб доставить пришельцам из другого мира удовольствие услышать на чуждой им планете хоть несколько слов родного языка. Наконец все разошлись. Мак Грегор, пожелав профессору и его семейству покойной ночи, повел своих товарищей во флигель, приготовленный специально для них.

– Пойдемте в мою комнату! – сказал он им: – нужно покурить перед сном. Я совсем соскучился без табаку: здесь ведь никто не курит.

– А у вас есть табак? – спросил Гревз, весь просияв от этого предложения.

– Есть – и трубки, и сигары.

– Где же Бернет? – осведомился сэр Джордж.

– Он ушел в кабинет к профессору и, вероятно, просидит там всю ночь.

– Разве профессору нездоровится?

– Вот выдумали! разве на Марсе хворают? Они просто хотят потолковать.

– Много они натолкуют: профессор знает всего несколько фраз по-английски.

– В том-то и дело, что нет; разве вы не слышали: он говорит уже довольно бегло, а сегодня Бернет намерен окончательно выучить его.

– В одну ночь?

– Уверяет, что так. А профессор берется в одну неделю выучить английскому языку жену, сына и дочь.

– Понятливая окажется семейка, если это все осуществится на деле! – заметил Блэк, весело взглянув на Дюрана. Тот ответил ему полуулыбкой. Под влиянием душистых сигар Мак Грегора распря их быстро улаживалась, но на беду Блэк неосторожным замечанием испортил все дело.

– А весело будет поболтать с мисс Миньонетой! – воскликнул он со смехом. – Славная девчурка!

Дюран гневно сверкнул глазами, и лицо его стало чернее ночи. Мак Грегор почувствовал, как говорится, в воздухе грозу и со своим обычным тактом поспешил дать разговору другой оборот.

– Славно тут нас устроили! – сказал он, указывая рукою на окружавший их комфорт. – Я чувствую себя как дома. В Аляске у нас не было такого помещения.

– Конечно, нам тут очень удобно, – согласился Блэк, – но скажите, Мак Грегор, что мы будем делать на Марсе? Не будем же мы бродить все время в садах профессора.

– Не могу пока сказать вам ничего, – отвечал Мак Грегор. – Не могу даже сказать наверно – долго ли мы здесь пробудем. Все зависит от Бернета, а он еще не успел осмотреться.

– Что ж, поживем, пока не присмотримся к здешним диковинкам, – заметил Блэк беззаботно. – А диковинок

тут немало: люди летают над деревьями, пролетают в одну ночь шесть тысяч миль. Мисс Миньонета с мамашей...

– Кстати, – перебил его Мак Грегор, – я имею сообщить вам кое-что интересное насчет...

– Насчет мисс Миньонеты? – перебил его Блэк в свою очередь. – Скажите, скажите!

Замечательно, что имя Миньонеты произвело впечатление на всех; даже на лице сэра Джорджа появилось в эту минуту такое выражение, как будто он забыл, что был в этот день недоволен своим обедом.

– Я хотел вам рассказать совсем не о ней, – проговорил Мак Грегор, – а о том, что произошло в нашем присутствии на континенте Секки...

– А ну его, этот континент Секки! – с живостью перебил его Блэк. – Там так скверно, что и вспоминать о нем не хочется. Расскажите лучше что-нибудь о мисс Миньонете.

Дюран бросил на него свирепый взгляд сквозь голубоватый дым своей сигары, которая почему-то вдруг отчаянно задымила у него в зубах.

– А вас очень интересует мисс Миньонета? – спросил Мак Грегор в свою очередь, пристально взглянув на него.

– Да... то есть нет... впрочем, что ж... Расскажите, что вы узнали о континенте Секки.

– Вы, вероятно, помните, – начал Мак Грегор, игнорируя его смущение, – какой раздирающий звук, не то стон, не то вой, слышали мы там.

– Как же, помню... Как не помнить, у нас у всех тогда волосы дыбом стали от ужаса! – сказал Блэк, обведя взглядом присутствовавших, и все – кто взглядом, кто жестом – дали ему знать, что согласны с ним.

– Так вот, – продолжал Мак Грегор, – Бернет узнал причину этого звука. Где-то невдалеке от нас пролетел тогда воздушный корабль, один из тех, что ходят здесь со скоростью тысячи миль в час. Мисс Миньонета воротилась прошлой ночью из гостей на таком корабле.

– Господи помилуй! Что же это за корабли? какого они вида? Расскажите! – слышалось со всех сторон.

– Ничего я тут не понимаю! – отмахнулся рукой Мак Грегор от вопросов. – Спросите Бернета – он расскажет, а я не берусь: вы знаете, подобные штуки не по моей части.

– Ну, хорошо, мы потом спросим у него, – сказал сэр Джордж. – А что он еще успел узнать о здешнем диковинном мире?

– Пока немного, – отвечал Мак Грегор, располагаясь удобнее на своей роскошной кушетке и стряхивая пальцем пепел с сигары, – но все-таки он узнал кое-что. Судя по всему, здесь живет славно. Во-первых, здесь работают все не больше двух часов в день, стало быть особенного переутомления не существует. За последние годы население на планете не только не увеличивается чрезмерно, но даже стало несколько уменьшаться, поэтому эмиграции нет. Вся планета составляет одну нацию, говорящую одним языком, значит, здесь дипломатические внешние затруднения немыслимы. Вся нация управляется кодексом неизменяемых законов, поэтому политиков здесь нет.

При этих словах Мак Грегор лукаво взглянул на Блэка, тот с досадой тряхнул своими густыми черными кудрями.

– Они управляются законами, говорите вы? – спросил он. – А какое у них правительство? Что оно делает?

– Почти ничего, – отвечал Мак Грегор. – О нем в сущности и говорить не стоит, так как ему действительно делать почти нечего.

Блэк заметно упал духом, но для приличия постарался принять на себя равнодушный вид.

– Так-то, любезнейший! – подтрунил над ним сэр Джордж. – Значит, и вашей братии политикам здесь делать нечего. А каков у них денежный рынок, не знаете, Мак Грегор? Надеюсь, у них хорошая финансовая система.

– Ну, не знаю, – отвечал небрежно Мак Грегор. – Вряд ли у них есть какая-нибудь система.

– Как не быть системе! – изумился баронет. – А деньги?

– В том-то и дело, – протянул Мак Грегор, – что у них, кажется, и деньги не в употреблении.

– Может ли быть! – вскричал финансист громовым голосом. – Здесь нет денег? Что же после этого здесь за сторо-

на... ха-ха-ха! Нет денег! Что ж у них есть-то? Говорите, продолжайте, Мак Грегор, интересно послушать.

– Да что продолжать-то, – сказал Мак Грегор. – Больше я и сам пока ничего не знаю.

– Немного же вы узнали, – вмешался Гревз, вытряхивая пепел из своей трубки. – И вы даже и не знаете, долго ли мы здесь пробудем?

– Об этом у нас с Бернетом был разговор только вскользь, – отвечал Мак Грегор. – Если не случится чего-либо особенного, что заставит нас удалиться отсюда в самом непродолжительном времени, то мы можем пробыть на Марсе год, т. е. в сущности слишком два года, так как здешний год равняется двум земным годам с чем-то; кажется, излишек составляет сорок или пятьдесят дней...

– Сорок три дня, – поправил Гордон, заглянув в свою записную книжку.

– Ну вот видите, я почти не ошибся. Если мы пробудем здесь все это время, мы употребим его на то, чтобы изучить планету. По прошествии этого срока мы перепорхнем опять на Землю и расскажем там все, что знаем.

– Мне нравится ваше выражение «перепорхнем», – улыбнулся Гревз.

– В это время, – продолжал Мак Грегор, – все мы в силу неписаной конвенции, которую мы подписали, как сказал бы наш политик Блэк, – обязуемся трудиться по мере сил каждый по своему пути на пользу общую. Дюран будет изучать здешнюю литературу, Гревз – искусство, Блэк – закон, сэр Джордж – торговлю, Гордон будет вести дневник всему, что с нами здесь случится. Бернет воспользуется дивными телескопами, какие здесь имеются, чтобы составить новую карту неба, а я, конечно, объеду всю страну и исследую ее от одного полюса до другого.

– Долгонько же нам придется здесь пробыть! – заметил Гордон.

– И мне этот срок кажется длинноват, – согласился Мак Грегор. – Но нам или нужно будет улететь отсюда скорее, прежде, чем Земля станет относительно Марса в такое положение, в котором наш возврат домой будет немислим,

или пробыть до тех пор, пока это положение минует. Другого исхода нет – не лететь же нам на Землю в то время, когда она будет находиться по ту сторону Солнца. С другой стороны, не покинуть же нам Марс, не выдав ничего, зачем же тогда мы и прилетали сюда?

– Соскучимся мы в этой утопии! – заметил со вздохом сэр Джордж. – Ну, скажите на милость, что делать в стране, где нет денег?

– Я и сам боюсь, что нам будет скучновато, – согласился Мак Грегор, – во-первых, исследовать мне ничего не придется: здесь, по всей вероятности, каждый уголок давно исследован и описан. Ну, что делать! промаячим как-нибудь время.

– Ужасная будет тоска! – проворчал Блэк с недовольным видом. – О том, чтобы сказать политическую речь, и думать нечего, здесь и говорят-то больше минами. Постараюсь перенять у мисс Миньонеты, как она строит свою мордочку, и начну сам строить рожи перед здешним правительством, чтобы показать ему, что оно никуда не годится.

Дюран не сказал ни слова. Провести два года на Марсе не казалось ему скучным: он наметил себе на это время интересный предмет для исследования – Миньонету.

Простившись с товарищами, когда они разошлись по своим комнатам, Мак Грегор разделся не торопясь, улегся и, сладко зевнув на сон грядущий, подумал про себя: «Хорошо бы, воротясь отсюда, слетать на Юпитер! Что-то там поделывается?»

Глава XIII

ГОРОД НАСЛАЖДЕНИЙ

На другое утро Дюран встал рано. Ему все еще было неловко в своем «доисторическом костюме», как он называл свое европейское платье, но он решил-ся на днях же побывать у одного из марсовских портных и заказать себе подходящую одежду. Надеясь увидеть Миньонету, он вышел на балкон, но ее там не было. Вместо нее туда явился Блэк, тоже как будто украдкой. Оба раскланялись друг с другом, словно взаимно сконфуженные встречей, и оба начали придумывать смешные причины, чтобы объяснить свое присутствие на балконе в такой ранний час. Один вспомнил, что он забыл что-то, а другой забыл, что ему следовало вспомнить что-то.

– Я сейчас встретил молодого Профундуса, – сказал Блэк, все еще не оправившись от смущения, но очевидно желая перейти в прежний дружеский тон.

– Он премилый мальчик, – отвечал Дюран, также стараясь говорить как можно приветливее.

– Представьте, он уж говорит по-английски очень порядочно. Он просидел вчера ночь с отцом и с Бернетом и учился с ними.

– Может ли это быть? Значит, Мак Грегор не шутил вчера, когда уверял, что Бернет взялся выучить профессора по-английски в одну ночь.

– И не думал шутить! Не знаю – насколько успел отец, а сын говорить теперь, как говорить у нас иностранцы, проходившие в училищах курс английского языка. Кстати, он сегодня повезет нас на своей воздушной яхте в большой город недалеко отсюда. Мы отправляемся в путь тотчас после завтрака, а пока нас не будет, профессор займется по-английски с мисс Миньонетой, так что к нашему возвра-

щению и она, вероятно, будет знать столько же, сколько знает ее брат.

– Значит, мы сегодня же будем в городе. Это интересно. А я слышал, что нам хотят устроить поездку туда только через неделю.

– Мак Грегор устроил это. Он встал сегодня еще раньше нас с вами и уговорил Бернета попросить профессора, чтобы он отправил нас сегодня. Конечно, интересно будет прокатиться, но вы, может быть, предпочли бы остаться и познакомиться с мисс Миньонетой по-английски? Как вы скажете, Дюран? Я, по крайней мере, предпочел бы.

– Послушайте, Блэк! – вспыхнул Дюран, – что вам за охота говорить мне постоянно об этой девушке? Ради Бога оставьте это, вы этим меня мучаете – скажу вам откровенно.

– Милейший мой, я и говорю вам о ней именно затем, чтобы вас помучить. Как видите, и я откровенен.

– Согласитесь сами, это немножко жестоко с вашей стороны.

– Может быть, но вы того стоите. Вы как будто предъявляете права на нее словно на поземельную... тьфу, что это я! словно на личную собственность. Этих прав я не признаю, потому и намерен их оспаривать.

– Однако, вы порядочный эгоист.

– Настолько же, на сколько и вы.

– Послушайте, Блэк, объяснимся откровенно. Мы с вами не лучше и не хуже других, но скажите по совести – стоим ли мы этой девушки?

– Нет, ни один из нас ее не стоит! – воскликнул Блэк с живостью. – Она скорее ангел, чем женщина: на земле таких не найдешь.

– Так будем же благоразумны и не будем больше думать о ней. Вы правы – она ангел, она слишком чиста для нас обоих.

– Не обещаю вам не думать больше о ней, но обещаю вам не дразнить вас больше ею. Дадим друг другу страшную клятву ради спокойствия милой Миньонеты: я не буду с ней кокетничать, а вы не будете за ней ухаживать. Говоря по совести, это будет всего честнее с нашей стороны.

– Согласен! – воскликнул Дюран и крепко пожал протянутую ему руку Блэка. Таким образом, дружеские отношения, которые нарушила было красота и привлекательность Миньонеты, были восстановлены ее чистотою.

Ни профессор, ни Бернет не вышли к завтраку: они сидели до рассвета и только хотели разойтись, как пришел к ним Мак Грегор со своими просьбами насчет экскурсии и еще задержал их. Они легли, когда совсем уж рассвело и нуждались в отдыхе. Дамы также завтракали у себя в комнате, но молодой Профундис исполнял роль хозяина так хорошо, что ему позавидовал бы любой взрослый хлебосол на земле. Однако завтрак кончился живо: всем хотелось скорее пуститься в путь. После завтрака молодой хозяин, исполняя желание гостей, повел их осматривать свою воздушную яхту. Кузов ее не уступал своими грациозными очертаниями самым красивым призовым судам наших яхт-клубов, но отсутствие мачт с белоснежными парусами отнимало у нее всякую живописность; при устройстве ее, очевидно, имелась в виду одна практичность, а не внешняя красота. Посредине она была широка, затем постепенно суживалась с обоих концов; и нос, и корма ее равно кончались острием. В сущности, у ней не было ни носа, ни кормы, или, вернее, корма могла служить носом, а нос кормою, смотря по надобности. Затем устройство ее было таково, что она могла проходить только известное расстояние взад и вперед по раз намеченной линии, не уклоняясь ни на пядень в сторону. Расстояние, ей доступное, было от дома профессора до центральной станции в городе – ни шагу дальше.

Все было готово в отъезде; недоставало только Бернета. Мак Грегор нетерпеливо ходил взад и вперед, каждые пять минут восклицая:

– Что ж он не идет? Мы потеряем тут весь день, дожидаясь его. Никогда еще он так не опаздывал!

Наконец появился Бернет. Рядом с ним шел профессор, свободно разговаривая с ним по-английски; он заметно был очень доволен вновь приобретенными им познаниями и весело поручил гостей сыну, прося его заботиться о их удоб-

ствах и руководить ими так, чтобы они остались им довольны.

– Попросите его, чтобы он ехал тише, Бернет, – сказал Мак Грегор, когда все заняли места. – Нам бы хотелось видеть окрестности. А может он ускорять и замедлять движение по своему произволу?

– Он может лететь с какою пожелает скоростью – от одной мили до тысячи в час, – отвечал Бернет.

– По-моему, одной мили в час совершенно достаточно, – вмешался Блэк, – тише едешь, дальше будешь!

– И попросите его, чтобы он ехал осторожнее, – заметил благоразумный баронет. – Пожалуй, ему вздумается лететь наперегонки с какой-нибудь другой яхтой, а навстречу попадется третья; произойдет столкновение и пиши пропало.

Молодой Профундис улыбнулся и хотел ответить, но запнулся на первых словах: он еще не освоился с английским языком настолько, чтобы говорить на нем бегло. Бернет взялся отвечать за него.

– Столкновение невозможно, – сказал он. – Каждая воздушная яхта имеет свою путевую линию, к которой никакая другая не имеет права подойти ближе, как на сто ярдов. Громадные воздушные корабли, звук от полета которых так напугал нас на континенте Секки, также имеют свои пути: они никогда не сходятся друг с другом, никогда не перерезывают рейс один другому. Поэтому столкновения на Марсе немыслимы.

– Разве на пути которого-нибудь из здешних судов очутится экспромтом какое-либо тело, подобное нашему стальному шару, – заметил Мак Грегор.

– Да, – согласился Бернет; – я теперь вижу, что это было одною из самых страшных опасностей на нашем пути.

Между тем, яхта тронулась с места и начала медленно, плавно рассекать воздух. Вдруг молодой Профундис встал и послал воздушный поцелуй по направлению к дому.

– Посмотрите, Дюран, вон она стоит! – шепнул Блэк.

Действительно, на белом мраморе балкона ярко выделялся алый с золотом плащ Миньонеты. Все глаза обратились в ту сторону; все сняли шляпы и замахали ими. Под-

ражая их движениям, Миньонета также сняла свою хорошенькую шапочку *gris de perles* и помахала ею, затем, склонившись над перилами в удивительно грациозной позе, следила взглядом за яхтой, пока она не скрылась из вида.

Как скоро дом исчез из глаз наших путников, молодой Профундис ускорил движение яхты до сорока миль в час. При такой скорости можно было отлично наблюдать местность. Области, над которыми они пролетали, могли называться лучшими во всей обитаемой части Марса; они занимали на планете такое же положение, какое занимает, например, Англия в Европе. Большая часть Лагранжского полуострова лежит между градусами южной широты, соответствующими тем градусам северной широты на земле, между которыми лежат Британские острова. Там обитают правительственные власти; их немного, и должность их очень легка. Нельзя сказать, чтобы лагранжское население было более цивилизовано или лучше образовано в научном отношении, нежели население в прочих частях – просвещение и научное образование распространены одинаково на всей планете, но Лагранж занимает на Марсе исключительное положение. Из этой области вышли во время оно воинские полчища, которым разлились по всей стране и покорили обитавшие в разных частях ее варварские племена, самое существование которых было преградой прогрессу. И когда лагранжские воины проложили своей жизнью и кровью путь первым колонистам, неблагодарным, конечно, как всегда и везде, из этой же провинции вышли миссионеры, купцы, механики, словом, все элементы прогресса, довершившие нравственным влиянием дело завоевания, начатое оружием. Здесь завелись первые оружейные заводы; покоренные племена покупали себе на них усовершенствованное оружие и, истребляя им друг друга в своих междоусобных распрях, пролагали тем путь и очищали место для более доступных прогрессу элементов населения. Завязалась торговля, главным образом меновая: за драгоценные камни купцы давали ножи, правда весьма плохого, первобытного устройства, однако довольно удобные для того, чтобы ими можно было перерезать гор-

ло неприятелю; целые полосы плодоносной, но невозделанной земли шли в обмен за несколько мешков шелуховатых овощей. Наконец, в Лагранже завелись первые школы; первые слабые лучи просвещения были, как везде, сначала вреднее для диких племен, нежели власть, в которой держали их посредством страха жрецы их ложных богов, но мало-помалу светлое влияние окрепло и взяло окончательный перевес над мраком. Таким образом, Лагранж явился рассадником марсовского просвещения, и когда оно распространилось повсеместно, за этой областью осталось первенство, во всем признанное, правда, не уставами и грамотами, а добровольным голосом населения, но все-таки признанное. Там сосредоточились резиденции правительственных властей, храмы науки, искусств, художеств, главные торговые, ремесленные и промышленные центры. Но все это сложилось, устроилось и существовало на совершенно особенных началах, о которых на Земле не имеют и понятия. Самый усидчивый труд не занимает на Марсе более трех часов; правительственный труд не изъять из этой нормы, поэтому вознаграждение властям предоставляется в таких размерах, в каких оно немыслимо на Земле. То же можно сказать и о вознаграждении за ремесленный труд. Торговля, безопасная от всяких колебаний в ценах, от неурожая, от крушений кораблей на море и поездов на суше, а главное от иностранной конкуренции – мы уже сказали, что население планеты составляет одну нацию – никак не может идти в параллель с нашей страшной торговой игрой, богатой рискованными шансами, отважными спекуляторами, примерами быстрых обогащений и страшных крахов. Наука, литература и искусство, состоящие больше в созерцательном изучении прошлого, могут показаться нам, с нашей точки зрения, столь же мало нужными, как и правительство, которому почти никогда не приходится править, так как законодательство на планете настолько совершенно, что новых законов издавать не нужно, а старые приходится применять разве раз в какие-нибудь сто лет. Заметим еще, что на Марсе нет ни военных кораблей, ни тяжелых орудий, ни солдат, ни матросов, ни полиции, ни

тюрем, ни судов, ни скверных адвокатов, как нет и хороших, потому что в их искусстве никто не нуждается, ни, наконец, (что звучит особенно дивно для жителей Земли) никаких налогов, ни пошлин, ни поборов, по крайней мере, подневольных: все, что нужно для поддержания общественного строя в тех условиях, в каких он удобен и выгоден для населения, жертвуется добровольно.

Но мы далеко уклонились от рассказа. Все изложенное на последних страницах стало известно Мак Грегору и его спутникам лишь долгое время спустя, а в то время, на котором остановился наш рассказ, они даже не задавались подобными вопросами: все внимание их было поглощено чудной панорамой видневшихся у них под ногами ландшафтов. От самых гор, у подножия одной из которых стояла вилла Профундиса, до золотисто-зеленых берегов озера Маральди, расстилались виды один другого очаровательнее. Гревз почти все время не выпускал из рук карандаша, а Гордон долго писал без остановки, заноса на свои таблички материалы для будущей статьи. Вдруг он сложил книжку и, обращаясь к Бернету, спросил:

– Не странно ли, м-р Бернет, что между тем как здесь, по-видимому, так хорошо знакомы со всеми применениями электричества... ведь и воздушная яхта, на которой мы плывем, движется посредством электричества...

– Она движется посредством силы, в состав которой входит и электричество, – отвечал Бернет.

– Ну вот видите – значит, оно здесь в полном ходу, а между тем нигде не видно ни телеграфных, ни телефонных проволок. Каким же образом была сыграна перед нами драма, которую мы видели вчера вечером? Ведь мы наверно видели, так сказать, только ее отражение, иначе как могла бы сцена со всеми актерами исчезнуть так внезапно? Не можете ли вы узнать, где она была сыграна настоящим образом?

Бернет перекинулся несколькими словами с молодым Профундисом и отвечал:

– Она была сыграна вчера в том самом городе, в который мы плывем.

– Неужели специально для нас?

– Конечно, нет.

– Значит, для всего города?

– Для всей планеты. Возобновление этой драмы составляет эпоху в здешнем театральном искусстве, поэтому она была дана в главном театре Марса. Вторая же пьеса была представлена несколько лет назад на одном любительском спектакле. Молодая девушка, в ней игравшая и поразительно похожая на дочь профессора...

– Мы все готовы были думать, что это она сама, если бы не видели, что она сидит тут же, в зале.

– Это была одна из ее кузин.

– Почему вы говорите «была»? – спросил Дюран.

– Она умерла три года назад. Представление было фонографическое.

Слова эти произвели на всех неприятное впечатление, и сэр Джордж поспешил переменить разговор.

– Может быть, проволоки идут под землей, то бишь, под почвой, сказал он: – ведь это лучшая система. Если здесь еще до нее не додумались, то нужно будет ввести ее непременно. Я составлю компанию на акциях с капиталом, положим, в...

Говоря это, он было вынул из кармана свою чековую книжку, но Бернет несколькими словами сразу охладил овладевавший им финансовый пыл.

– Напрасно будете трудиться, сэр Джордж, – сказал он.

– Проволочная система здесь отжила свой век.

– Как так?

– Здесь считают ее ребяческой выдумкой. Это, впрочем, не должно вас удивлять: ведь и на Земле уж начинают поговаривать, что не худо было бы заменить ее чем-нибудь другим.

Баронет печально спрятал книжку опять в карман.

– Чем же придумали здесь заменить ее? – спросил он.

– На этот счет у меня пока есть еще одни теоретические познания. Завтра мне покажут систему на практике, и я пойму ее, – отвечал Бернет с тою, чуждою всякого само-

хвальства, самую искренностью, которая давно уже перестала возбуждать удивление в его друзьях.

– Объясните нам пока хоть теорию, – сказал Блэк.

– Попытаюсь, насколько могу. Здесь устраиваются дополнительные механизмы, соответствующие только один другому, но можно устроить хоть пятьдесят или, скажем, пять тысяч механизмов, соответствующие одному или, вернее, один, соответствующий пяти тысячам. Сообщение, зрительное или звуковое, бросается в воздух, в море, в землю; в данном пункте, будь это хоть в миле, хоть в миллионе миль, расстояния, его подхватывает соответствующая машина, которая может – да будет мне дозволено так выразиться – видеть или слышать только то, что передаст ей та машина, которой, так сказать, поручено сделать сообщение: таким образом, на вчерашнем представлении присутствовало одновременно множество лиц, отстоящих друг от друга на несколько тысяч миль.

– Удивительно! – воскликнули все.

– Ничуть! – горячо возразил Бернет. – Что тут удивительного, если несколько машин на маленьком Марсе действуют согласно одна с другою посредством электрической или воздушной силы, способной подчинять себе все вещественные предметы и даже невещественное пространство. Подумайте: та же сила способна передавать солнечный луч на расстоянии сотен миллионов миль со скоростью двухсот тысяч миль в секунду и передавать на таком же расстоянии, через спектроскоп, краски с точно тою же живостью, с какою они были восприняты. Вот что удивительно! а марсовские телеграфы не более как детские игрушки.

– Ну, для меня, признаюсь, и эти игрушки довольно удивительны! – заметил Блэк.

В это время яхта уже приближалась к окраине города. Он был раскинут на огромном расстоянии, но странно – в нем вовсе не было предместий: многолюдные кварталы его начинались прямо там, где кончалась сельская местность; это можно было объяснить тем, что никому не удобно было селиться на окраинах. В сущности, весь город имел характер огромной мастерской, но эта мастерская была в выс-

шей степени привлекательна. Время и расстояние решительно не имели значения на Марсе. Молодой Профундис направил свою яхту на центральную станцию. Там воздух буквально кишел воздушными судами всякого рода. Красивые маленькие яхты, удобные поместительные кораблики, громадные корабли приплывали и отплывали целыми стаями, словно тучи саранчи, и все это двигалось в стройном порядке без всякого шума, без стука пароводных лопат, без визга винтов, без хлопанья парусов.

Быйдя из яхты, наши путешественники отправились осматривать город под руководством молодого марсовца, но смотрели, не понимая, как маленькие дети или как люди, всю жизнь свою ходившие во тьме. Город наслаждений – таков был смысл названия столицы – был выше их понятий. Они не могли постигнуть его настоящего значения, а могли только смутно дивиться его красоте и величию. Это величие даже отчасти давило их; многие особенности города казались им странными. Например, в городе не было улиц, а были только широкие бульвары, окаймленные цветущими кустами; магазины были ни что иное, как обширные кладовые. Во всем городе не было ни одного окна. Нигде не видать и не слышать было ни рельсовых поездов надземных или подземных, ни конок, ни извозчиков, ни толкотни, ни – что всего лучше – брани и драки. Зато везде видны были прекрасные сады, окружавшие дома, похожие на виллы, обширные скверы, напоминавшие тенистые рощи. Серьезные мужчины и красивые женщины ходили и летали взад и вперед не спеша, распоряжаясь и наблюдая над работою в мастерских, в театрах, в читальнях, в картинных галереях и в других общественных учреждениях. Нужны были только распоряжение и надзор: весь тяжелый труд, все скучные кропотливые работы исполнялись покоренным гигантом, малютку-родственника которого мы называем на земле электричеством. Этот благодетельный гигант работал без дымных фабрик, без грязных стучащих машин, без свиста паровозов и пароходов, без всех терзаний, неизбежных при нашей несовершенной земной цивилизации с ее подпольной нуждой, грязью и пороками.

Он работал весело, и труды его украшали страну. Деятельность его, благоразумно направленная обитателями планеты, довершала блага, расточаемые ее чудной природой. Послушный гигант вырабатывал чудные материи и доставлял их потребителям через воздушные трубы на короткие расстояния или посредством воздушных кораблей в дальние. Он создавал такую погоду, какая нравилась населению, отапливал дома, варил пищу и подавал ее невидимо, не ворча и не толкаясь, подобно нашим лакеям в белых перчатках на прыщавых руках. Он тихо шептал нежные речи на ухо разлученным любовникам и пел в общественных скверах голосом звучным и громким, как сотня инструментов. Он представлял как волшебством панорамы далеких стран, образы отсутствующих друзей и по желанию рассеивал их, как дым. Он соединял теснее живых и возвращал живым оплакиваемых имя умерших. Он был везде и делал все – безмолвный, но памятный свидетель тому, что дни порабощения человека труду миновали для Марса и что на этой счастливой планете человек поработил себе труд.

Но не скоро стали понятны эти истины омраченному уму жителей земли: для их недоумевающих душ чудеса города наслаждений долго были закрытою книгою.

Глава XIV

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

Прошло два месяца мирной идиллической жизни для наших путников. Они скоро перестали дивиться всей окружающей их чудной обстановке. В первые дни и недели их пребывания на Марсе им пришлось видеть столько диковинок, что умы у них как будто отупели, и они равнодушно смотрели на многое, скажем более — почти не замечали многого того, что в первое время поразило бы их несказанно.

Большим счастьем для них было то, что они сразу попали под руководство и покровительство человека такого сведущего в науках, в искусствах и в литературе, каким был доктор Профундис, иначе они не узнали и не поняли бы многого, что теперь было для них совершенно ясно. Итак, они вели мирную жизнь, окруженные всеми чудными изобретениями материальной науки, но все-таки эта жизнь не удовлетворяла их. Беспокойные создания неразвитой земли еще не достигли того полного развития мозга и нервной системы, которая воспринимает только то, что вполне совершенно и вполне истинно. Они еще всецело принадлежали периоду борьбы и не созрели еще для периода полного наслаждения, таящего в себе зачаток распада.

Сначала они ревностно изучали совершенно новую обстановку, в которую попали, но мало-помалу это рвение начало охладевать. Бернет с утра до ночи корпел над астрономическими сочинениями, изучал их не как ученый, а как прилежный школьник, но часто отворачивался от них с отчаянием: его изобретательный дух скорбел о том, что на Марсе уже нечего изобретать. Мак Грегор без усталости ходил по отлогим горным скатам и предпринимал далекие путешествия в воздушных кораблях, напрасно стараясь от-

крыть на Марсе какую-нибудь новую область. С каждой из своих экскурсий он возвращался все более и более разочарованный: на Марсе нечего было ни открывать, ни исследовать. Дюран и Гревз проводили целые дни безвыходно в бесконечных художественных галереях и публичных библиотеках и совершенно падали духом перед созданиями искусства, поражавшими их своею безукоризненностью. Ни в литературе, ни в искусствах на Марсе нечего было совершенствовать. Сэр Джордж Стерлинг и Блэк часто пропадали без дела. Обширные финансовые проекты баронета, стоившие ему немало бессонных ночей, положительно не находили применения: безрассудные марсовцы даже не верили в необходимость наличных денег, и биржи на Марсе давно уже не существовало. Что же касается до рьяных речей Блэка, со всеми их риторическими богатствами, пылкими обличениями и язвительными сарказмами, то они могли назваться мертворожденными созданиями: произнести их не было случая – на счастливом Марсе уже несколько столетий как не было политики.

Зато Гордону было дела по уши. Он писал с утра до ночи, описывая подробно каждый пролетавший воздушный корабль, каждый красивый неизвестный на земле цветок, каждое любопытное животное, каждую сладкогласную птичку, каждую красивую девушку. Мягкий свет солнца, всегда теплый и никогда знойный, нежные сумерки, сверкающие звезды, в особенности две крошечные марсовские луны, Деймос и Фобос, которые бегали и прыгали каждую ночь по темно-лазоревым небесам, появляясь то на востоке, то на западе, то пропадая, то опять высвечивая, – все служило для него предметом анализа, все давало богатую пищу его перу.

По вечерам, после того как профессор и его семейство уходили к себе на покой, а уходили они почти всегда рано, Мак Грегор обыкновенно собирал товарищей к себе в комнату – покурить и поболтать. Там они на свободе обсуждали жизнь на Марсе и ее обитателей, и суждения их были не всегда благоприятны. Большая часть из них находила, что на Марсе «тоска».

– Заметили вы, – сказал однажды Блэк, – что с тех нор, как мы приехали не было еще ни одного дождливого дня? Климат здесь прелестный, но я удивляюсь, как они не чувствуют недостатка в дожде!

– Дождь уж шел не раз с тех пор, как мы приехали, – отвечал Гревз.

– Я не видал ни капли.

– Понятно: дождь идет здесь всегда ночью.

Блэк поднял на него глаза с удивлением.

– Вы не шутите, Гревз?

– Нисколько.

– Почему вы знаете, что дождь идет здесь только по ночам?

– Мисс Миньонета мне сказала; я встретил ее сегодня утром одетую очень франтовски: она была не в своей обыкновенной серой тунике, а в белой, обшитой фиолетовым, и в коротком алом плаще. Я спросил ее – неужели она никогда не боится, что дождь испортит ей платье. Она засмеялась и сказала, что здесь никогда не бывает дождя иначе, как по ночам.

– Чувствую! Она, верно, подшутила над вами, она ведь прехитрая барышня.

– Она сказала сущую правду, – вмешался Бернет. – Посредством могущественной машины, производящей в воздухе электрическую пертурбацию, вся лишняя влага в атмосфере стягивается по ночам вниз в виде дождевых капель. Этим и объясняются густые облака, которые наши собственные астрономы замечали очень часто около Марса утром и вечером.

– Надеюсь, м-р Бернет, вы возьмете с собой одну из таких машин, когда мы воротимся на землю. Там во многих местах очень нуждаются в подобном механизме.

– Нам нет надобности брать с собою такие машины, – отвечал Бернет со своим обычным спокойным тоном. – Можно будет устроить их на земле: конструкция их очень проста.

– Ну, конечно, для вас ведь все просто, – проворчал Блэк.

– Слушайте, Блэк, – сказал Мак Грегор начальническим тоном, – вы ведь, кажется, основательно исследовали исполнительную власть на Марсе: сообщите-ка ваши наблюдения в этом отношении.

– Ничего я в здешних порядках не понимаю! – отвечал Блэк сердито.

– Перестаньте скромничать, Блэк, – шепнул ему сэр Джордж. – И так уж Бернет один стоит здесь на виду; нужно показать, что и мы не пешки. Прoberите-ка здешнее правительство; это вам напомнит, как вы ратовали дома, в Англии.

– Как тут проберешь правительство, когда и правительства-то нет, – хмуро отвечал Блэк.

– Как нет?

– Ну, все равно, нет собственно правительственной партии.

– Так проберите ту партию, которая стоит всех усерднее за правительство.

– Не могу придаться ни к чему! Что поделаешь с такой преснатиной, как марсовское общество! У них даже скачек нет, между тем они находят жизнь возможной и не только возможной, но и приятной. Собаки здесь есть отличные, а псовой охоты нет, и с собаками они обходятся с такой пощадой, какой на Земле не всегда и люди дождутся, хотя здесь болонки и моськи не властвуют над людьми, как бывает иногда у нас. Погоду марсовцы сами себе устраивают, значит, говорить о ней в обществе уже не приходится, а темы для разговоров все-таки находятся; женщинам дарованы одинаковые права с мужчинами, и они нисколько не хуже от этого. Высшие сословия держат себя безукоризненно и, по-видимому, вполне довольны своим положением; низшие сословия сыты, обуты, одеты прилично, и им как будто это нравится. Бедных сословий здесь нет; здесь не верят в благотворное влияние бедности, в возвышающий элемент нужды, в очищающее действие непосильного труда и жизненных лишений – словом, во все те принципы, в непреложности которых у нас на Земле так глубоко убеждены богатые.

– Прекрасно, Блэк, я горжусь вами! – воскликнул Мак Грегор громким голосом, не боясь разбудить спавших хозяев, чего, впрочем, не могло случиться, так как стены комнат были толстые, а двери запирались плотно. – Продолжайте, продолжайте!

– Да, продолжайте, Блэк, – заметил Гордон. – Вы сегодня точь-в-точь такой, каким я помню вас – Аляске.

– Благодарю вас, – сказал Блэк, очевидно польщенный, хотя стараясь принять на себя равнодушный вид. – Но я не могу продолжать, потому что не понимаю здешней системы – ее происхождения и целости, как сказал бы м-р Бернет.

– В чем же вы затрудняетесь, м-р Блэк? – с участием спросил ученый.

– Меня, повторяю, затрудняет вся система, – ответил Блэк самоуверенным тоном, какой редко решался принимать, говоря с Бернетом. – Судите сами, – продолжал он горячо: – разве мы, обитатели Земли, можем понять, что здесь творится? Те, которые имеют много, не стараются присвоить себе еще больше, у тех, которые имеют мало, не отнимается последнее, как у нас. А между тем они не стремятся сделать, чтобы почва или что бы то ни было собственностью на ней подчинялось государственному контролю. Напротив, здесь каждый индивидуум имеет вес.

– Отлично, Блэк! – воскликнул Мак Грегор, хлопнув политика по плечу. – Наконец-то мы доняли Бернета!

Но ученый, по-видимому, далеко не считал себя «донятым».

– Скажите, м-р Блэк, – спросил он, – признаете вы действие марсовской системы удовлетворительным?

– В результатах? конечно, – отвечал Блэк. – Но я не знаю – правильно ли будет сказать «действие системы», когда все здесь делается как попало, наобум.

– Вот в этом-то вы и ошибаетесь. Напротив, здесь ничего не делается наобум.

– Вы так думаете?

– Уверен.

– Докажите! – воскликнул Блэк, окончательно вошедший в азарт.

– Извольте, – отвечал Бернет спокойно. – Безусловное совершенство марсовской системы состоит именно в том, что она создана не теоретиками и не законодателями.

– А кем же?

– Прогрессом.

– Ну, Бернет, не говорите загадками, – вмешался Мак Грегор. – Не то вы опять собьете Блэка с толку. Что вы хотите этим сказать?

– А вот что. Вы можете обезглавить тирана, перевешать шайку разбойников, перестрелять десять тысяч диких с целью разрушить преграду к племенному развитию. Но эти меры – может быть и целесообразные – могут быть полезны только как ведущие к истреблению элементов, враждебных прогрессу; самого прогресса они не создадут никогда. Не бывало еще примера, чтобы город, даже уже находящийся на пути к свободе и к цивилизации, сделал хоть шаг вперед в этом направлении в силу того, что на его стенах было выставлено несколько лишних отрубленных голов. Подобные отвратительные трофеи составляют только инцидент на пути к развитию, а никак не ускоряют его.

– К чему же вы все это клоните? – спросил Блэк, еще не понимая сущности аргументов противника, но уже инстинктивно чувствуя, что почва ускользает у него под ногами.

– Я отношу это к выводам земных теоретиков и к их высокоумным самообольщениям, которые к великому вашему горю на Марсе неизвестны.

– Я не вижу, каким образом слова ваши могли бы относиться к ним, – заметил Блэк резко.

Прочие слушали разговор с большим интересом: редкий из них решался спорить таким образом с Бернетом.

– Постараюсь высказать мысль мою яснее, – продолжал ученый. – Ваши теоретики...

– Почему вы называете их моими?

– Ну, словом, наши популярные теоретики, – поправился Бернет, – мечтают создать образцовое общество из людей, большинство которых далеко не может назваться об-

разцовыми, и именно их-то несовершенство и служит базисом для этих теорий. Они предлагают разрушить систему, созданную специально с целью обуздывать вредные влияния, и создать на место ее другую, в силу которой эти влияния будут иметь полную свободу. Но они забывают, что административная власть, на которую они возлагают также ответственность, зависит даже по смыслу собственной их теории от желаний массы индивидуумов. Этих же индивидуумов они мечтают обуздать, преобразовать, упорядочить и просветить с помощью властей, избранных самими же индивидуумами. Другими словами, они мечтают построить великолепный замок и с сообразительностью, вполне соответствующею безрассудству их теорий, начинают с того, что кладут верхний камень самой высокой башни здания. Подобный план никогда не может иметь успеха...

– Да, нечего сказать, весьма практическая архитектура! – вмешался Гревз.

– Я не думал делать такого сравнения, – сказал Бернет, улыбаясь, – но как иллюстрация оно довольно удачно.

– В таком случае вы, может быть, сообразовали бы объяснить, – возразил Блэк сердито: – почему марсовская система, основанная, я утверждаю, вся на случайностях, действует так хорошо.

– Я уже сказал, что она не причина, а именно следствие прогресса, того несомненного прогресса, которого не могут не замечать ни умные люди, ни глупцы, хотя никто не в состоянии объяснить – каким именно образом он совершился. С помощью его люди познают, что мудро, что справедливо, что может дать счастье и издают благотворные законы с целью упрочить за собою блага, приобретенные ими с помощью этого познания. Но они не повелевают указом людям быть мудрыми и счастливыми. Марсовцы начали с того, что занялись просвещением их индивидуумов, они усовершенствовали самих себя, а просвещенная власть организовалась уже сама собою. Они начали строить свое здание не с верхушки, а с фундамента. Их система социальной экономии не создавалась в одну ночь, не возникла из хаоса, оттого, что какой-нибудь экспериментист-теоре-

тик сказал: «я так хочу», а вырабатывалась медленно, по мере усвоения ими прочных истин.

– Обобщать-то легко, – возразил Блэк: – укажите факты, м-р Бернет.

– Это еще легче, и вы бы сами их нашли, если бы вникли в мои доводы, но я приведу пример. У марсовцев нет монетной системы, но есть меновая, несколько напоминающая нашу кредитную систему.

– Их систему и сравнить-то нельзя с нашей, – презрительно заметил сэр Джордж.

– За каждый материальный продукт, за каждый научный и ремесленный труд платится именно столько, сколько он стоит, но марсовцы не работают более, чем нужно...

– Да, конечно, они не мучают себя лишней работой.

– Зато они и не стараются заработать более, нежели сколько нужно для их пропитания, и потому здесь никто, даже из числа менее одаренных, не терпит нужды. Здесь нет безумного житейского водоворота, в котором сильные топят слабых. Есть почетные степени, приобрести которые старается всякий, но старается честно, не подставляя, как говорится, ножки другому. Когда же эти степени достигнуты, они ценятся лишь настолько, насколько они дают право и возможность облегчать участь других. Сильные здесь не стоят на дороге слабым, не давят их, а поддерживают. Но эта поддержка составляет не право слабых, а привилегию сильных.

– Почему же мы не можем делать того же и быть счастливыми, если это так просто?

– Мы не можем вообще потому, что это идет вразрез с нашим общественным строем, в особенности же потому, что на Земле еще не прекратилась, как на Марсе, борьба за существование.

– Блэк, Блэк, возражайте же! что замолчали! – воскликнул Мак Грегор. – Вы начали спор так славно...

– А кончить не умею, – сказал Блэк печально.

Бернет встал, прошелся несколько раз по комнате и пошел к двери, но, не дойдя до нее нескольких шагов, остановился, обернулся опять к своим слушателям и сказал:

– Те же фундаментальные истины лежат в основании всякого развития на Марсе. Правительство состоит из мудрейших людей; они повелевают, а менее мудрые повинуются, но повинуются охотно, так что и повелевать-то ими мало приходится. Нравственность их безукоризненна. Ад человеческих страстей здесь обуздан и смирен. Каждый фактор в органической или неорганической жизни имеет свое назначение и выполняет его всецело. Неудивительно поэтому, что их социальная экономия одинаково разнится и от наших реальных жизненных условий, и от теорий утопистов; она не безжалостное торжество сильнейших духом или телом над слабейшими, не сатурналии богатых над бедными, но с другой стороны и не рай ленивцев, не седьмое небо для подонков социализма.

– Значит, идея искоренения административную властью всех зол, удручающих человечество, неприменима?

– Разумеется.

– А пытались ли применить ее на Марсе?

– Конечно. В давнопрошедшие века, когда люди на Марсе стремились слепо, но благородно к познанию истин, безумно увлекаемые непреодолимою силою прогресса, и в отчаянии молили, чтобы к ним явился избавитель и спас их от социальной смерти, у них родился изверг, некто вроде нашего Франкенштейна, повластвовал над ними короткое время и исчез. Он, конечно, не мог быть для них истинным избавителем; он был только созданием искренних, но близоруких поборников правды, созданием, не умевшим выполнить обязанности, на него возложенные. Его правление можно было уподобить великану с золотою головою и с глиняными ногами; тем не менее, оно составляет любопытную эпоху в истории Марса. Я уже составил проект трактата о ней; думаю разработать его и издать, когда вернусь на землю. Покойной ночи, господа, я пойду к себе.

С этими словами он поклонился и вышел.

– А вы куда, Блэк? – спросил Мак Грегор у политика, который направился вслед за ним.

– Я... я тоже пойду к себе; мне нездоровится, – отвечал Блэк и также вышел.

– Знали ли вы когда-нибудь человека, подобного Бернети, Мак Грегор? – воскликнул сэр Джордж. – Вот так головушка! Как метко, как точно он определил марсовскую систему, словно она вся у него на ладони. Бедный Блэк совсем стушевался перед ним.

– Ну, уж хороша система, – сказал Мак Грегор; – мне и думать-то о ней не хочется.

Никто не возразил; все, кажется, разделяли его убеждение.

Но если действительно под марсовским солнцем и под марсовскими двумя лунами нельзя было ожидать ничего нового; если материальные и философские науки были усовершенствованы там уже много веков назад до того, что каждая сила природы была там обращена на службу человеку; если знание возросло там до того, что своим собственным чрезмерным развитием сорвало завесу с каждой тайны в беспредельной области неисследованных истин; если литература и искусство улучшились до того, что всякое дальнейшее улучшение сделалось уже невозможным; если социальная экономия достигла такого идиллического совершенства, что не оставляла желать ничего более; если вследствие всего этого жизнь на Марсе текла невозмутимо спокойно день за днем, то все-таки беспокойные обитатели могли бы найти в этой безмятежной жизни, умей они только как следует присмотреться к ней, многое, способное вознаградить их за некоторое однообразие такого безусловного совершенства. Во первых, на Марсе почти не было данных к горю и страданию, а причин к безвременной смерти не было вовсе. Зловещему чудовищу болезни был навсегда прегражден доступ туда стараниями вполне развитой физиологической науки; люди покидали жизнь, как падают с ветки зрелые плоды, не терзаясь в последние минуты, что оставляют без призора близких сердцу в такое время, когда они еще нужны им, и не испытывая страданий, неизбежных для тех, чья душа покидает тело прежде, чем природа произнесла свой приговор. Гнусный демон беспощадной войны был усмирён грозным мечом интеллектуальной силы, и ужасное зрелище кровопролитных

битв и героев, увенчанных лаврами, купленными ценою человеческих жизней, сделалось достоянием далекого прошлого, почти легендой. Низкий дух истощающего, бесплодного труда, с подчиненными ему духами голода, унижения и моральной смерти, были закованы в цепи могучею рукою нравственной ответственности «всех за каждого и каждого за всех», и на Марсе уже не было человеческих существ, которым приходилось бы завидовать участи бессловесных животных. Образование проникло в мрачные притоны бедности и избавило даже наиболее смиренных от уподобляющего бессловесным скотам невежества, научая их самоуважению и обуздывая их низкие склонности влиянием просвещения. Сознание долга сломило ледяные преграды, которыми окружал себя богач, и приучило роскошествующих эпикурейцев покидать свои пышные дворцы, чтобы спешить на помощь нуждающейся братии. Время и расстояние были побеждены научными открытиями, и на Марсе уже не было женщин и детей, которые, стоя на берегу моря, вглядывались бы с отчаянием в покрытое тучами небо и прислушивались бы с замиранием сердца к грозному гулу бушующих волн с мыслию, что, может быть, в эту самую минуту волны эти топят судно, на котором спешил к ним обратно их муж и отец. На счастливой планете довольно было дня, чтобы перелететь от одного полюса до другого, довольно секунды, чтобы отвести душу, увидав черты и услышав голос дорогого человека, хотя бы этот человек находился на расстоянии многих тысяч миль.

Все, что было дорого людям, родившимся в тот век, когда торжество и первенство служат единственной наградой, давно уже не существовало. Мы говорим, конечно, о том первенстве, которое в первое время только возникающей социальной жизни служит единственной оградой, единственной гарантией за существование, о торжестве государственного деятеля, воина, капиталиста, о первенстве в коллегии, на сцене, в мастерской, в светском кругу, о торжестве великого над малым, сильнейшего над слабейшим, о борьбе, в которой отважный буян выигрывает дело, а сла-

босильный смиряк прижимается к стене, будь этот смиряк нация, человек или метеор, менее объемистый, нежели тот, который должен рано или поздно поглотить его. Все бешеное упоение безжалостной победы, все дикие вопли поражения, словом, все дорогое сердцу человека-борца давно уже затихло и замолкло на Марсе. Миллионы лет прошли с тех пор, как он, подобно прочим роковым пришельцам из неизведанной и мировой бездны, вылетел с громом и молнией из среды обломков, разбросанных на расстоянии многих тысяч миллионов миль безмолвного, туманного пространства. Рожденный посреди борьбы десяти тысяч завывающих ураганов, это дитя материи было брошено с быстротою вихря на предназначенный ему путь; и бесчисленные зоны видели, как оно переживало все свои стадии, начиная с пылающей молодости до чинной зрелости, давшей ему возможность плавно совершать из века в век свой путь, не страшась толпы небесных тел, которые рыщут в пространстве, простирая руки и пожирая неосторожных путников с ненасытною алчностью своего вечного голода.

Подобно самой планете пережило бесчисленные стадии и ее население, наслаждающееся теперь такую мирного жизни на ее зеленых горах и в ее цветущих долинах. Оно пережило пору варварского, безжалостного детства, горький период борющегося и голодающего отрочества, алчущей и жаждущей юности и наконец достигло эпохи кратковременного счастья и наслаждения плодами непрерывного векового усовершенствования. Вслед за дикими порывами горя и бурными радостями пробуждающегося хотенья наступили испытания мужественной борьбы, а за нею настало время созерцательного счастья в сознании достигнутой цели. Нестройные и разрушающие влияния перестали терзать обитателей Марса, а все труждавшиеся и обремененные между ними да

Глава XV

ВЫБОР ПРОФЕССОРА

Миньонета быстро успевала в изучении языка пришельцев. Конечно, она не схватила его сразу, налету, как это сделал профессор, но этого трудно было и ожидать. Все-таки она живо усвоила его себе настолько, что могла вести обыкновенную беседу; но ей захотелось большего: ей вздумалось перевоспитать себя на английский лад. В помощники себе к достижению этой цели она выбрала Блэка и Дюрана, и они с радостью предложили ей свои услуги. Поэтому оба часто были с нею вместе, и оба добросовестно старались выполнить заключенное между собою условие. Блэк строго держивался от малейшей попытки пококетничать, и Дюран тоже не позволял себе ухаживать – до времени.

Вначале, пока ей приходилось преодолевать первые трудности языка, произношение и тому подобное, она охотнее занималась с Блэком: он нравился ей своею терпеливостью и постоянно ровным, веселым расположением. Но когда она сделала успехи настолько, что уже могла понимать красоты английской литературы, Дюран, чувствуя себя на своей почве, быстро пошел в гору в ее мнении. Блэк, видя себя отодвинутым на задний план, с горя занялся с ее хорошенькой подругой, Дэзи, которая хотя далеко не была так даровита, как Миньонета, но все-таки выучилась произносить очень мило некоторые фразы, по большей части сентиментального содержания. Другая подруга дочери профессора, тоже видная, красивая девушка, большая любительница художеств, начала изучать под руководством Гревза рисование на таких началах, как оно преподается на Земле. Отцы и матери девушек, по-видимому, не обращали внимания на эти занятия: им, очевидно, и в голову не приходило, чтобы из этого могло выйти что-нибудь дурное.

Как не сказать после этого, что марсовцы – странный народ!

Наконец, дошло до того, что девушки захотели поближе познакомиться с земной литературой и с земным искусством и попросили Дюрана дать им книг для чтения, а Гревза показать им свой портфель с рисунками. Тогда доктор Профундис вмешался в дело. Он был человек серьезный, всегда любезный и вежливый, но обладавший такою твердостью характера, которая невольно внушала уважение. Девушки высказали свою просьбу, причем и он заметил, как Дюран и Гревз переглянулись с недоумением. Выждав удобную минуту, он отвел их обоих в сторону и, извинившись перед ними, что намерен обратиться к ним с просьбой, которая, может быть, покажется им неприятною, сказал вежливо:

– Господа, я слышал, о чем просили вас дочь моя и ее подруги. Как ни неприятно мне, но я должен вмешаться в это дело. Я прочитал многие из книг, который вы имели любезность одолжить мне, м-р Дюран. Я сделал это ради того, чтобы глубже проникнуть в сущность вашего языка, но, признаюсь вам, это чтение не доставило мне ни малейшего удовольствия; то же могу сказать я и о ваших рисунках, м-р Гревз, которые внимательно пересмотрел я с целью получить верное понятие о том, как стоят искусства на Земле. Я буду очень рад, если и наши девицы обстоятельно познакомятся с вашей литературой и с вашими искусстваами, и буду очень благодарен, если вы им в том можете...

– С величайшим удовольствием! – воскликнули разом Дюран и Гревз.

– Благодарю вас, но...

Профессор приостановился. При всей его твердости ему трудно было высказаться: его мучило опасение оскорбить своих гостей. Но глаза его встретились с глазами его жены, в которых он ясно прочел выражение спокойной, но строгой, непоколебимой решимости. Этот взгляд придавал ему бодрости, и он продолжал с усилием, но довольно твердым голосом:

– Но... я попрошу вас показать мне прежде все, что вы дадите им.

– О, конечно, сэр! – поспешно ответил Гревз.

– Можете быть уверены, что мы не дадим им ничего без вашего позволения, – сказал вспыльчивый Дюран, с трудом сдерживаясь настолько, чтобы говорить спокойно.

Профессор заметил его волнение и, конечно, угадал причину. Достойному старику было неловко, но нравственный долг ставится на Марсе выше всего, даже выше учтивости, и он продолжал, стараясь говорить как можно мягче:

– Боюсь, что вы найдете мою просьбу странною, господа. Действительно, на Марсе подобный контроль вовсе не в ходу, но в нашей литературе он и не нужен. К сожалению, такую свободу чтения нельзя, по моему мнению, допустить в вашей земной литературе. В ее высших и наиболее реалистических областях, – мне странно, что вы употребляете в этом отношении слово «высший», по-моему, следовало бы сказать совершенно наоборот, – она слишком... сильна для молодого, особенно женского, ума. В ней как бы обоготворяются самые элементарные функции органической жизни; это слишком большая уступка чувственности и, по-моему, просто не умно. Преобладающее в ней стремление передавать как можно рельефнее темные стороны жизни наводит не только отвращение, но и глубокую грусть. Ваши писатели реалистического характера (при этих словах Дюран окончательно нахмурился: его произведения все носили, более или менее, отпечаток реализма), кажется, воображают, что достигли высокого умственного торжества, если им удалось подметить и описать какой-нибудь порок или какую-нибудь слабость, до сих пор не подмеченную и неописанную, что же касается до вашего художества, то... но об этом я поговорю с вами после, теперь боюсь вам наскучить.

Никто не отвечал ему. Наступила неловкая пауза. Дюран перебирал в уме заглавия книг, захваченных им с собою с Земли.

– Право, не знаю, что бы я мог предложить вашим девицам, – сказал он наконец. – У меня есть рассуждение Рескина «О женщинах»...

Профессор снисходительно улыбнулся.

– Благодарю вас, – сказал он; – я – видел у вас эту книгу и бегло ознакомился с ее содержанием. Понимаю – почему вы упомянули о ней первой. Автор, очевидно, человек чистой нравственности, но – извините, м-р Дюран – наши девушки слишком умны для того, чтобы эта книга могла им понравиться.

– В таком случае, – сказал Дюран, смешавшись, – укажите мне сами, что бы я мог предложить им. Вы знакомы с содержанием моей библиотеки – выбирайте.

Профессор принялся выбирать и оказался весьма строгим критиком. Между прочим он нашел, что у Вальтер-Скотта слишком много описаний кровопролития, у Теннисона чересчур много сладости, а у Теккерея горечи; Элиота он назвал скучным, Гюго вредным и подчас бессмысленным, Дюма пустомелей, Толстого – грубым, а Золя положительно грязным.

– Кроме того, – сказал он наконец, – я должен еще заметить, что недостаточно устранять при выборе чтения для молодых умов все, способное принести им вред: нужно еще, чтобы книга, им предлагаемая, принесла им пользу, которая вознаградила бы их за трату времени, необходимого на то, чтобы ее прочесть. У меня теперь в руках, – это было любимое выражение Бернета, и профессор явно перенял его, – экземпляр труда, без сомнения представляющего глубокий интерес в археологическом отношении. Я нашел его между вашими книгами, м-р Гревз. Для девиц эта книга покажется скучною, но по своей глубокой древности она составляет большую литературную редкость. Вот она; вероятно, ее нашли где-нибудь в ваших египетских пирамидах?

– Нет, – сказал Гревз, бегло взглянув на книгу: – это сборник Мак-Милана; он вышел в свет незадолго до того, как мы пустились сюда.

– Неужели! – воскликнул профессор, в замешательстве поправляя очки; – извините, я не хотел сказать вам ничего неприятного. Не понимаю даже, как я мог так глупо ошибиться... Ну, что же вы дадите нашим девочкам?

Дюран пустил в ход свою последнюю карту.

– У меня есть, – сказал он, – небольшая вещица Броунинга.

– Благодарю вас, – отвечал профессор. – Это я возьму с удовольствием.

– А я, – сказал Гревз, искренне желавший, чтобы все «этюды» из его портфеля, скомпонованные им со всею свободой сюжета, какую только можно найти у древних и у новых художников, очутились на дне озера Маральди, – я могу предложить вам несколько копий с пейзажей и морских видов Тернера.

– Буду весьма благодарен, – ответил профессор с живостью.

– А я, – вмешался Блэк, который тоже подошел к ним и уже несколько минут был безмолвным слушателем их разговора, – могу ссудить вас вещью, какой наверно не найдется у этих господ: у меня есть одна из речей Гладстона, изданная отдельною брошюрою.

– О! сэр, – сказал профессор чуть не с энтузиазмом; – я поистине буду у вас в долгу.

Книга, картины и брошюра были живо принесены и вручены профессору, который принял их с благодарностью, в искренности которой сомневаться было невозможно.

– Джентльмены, – сказал он; – мы никогда или почти никогда не отказываем нашим детям ни в чем, но, признаюсь, необдуманная просьба моей дочери поставила меня в немалое затруднение. Вы меня выручили; благодарю вас за ваш благородный поступок.

С этими словами он свернул в трубку все ему врученное и повернулся, чтобы идти. Блэк уверял впоследствии, будто он лукаво подмигнул одним глазом, но это было невероятно. Тем не менее, подойдя к дверям, старик обернулся и прибавил с каким-то особенным выражением в голосе:

– Поэма Броунинга, картины Тернера и речь Гладстона! Наши девушки очень умны, джентльмены, говорю вам это прямо. Но если они извлекут из всего этого что-нибудь... что-нибудь для них неподходящее, я, признаюсь, буду очень удивлен, а вы знаете – удивление считается на Марсе впечатлением, достойным варварских времен.

Сказав это, он вышел, и Блэку послышалось, будто за дверями раздался его тихий, сдержанный, словно воздушный, смех.

Впоследствии Миньонета, оставшись наедине с Дюраном, побранила его:

– Для чего вы прислали мне эту пресную поэму? – сказала она. – Я ожидала, что вы дадите мне один из интересных романов, содержание которых вы мне рассказывали.

«С благоразумными сокращениями», – подумал Дюран про себя и отвечал вслух: – Это не моя вина. Профессор не любит наших книг и... и находит, что вам лучше не читать их. Я одолжу их вашему брату.

– И отлично! В таком случае и я прочту их: я читаю все, что читает брат.

Дюран посмотрел на нее с беспокойством.

– Разве мне нельзя их читать? – спросила она с удивлением. – Ну что ж, если я сама их не прочту, он расскажет мне все, что в них есть.

– Я постараюсь, чтоб он вам не рассказывал! – воскликнул Дюран решительно.

– Вы постараетесь? Послушайте, м-р Дюран, вы поступаете со мной так самовластно, как у нас мужчины не поступают с женщинами.

При этих словах голубые глаза Миньонеты затуманились; в них отразилась не досада, а скорее грусть. Дюран ей нравился и ей было неприятно, когда он делал что-нибудь несовместное с обычаями, господствовавшими на ее мирной планете.

– В таком случае я лучше не дам их ему, – сказал он, не зная, как ему и быть, и хватаясь за этот последний довод, как за соломинку.

– Мы, кажется, не понимаем друг друга, – сказала она холодно. – Я еще не привыкла к вашим манерам, и мы только огорчаем один другого. Я лучше уйду.

С этими словами она встала и хотела уйти.

– Нет, нет, Миньонета, не уходите! – вскричал он с живостью. – Побудьте со мной; я расскажу вам все, что вы захотите слушать. Побудьте со мной немножко!

– Станный вы человек, – сказала она, улыбаясь: – как вы легко волнуетесь. Мы никогда так не волнуемся. Конечно, я не уйду, если вы не хотите. Я не могу видеть, когда вы огорчаетесь.

– О! Миньонета, – воскликнул Дюран, – в вашем до одури однообразном мире вы не умеете чувствовать!

– Мне кажется, вы ошибаетесь, – возразила Миньонета, придав своему хорошенькому личику глубокомысленное выражение. – Мы не умеем только одного – страдать.

– Если вы не умеете страдать, значит, вы не знаете истинного счастья.

– Ну, право же вы чудак, – проговорила Миньонета в недоумении. – Какие вы странные вещи говорите: человеку, по-вашему, нужно узнать горе для того, чтоб быть счастливым. Я вас не понимаю. Неужели вы правду говорите?

– Вы не совсем понимаете меня, – сказал Дюран улыбаясь. – Лучше оставим этот разговор.

– Хорошо. Расскажите мне что-нибудь о вашей Земле; вы давно мне обещали. Сядьте вот здесь, возле меня.

Говоря это, девушка поставила Дюрану стул – учтивость между мужчинами и женщинами на Марсе взаимная – и сама села возле него на великолепно задрапированную кушетку.

– Повернитесь ко мне так, чтоб я могла видеть ваше лицо, – сказала она, – и говорите, а я буду слушать. Вы знаете, я ведь очень любопытна.

«Хорошо, что на Марсе женщины сохранили хоть это земное свойство наших барынь», – подумал Дюран и послушно уселся возле нее. День клонился к вечеру; наступали странные, мягкие марсовские сумерки. Луч заходящего солнца, пробиваясь сквозь цветное стекло, освещал лицо

говорившего, через что выделялось еще яснее каждое впечатление, мелькавшее в его выразительных чертах; как непохоже было его лицо на спокойные лица марсовцев! По временам оно принимало выражение суровое, даже жестокое, но зато какою нежностью дышало оно, когда он описывал земную любовь, с каким сочувствием передавал бесконечную повесть земных скорбей, какой отвагой, когда рассказывал о земных кровопролитных войнах, о борьбе наций на жизнь и на смерть. О! Миньонета, не смотри с таким восторгом на это лицо. Оно научит тебя единственному, чего ты не умеешь — оно научит тебя страдать.

Через открытое окно доносилось в комнату щебетание птичек. Сумерки сгустились, в комнате темнело все более и более, а он все говорил. Девушка слушала его, затаив дыхание, с удивлением, доходившим до благоговения. Перед ней был оратор, только что прибывший с романтической арены битв, давно уже ставших для Марса достоянием легендарного прошлого. Перед нею был деятель, описывающий ей там происходившее с энергиею, присущею только тому, кто сам участвовал в этих битвах с оружием в руках. Для Миньонеты этот воин из века борьбы был так же интересен, как был бы для нас какой-нибудь викинг или миннезингер, если б он вдруг вышел из своей забытой могилы, облекся в плоть и кровь и запел свою песню или стал рассказывать нам свои подвиги. Скажем более: он был даже еще интереснее. Подобно великому английскому поэту, он имел дар передавать в пламенных словах события героической эпохи, обладая замечательною грациею речи, умел выбирать для своих рассказов темы наиболее привлекательные для той, чье чистое сердце содрогалось от восторга, внимая его словам.

В то время, как они сидели вместе, беседа таким образом, богатые драпри в дверях одной из смежных комнаты раздвинулись и вошел молодой человек, с которым Миньонета была обручена. Его шагов не было слышно по мягкому ковру. Они не заметили его. Он постоял несколько минут, глядя на них, и лицо его изменилось: с него следело выражение безмятежного счастья, свойственное всем

марсовцам. Но он не вмешался в их беседу и, с грустью опустив голову, удалился так же незаметно, как и вошел.

Когда, наконец, Дюран кончил говорить, Миньонета глубоко вздохнула.

– Все, что вы говорили, очень интересно, – сказала она, – о! да, очень, очень интересно, но как грустно, как страшно, невыразимо грустно! Мы слишком долго засиделись; ваши рассказы так завлекли меня. Дайте мне еще раз посмотреть на вас, хотя здесь почти темно. Вы теперь совсем не кажетесь сердитым. А знаете ли, ведь вы право прехорошенький.

На это Дюран не нашелся ничего ответить: простодушная, чисто марсовская, откровенность Миньонеты смутила его несказанно.

– Я уверена, что вы не жестоки, – продолжала она, – хотя вы такой высокий и сильный. Я бы хотела, чтобы и наши мужчины были такие же высокие и сильные.

– Ваши мужчины лучше нас, – заметил Дюран.

– Это правда, – простодушно согласилась Миньонета. – Я бы не хотела, чтоб они были так страшно эгоистичны, как вы, земные люди, но я бы желала, чтобы они были интереснее. Странно, – прибавила она в раздумьи, – отчего я прежде не замечала, что они неинтересны?

– Не говорите так громко, моя дорогая. На балконе, недалеко от окна, у которого мы сидим, стоит м-р Блэк.

– М-р Блэк? так что же? отчего вы не хотите, чтоб он слышал мои слова? Он такой хороший.

– Я... я и сам не знаю отчего, – отвечал Дюран, растерявшись.

– Разве вы боитесь его?

– Я боюсь его? я?

– О! Не сердитесь. Ведь я сказала это в... в шутку – так, кажется, вы это называете. Не сердитесь же на меня, прошу вас. Мне будет очень больно...

– Я не сержусь... право не сержусь, но... вы меня не поймете... Вы нравитесь м-ру Блэку...

– Я это вижу, и он мне тоже нравится.

– Вот как!

– Ну, вы опять рассердились. Я, право, не могу понять вас! Отчего вы не хотите, чтоб м-р Блэк мне нравился?

Он не отвечал.

– Мне он нравится больше всех ваших друзей, – продолжала она простодушно, – но, конечно, он не может мне нравиться так, как вы. Вас я очень, очень люблю!

– О! Миньонета! – вскричал Дюран вне себя.

– О, вот вы опять точно просияли. Какой вы переменчивый. Это очень интересно; хотела бы я посмотреть, какие у вас женщины. Мне жаль, что с земли прилетели сюда одни мужчины, хотя, конечно, – прибавила она со своим милым, чисто детским, простодушием, – было бы еще хуже, если б прилетели одни женщины.

Глава XVI

БЕДНАЯ МИНЬОНЕТА

У меня есть что-то очень для вас интересное, – сказала однажды Миньонета, несколько времени спустя после вышеописанного разговора. – Как вы думаете, что это? – прибавила она и посмотрела на него с заискивающей улыбкой, которая как бы говорила: «Попросите меня показать».

– Что это такое? – спросил Дюран. – Покажите мне, крошка.

Из этого последнего наименования читатель может видеть, что он уже стал обращаться с Миньонетой довольно бесцеремонно.

– О! это должно очень вам нравиться. М-р Гревз сделал это для меня. Смотрите.

Она сунула ручку в один из внутренних карманов своей туники, вытащила оттуда бумажку, тщательно сложенную вчетверо, и передала ему. Дюран развернул ее и увидел наскоро набросанный женский портрет. Он сразу узнал его: это был портрет одной из известнейших лондонских красавиц.

– Очень хорошо нарисовано, нельзя не сказать, – заметил он. – Но почему вы думаете, что это может быть для меня интересно?

– Еще бы не интересно! ведь это портрет вашей милой, – сказала она так утвердительно, как будто была несомненно уверена в том, что говорит.

– Кто вам сказал? – спросил Дюран, нахмурясь.

– М-р Гревз.

– Нечего сказать, хороши друзья! Почему же он сказал вам это? по какому поводу?

– Я... я просила его нарисовать мне портрет вашей милой, он и нарисовал мне.

– Нравится она вам?
– Не знаю... Похожа она?
– Очень похожа, – солгал Дюран.
– В таком случае она мне нравится. Я сохраню ее портрет на память. Я рада, что она совсем нехороша. Мне бы неприятно было, если б она была красивее!

Последние слова Миньонета произнесла почти с гневом.

– Почему? – спросил Дюран.

– Потому, что тогда она могла бы нравиться вам столько же, как...

– Как кто?

– Как я, – отвечала девушка со спокойным простодушием.

– А если бы и так, не все ли вам равно? У вас есть...

– Жених? Нет.

– Как? разве он отказался от вас?

– Да, когда узнал, что вы нравитесь мне больше, чем он.

– И он даже не попытался со мной поссориться! Неужели он ничего не говорил вам обо мне?

– Ни слова; что ему было говорить? Он не мог рассердиться на меня за то, что мои чувства переменились.

– Он очень... обязателен, – проговорил Дюран иронически.

– Скажите лучше, очень благоразумен, – поправила его Миньонета. – Я еще не в тех годах, когда решение девушки считается на Марсе невозвратным.

– Благоразумен! Право, мы с вами никогда не пойдем друг друга, Миньонета! В нашем мире лет двести-триста назад мы имели обыкновение драться насмерть из-за наших милых.

– Верно, – отвечала Миньонета, – и у нас когда-то было то же; об этом сохранилось много документов в наших архивах.

– Но мы и теперь отстаиваем наши права в этом отношении так или иначе. Конечно, мы уж не кусаемся, не царапаемся, даже не стреляемся, не колемся, но все-таки не уступаем нашего места в сердце женщины так равнодушно, как уступил ваш поклонник. Если бы у нас кто-нибудь

поступил так малодушно, мы... мы бы нарядили его в юбку. Ах! извините, я совсем потерял из вида особенности вашего костюма: ведь вы даже не знаете, что такое юбка.

– И вы в самом деле способны поступить жестоко с человеком за то только, что девушка предпочла его вам? – спросила Миньонета, игнорируя его шутку. – Может быть, вы бы даже способны были убить его?

– О! нет, мы не так злы.

– Но вы бы стали говорить о нем дурно?

– Нет... да... сказать по правде, мы, пожалуй, не отказались бы от этого удовольствия... конечно, за глаза...

– Мне многое не нравится в ваших нравах, – сказала Миньонета с сожалением.

– Бросим этот разговор, моя крошка, он только огорчает вас. Будем счастливы, пока можем.

– Да... пока можем! Мне жаль, что м-р Гревз нарисовал для меня этот портрет.

– Ведь вы же говорите, что вы сами его просили.

– Да, но мне жаль, что я его просила. Мне жаль, что у вас на земле есть милая.

«И мне жаль», – подумал Дюран.

– Я бы хотела, чтоб вы не думали о ней больше.

Они ходили в это время по саду. Дюран вдруг остановился и с отчаянием топнул ногой. Условие, заключенное между ним и Блэком, очень тяготило его; совесть, честь, благообразие требовали, чтоб он его выполнил; но что значило все это в сравнении с любовью прелестной девушки! От одного взгляда Миньонеты, от одного звука ее голоса все его добрые намерения разлетелись, как дым.

– Я согласен не думать о ней больше, сказал он, – но... с одним условием.

– С каким?

– Чтоб вы стали моей милой, Миньонета.

– О! конечно, я согласна, – отвечала она простодушно. – Я с радостью буду вашей милой.

– Дорогая, ненаглядная моя! – вскричал он с восторгом и крепко прижал ее к груди.

– Удивляюсь, отчего вы нравитесь мне больше, чем все марсовцы, каких я когда либо знала, – проговорила она прерывающимся голосом.

– Это потому, что они не знают, что такое любовь. А я... я люблю вас! О! я люблю, люблю вас, Миньонета!

– Зачем вы говорите так... точно вы себя не помните. Ведь это нехорошо... я думаю, не следует любить так сильно... Отчего это мне так... так грустно?

– Если хотите, я уеду, Миньонета.

– О, нет, нет! Это убьет меня. Если б вы теперь уехали, я бы не перенесла разлуки. Я не осуждаю вас. Мне только странно, почему я счастлива, а между тем мне грустно. Будьте терпеливы со мной... только немножко, потом я пойму сама себя. Ведь вы на меня не сердитесь?

Вместо ответа он наклонился к ней и поцеловал ее прелестные губки. Затем они пошли бродить куда глаза глядят, рука об руку, не думая о завтрашнем дне.

Прошло три месяца после появления стального шара на Марсе, и все пришельцы с Земли, за исключением двух, до того соскучились, что каждый час казался им за день. Только Бернет и Дюран не замечали, как летит время: один был всецело занят астрономическими исследованиями, другой Миньонетой. Астрономия и любовь не даром слынут предметами всепоглощающими.

Все остальные томились именно тем, что им делать было нечего. В трудовой жизни Марса они принять участия не могли; местные увеселения казались им невыносимо скучными, поэтому они целые дни проводили праздными; и, как всегда, праздность заставила их надеть глупостей, по крайней мере некоторых из них, а пострадать за это пришлось всем. Сэр Джордж вскоре вообразил, что у него есть миссия на Марсе. Здешнее население, рассуждал он, ничего не смыслит в финансах; этому следует положить конец. Здесь нет ни компании для разработки богатств планеты, ни даже палат для разбора дел о банкротствах – это просто возмутительно! Это непроходимо глупо! Блэк, со своей стороны, негодуя на отсутствие исполнительного правительства или хоть антиправительственной партии, к которой

можно было бы примкнуть, готов был на все, лишь бы нарушить спокойствие в стране, раздражавшее его несказанно. Миленькая Дэзи перестала занимать его: она ничего не смыслила в политике и знать о ней не хотела. Гордон с отчаяния, что никак не может понять систему марсовской социальной экономии, забросил свою записную книжку, а Гревз с досады, что его гордая ученица не приходит в безусловное восхищение от его таланта и от его рисунков, швырнул свой портфель на дно озера Маральди. Мак Грегор прямо признавался, что ему скучно до одурения. Бернет почти не расставался с профессором и, казалось, совершенно забывал о существовании своих земных друзей. Наконец и Дюран, всегда несколько склонный к меланхолии, стал мрачен и суров. Сама Миньонета, которую каждый из вышеназванных лиц готов был обожать по-своему, уже не была тем светлым ангелом, каким явилась им в первоначальном видении, в день их приезда. Тихое небесное счастье, так лучезарно сиявшее в ее чудных глазах, мало-помалу исчезло, словно завяло. Она стала сначала беспокойна, потом молчалива, наконец грустна. Дюран был постоянно с нею, они почти не расставались.

Живой интерес, вызванный на Марсе прибытием Мак Грегора и его партии, быстро ослабел. Профессор недаром говорил, что марсовцы редко чему удивляются. В первое время пришельцев с Земли приглашали беспрестанно на вечера, в честь их устраивались праздники, собрания, но мало-помалу к ним привыкли, как привыкают в европейском зоологическом саду к появлению какого-нибудь нового диковинного зверя. Должно заметить, что для марсовцев экскурсия обитателей Земли не казалась такою необычайною, какою она была в глазах самих пришельцев. Жители Марса не раз предпринимали подобные экскурсии на другие планеты, но они постоянно были неудачны, так как им приходилось попадать в области менее развитые, нежели их собственная. Они были и на Земле, но еще в то время, когда на ней жили одни дикари. Но за последние тысячелетия эти поездки прекратились, так как марсовцы,

развиваясь умственно, мало-помалу утратили физическое мужество, необходимое для подобных предприятий.

Итак, на Марсе перестали интересоваться земными гостями, а гости через это начинали все более и более тяготиться существованием, благих сторон которого они не в силах были оценить.

Однажды Блэк вышел гулять в сад и встретил там Миньонету. Она была в той самой светло-серой одежде, в которой он видел ее на другое утро их прибытия, когда она прилетела из-за шести тысяч миль, чтоб видеть их... Ее движения были так же грациозны, как в тот день, стройный стан ее так же гибок, но под глазами у нее были темные полосы и душа ее светилась в ее чистом взгляде новым, грустным сиянием. Она рассеянно срывала цветы, за которыми когда-то так любила ухаживать, оципывала их торопливо и разбрасывала душистые лепестки по до рожкам.

Блэк, как мы уже сказали, был в сущности хороший малый, хоть и пустомеля, как всякий профессиональный политик средней руки. Он давно уже заметил, что с Миньонетой что-то неладно, и хотя не был виноват перед нею лично и даже не порицал Дюрана безусловно, а все же ему не раз приходило в голову, что для бедняжки было бы лучше, если б индейцам в Аляске удалось перебить их и тем расстроить экспедицию на Марс.

«Дюран почти не виноват», – рассуждал он. – «Глупенькая девочка то и дело звала его к себе и просила его рассказывать ей истории. Не мог же он отказываться – ну, и влюбился. Я и сам бы не устоял, если б она была со мной поласковее, я и теперь желал бы быть на его месте».

Думая так, он повернул на другую дорожку, чтоб не встречаться с Миньонетой. Он боялся ее синих честных глаз, которые насквозь видели человека, боялся, что ему придется отвечать на опасные вопросы, от которых он будет не в силах отделаться пустой болтовней. Но она увидела его и подозвала к себе повелительным знаком, которого он не смел не послушаться.

Она завела с ним пустой разговор и начала предлагать ему с лихорадочной торопливостью разные вопросы, оче-

видно, ее не интересовавшие, так как она или не дожидалась ответов, или не дослушивала их.

– Да, сказала она наконец, – я хотела порасспросить вас об Ирландии; ведь вы, кажется, ирландец?

– Могу с гордостью ответить: да! – воскликнул он с внезапным наплывом патриотизма.

– Славная, должно быть, нация ирландцы, – продолжала она, словно стараясь выиграть время.

– Смело могу сказать, что вы не ошибаетесь, – согласился Блэк с такою радостью, что в его выговоре даже послышался ирландский акцент, а это случилось с ним тогда только, когда он был взволнован.

– Я читала об Ирландии, – продолжала Миньонета, – в тех газетах, которые вы мне одолжили. Это, должно быть, очень обширная страна.

– Ну, не очень обширная, – отвечал Блэк, удивляясь ее вопросу.

– Неужели? А я думал, она занимает, по крайней мере, половину земного шара.

– Нет, что вы!.. Далеко не то, – проговорил Блэк, запинаясь, но не смея солгать под влиянием устремленных на него честных голубых глаз.

– Но, во всяком случае, она имеет на Земле важное значение?

– О! в этом нет сомнения.

– Я так и думала, – сказала Миньонета, покраснев немного: ей так приятно было сознавать свою догадливость, что она на минуту отвлеклась даже от главного вопроса, бывшего у нее на уме. – А знаете, как я догадалась, что ваша родина важная страна, м-р Блэк?

– Не могу себе представить, но, вероятно, каким-нибудь весьма остроумным способом.

– Ну вот, уж и остроумным! Напротив, очень простым. Я заметила, что она занимает в газетах больше места, чем все другие нации, взятые вместе.

– А! вот что... да, пожалуй, что так.

– А между тем, как жестоко относятся к Ирландии все прочие страны!

– О! нет, не все, мисс Миньонета, одна только Англия.

– Англия? Неужели эта крошечная страна в силах притеснять вашу великую нацию? Об Англии я нашла в газетах всего три-четыре небольших параграфа.

– Вы, собственно говоря, не совсем понимаете в чем дело... Впрочем, это и неудивительно...

Он опять запнулся: ему не хотелось выводить девушку из ее заблуждения, лестного для его соотечественников, а между тем совестно было и оставлять ее в этом заблуждении. Миньонета взглянула на него с недоумением, не понимая его, и круто переменяла разговор.

– Да, вот еще я хотела с вами поговорить... надеюсь, вам не наскучило говорить со мною, м-р Блэк? – вдруг спросила она.

– Конечно, нет, – отвечал Блэк просто, сознавая, что с этой прямодушной девушкой комплименты, на которые он был так щедр с другими барышнями, были бы не у места. – В чем дело?

– Я хотела спросить вас...

Она замолчала, словно собираясь с духом.

Прежде она никогда не останавливалась на полуслове, подумал Блэк, но не сказал ничего.

– Я хотела спросить вас: ведь м-р Дюран очень хороший человек, не правда ли?

– Он вовсе не дурной человек, – отвечал Блэк быстро и вполне искренне.

– Только недурной? – переспросила Миньонета, с изумлением раскрыв свои большие кроткие глаза.

– То есть... я хотел сказать... он славный малый... хотя... во всяком случае, он не хуже любого из нас... Но, по правде сказать, – прибавил он поспешно, – ни один из нас, земных уроженцев, не обладает такими совершенствами, какие требуются от людей на вашей планете.

– О! вы, наверно, могли бы сравняться с нами, если бы только захотели.

– Ну, нет, едва ли бы мы могли; да, пожалуй, мы бы и не захотели... Простите, я право, кажется, сам не понимаю,

что говорю. Я хочу сказать, что у вас все прекрасно, во мы, земные, не долго выдержали бы здешнюю жизнь.

– Не выдержали бы потому только, что у нас все хорошо? О! м-р Блэк, может ли это быть?

– Я хочу сказать... что мы на Земле не имеем таких точных понятий о том, что хорошо и что дурно, какие имеете вы, марсовцы.

– Разве на Земле считается хорошим делать то, что здесь признают очень, очень дурным, м-р Блэк?

– Я... я... хотел бы знать, где м-р Дюран; мне очень нужно его видеть. Извините, если я вас оставляю; я пойду поищу его «или кого-нибудь другого, лишь бы только уйти от нее», – прибавил он мысленно.

– М-р Дюран теперь с отцом моим и с м-ром Бернетом в гостинной зале. Я и представить себе не могу, что они там делают. Меня они туда не пустили.

Последние слова Миньонета проговорила чуть не со слезами. Блэк сконфузился еще более.

– О! они, верно, заняты там каким-нибудь астрономическим открытием, – сказал он. – Ведь вы знаете, Бернет постоянно возится с небесными картами профессора.

– Не может быть! – отвечала Миньонета. – Отец всегда сообщает мне, какие он делает открытия. И я слышала, как м-р Дюран сказал (а я прежде никогда не подслушивала): «Я ни за что не соглашусь, хотя бы мне пришлось никогда больше не видеть Земли».

Рыдания прервали ее слова, но она вдруг овладела собой и прибавила, забывая в своем волнении земной этикет, который обыкновенно соблюдала очень строго:

– О! Блэк, что они хотят с ним сделать? как вы думаете?

– И представить себе не могу. Что они ему говорили?

– Их голосов я сначала почти не слыхала, слышала только его: он говорил громко и, кажется, сердито. Затем все замолкло, потом все заговорили разом, только слов я уж не могла ничьих расслышать, но, кажется, он согласился на то, чего они от него требовали. Блэк, вы всегда были так добры ко мне; вы, верно, не рассердитесь, если я скажу вам, что я очень, очень несчастна.

– Кто, я-то рассержусь на вас? Да я готов бы был сделать все на свете для вас, мисс Миньонета! Чего вы желаете? только скажите: если я могу, я все сделаю.

– Я знаю, что вы очень добры. Благодарю вас, Блэк.

С этими словами она подошла к нему, вложила в его сильную руку свою крошечную беленькую ручку и сказала умоляющим голосом:

– Позовите его ко мне. Мне нужно поговорить с ним.

– Если хотите, я это сделаю, мисс Миньонета, только... благоразумно ли это будет? – отвечал Блэк почти с отчаянием.

– Благоразумно ли? Конечно, да. Я буду так счастлива!

– В таком случае я сейчас позову его.

Сказав это, Блэк быстро отошел от нее и пошел искать Дюрана.

«Дело зашло даже, кажется, дальше, чем я думал», – рассуждал он, торопливо шагая по аллее. «Нет, не желал бы я быть в его шкуре, хоть бы мне обещали за это место в кабинете министров. Эта девушка так добра, так нежна – к ней нельзя отнестись так легко. Вот моя маленькая Дэзи – та ничего: смеяться умеет, а чувствовать не по ее части».

Вдруг на повороте аллеи ему попался Дюран, по-видимому, сильно взволнованный. Он шел так скоро, что чуть не налетел на него.

– Что с вами, Дюран? – спросил он. – На вас лица нет.

– Пропустите меня, Блэк,

– Надеюсь, милейший мой, с вами не случилось ничего особенного?

– Ради Бога, не задерживайте меня! – вскричал Дюран с отчаянием, потом, овладев собой, прибавил спокойнее: – извините меня, Блэк. Но я желал бы быть один, пропустите меня!

– Идите себе, я не держу вас, я только спросил из участия. А о вас сейчас осведомлялись, хотят говорить с вами.

– Где? где она?

– Там, – отвечал Блэк, нарочно указывая в сторону, противоположную той, где была Миньонета. Дюран, как он и

ожидал, повернул в противоположную сторону, т. е. именно туда, где ждала его девушка.

«Ну, право же, я не желал бы быть на его месте, ни за министерский портфель, ни даже за должность премьера», – думал философ-политик, отходя подальше от того пункта, где должно было произойти свидание. «Бедняжке очень тяжело, хотя, я думаю, она сама не понимает, что с ней. Но ему вдесятеро тяжелее. Жаль, жаль обоих, очень жаль».

– Эй! Блэк, подите сюда! – раздался голос Мак Грегора.

Блэк повернул на голос и вскоре вышел на площадку посреди рощицы, где нашел всех своих товарищей, кроме Дюрана. Лица у всех были серьезные; по всему видно было, что они обсуждают вопрос очень важный. Бернет был тоже с ними и, казалось, играл первенствующую роль в совещании. Блэка все встретили очень сочувственно; его советы всегда принимались к сведению, так как он был дельный малый, несмотря на свое кажущееся легкомыслие.

– Идите к нам скорее, Блэк! – сказал Мак Грегор. – Мы только вас и ждали. Повтори для него, Бернет, что ты нам сейчас сказал.

– М-р Блэк! – сказал Бернет, – вы знаете, мы хотели остаться на Марсе до тех пор, пока эта планета и Земля не придут опять в такое положение, в каком возвращение для нас домой будет всего удобнее, а это случится, как вам известно, через промежуток времени, равняющийся двум земным годам.

– Да, через два года с чем-то, – отвечал Блэк, искоса поглядывая на хмурые лица собеседников: он терпеть не мог серьезного тона и всегда говорил, что готов рассуждать о чем угодно, хоть о смерти, только в веселом духе.

– Через два года и... – начал было Гордон, хватаясь за записную книжку, но вспомнил вовремя, что суть не в этом, и замолчал.

– Но теперь, – продолжал Бернет, – возникли обстоятельства, делающие крайне желательным для нас отправиться отсюда немедленно. К счастью, теперь это еще возможно: промедлили бы еще месяц, это было бы крайне опасно.

– По-моему, – отвечал Блэк небрежно, – чем мы скорее уедем отсюда, тем лучше, но все-таки я желал бы спросить, какие обстоятельства заставляют нас ускорить отъезд.

– Вы имеете полное право сделать такой вопрос, – ответил Бернет холодно. – Во-первых, попытка сэра Джорджа учредить компанию с целью орошения необитаемых экваториальных областей Марса – попытка, по-моему, крайне неблагоразумная – вызвала неудовольствие в марсовском сенате, который не любит нововведений.

Сэр Джордж скорчил виноватую мину и не сказал ни слова.

– Во-вторых, – продолжал Бернет, – ваш адрес к лагранжской молодежи, произведший такое сильное впечатление, также был большою ошибкою.

Блэк в свою очередь понурил голову.

– Что же касается до м-р Дюрана...

«О! я знаю, что он сделал», – подумал Блэк.

– Его поведение, – продолжал Бернет, приостановившийся было немного, – может назваться еще более предосудительным. Мне неприятно обсуждать этот вопрос более подробно; скажу только, что как скоро ему указали на то, сколько несчастий может причинить его дальнейшее пребывание здесь, он поступил, как истинный джентльмен. Более говорить об этом предмете я не желаю. В конце концов я и профессор решили, что мы немедленно отправимся на Землю без всяких предувещаний кого бы то ни было.

– И, кроме того, – вмешался Мак Грегор, – нам всем наскучил Марс. Здесь нам решительно делать нечего, никому, кроме Бернета, но и он собрал все сведения, какие только мог, и везет с собой столько новых познаний, что в состоянии будет подвинуть земную науку на целое тысячелетие вперед.

Пока Мак Грегор говорил, Блэк подошел к Бернету и сказал ему со смиренным видом:

– Мне очень жаль, м-р Бернет, что я был для вас невольною причиною неудовольствий.

– Я не порицаю вас, м-р Блэк, – сказал Бернет с самым ласковым видом. – Скажу более: принимая в соображение

условия, при которых совершилась наша поездка сюда, я нахожу, что вы все вели себя очень хорошо.

– В таком случае, – сказал Блэк, – позвольте мне обратиться к вам еще с вопросом. Я знаю, в чем состоит вина Дюрана, и мне хотелось бы знать, как вы уломали его.

– Уломали? как это?

– Ну, то есть, как вы убедили его отказаться от... девушки.

– Мы вразумили его.

– Какими доводами?

– Повторяю: мне неприятно распространяться об этом долее. Довольно сказать, что м-р Дюран признал наши доводы вполне основательными, понял все безрассудство своего поведения и изъявил полную готовность исполнить свой долг.

Сказав это, Бернет отвернулся от Блэка с таким видом, который ясно показывал, что он не хочет сказать ни слова более о неприятном для него предмете.

Блэк отошел от него и пошел бродить по тенистым аллеям сада. Теперь, когда ему предстояло в скором времени покинуть Марс, планета вдруг перестала казаться ему скучною, даже как-то понравилась ему. Вспомнилась ему и Дэзи: молоденькая хохотушка, хоть не могла сравниться с Миньонетой, но все-таки была премиленькая.

«Я бы простился с малюткой», – думал он, – «да она живет далеко; пешком до нее не дойдешь, а летать, как эти марсовцы, я не умею. Значит, мы отправляемся домой, 26-го будем на Земле, а в будущем месяце, 14-го, открытие парламента; я как раз поспею с моей речью. Славно будет утереть нос премьеру по случаю предлагаемого им бессовестного налога на очки и лорнеты. Каковы, однако, эти молодые марсовцы! Сами же восхищались моей речью, да сами же на меня и насплетничали! Нечего сказать! теплые ребята».

Дело в том, что несколько молодых людей на Марсе, унаследовавшие от предков способность восторгаться, пришли не в восхищение, а в волнение от речи Блэка, но на другой день одумались и решили, что лучше не вводить новиз-

ны. Возбужденные красноречием оратора, они было приняли его теории, основанные на преданиях славного прошлого; но их энтузиазм остыл очень скоро. Бернет очень метко сравнил их со стариком, который, будучи возбужден вином или спором, хвастается, каким он был в молодые годы, но, отрезвившись, объявляет, что не желал бы пережить вновь свою молодость. Ему нравится припоминать ее иногда, даже хвастаться ею, но он не хотел бы ее возвращения. «Славное было времечко», — думает он, — «но оно миновало безвозвратно, и я о нем не жалею: все к лучшему!»

Глава XVII

ПРОЩАНИЕ С МАРСОМ И МИНЬОНЕТОЙ

Расставшись с Блэком, Дюран побежал в ту часть сада, где надеялся не встретить никого, но там-то, как нам уже известно, и была Миньонета. Увидев его издали, она пошла к нему навстречу. С ней-то именно Дюран и боялся столкнуться, но, когда он увидал ее, было уже поздно свернуть в сторону, и он поневоле должен был подойти к ней.

– Как вы бледны! – воскликнула она. – Отчего у вас такой расстроенный вид? что вы делали, запершись с отцом и с м-ром Бернетом?

Дюран хотел отделаться какой-то пустой отговоркой, но она взяла его руку в обе свои и смотрела на него пристально своими большими честными глазами.

– Я говорил... они хотят... м-р Бернет собирается лететь обратно на Землю, – проговорил он, отворачиваясь и упорно сопротивляясь маленькой ручке, которая взяла его за подбородок и пыталась повернуть лицо так, чтоб он взглянул на бледное личико, выражавшее такую душевную тревогу о нем.

– Вот как! – сказала она небрежно. – Ну, я очень рада, что речь шла только об этом.

Ее равнодушный тон кольнул его прямо в сердце, но он искренне старался радоваться, что она принимает известие об его отъезде так легко, хотя по лицу его можно было видеть, что старание его не особенно успешно.

– И я рад, что вы относитесь к этому так спокойно, – сказал он, – хотя, признаюсь, я думал, что вы немножко пожалеете... Да, я очень, очень рад, что вам не жаль, – прибавил он дрожащим голосом.

– Значит, все отправляются с м-ром Бернетом? – спросила она.

– Да, все.

– Так как же вы можете думать, будто мне не жаль? Конечно, мне будет очень жаль. Я буду скучать без них, особенно без м-ра Блэка.

– Неужели?

– И вам, наверно, будет без него скучно: вы, кажется, с ним большие приятели, хотя иногда и ссорились, кто вас знает из-за каких пустяков. Он вас очень любит и сейчас только отозвался о вас так хорошо,

– А что он сказал обо мне, Миньонета?

– Он сказал, что вы вовсе не дурной человек; кажется, он так выразился; я ведь плохо запоминаю выражения на вашем языке.

– Очень ему благодарен.

– Верю, оттого и говорю, что вам будет без него скучно.

– Без Блэка? Я не понимаю, в каком смысле вы говорите? – спросил Дюран, и сердце у него замерло от предчувствия новой беды.

– Я хочу сказать, что вам будет очень скучно, когда м-р Блэк улетит на вашу ужасную Землю. Мне вас очень, очень жаль! Вы, может быть, долго не увидите ваших друзей, – сказала она, ласково глядя его по руке и прижимаясь к его плечу своей нежной щекой.

– Не увижу моих друзей! – повторил он, содрогаясь. Слова Миньонеты окончательно убедили его в том, что он только подозревал: она и не предчувствовала даже, что ее ожидает. Нужно было сказать ей правду, чего бы то ни стоило. Собрав все силы и стараясь не смотреть на нее – ее умоляющий взгляд терзал ему душу – он проговорил медленно:

– Напротив, Миньонета, я буду часто видеть моих друзей: – ведь и я отправляюсь с ними.

Он часто поступал безрассудно на своем веку, иногда поступал даже дурно; но до сих пор ему казалось, что он не способен сделать что-нибудь безусловно низкое, подлое. В ту минуту, о которой мы говорим, он сознавал, что поступает именно так. Но он ошибался: подлость, низость совершена была им раньше; теперь же он только старался честно исправить свой поступок.

Она выпустила его руку и отскочила от него с тем ловким проворством, которое придавало всем ее движениям такую грацию. Взгляд ее был по-прежнему устремлен на него, но в нем уже не было ласки и мольбы: в нем выражался только ужас. Она вся дрожала, судорожно сжимая руки, и с трудом дышала. С минуту длилось молчание и, когда она наконец заговорила – никто бы не узнал в ее голосе серебристого щебетания прежней, счастливой Миньонеты. Это был голос, полный отчаяния, голос женщины, постигшей тайну, которой так хорошо учит Земля: тайну страдания.

– Как вы меня испугали! – сказала она тихо. – Но это, конечно, была шутка. Не правда ли? ведь иначе и быть не может! Только послушайте, Вальтер, прошу вас, не шутите никогда больше так со мной! М-р Блэк пусть шутит, ему можно, но вы не должны, слышите? Я... я боюсь, что я никогда не в силах буду забыть этой шутки. Я буду бояться, как бы мне не увидеть ее во сне: это так ужасно!

– Я не шучу, Миньонета, и не обманываю вас, – проговорил он, стиснув зубы и внутренне проклиная час своего рождения, но сознавая, что не должен поступить иначе, так как этим только может искупить свою вину.

– Знаю, знаю. Я ведь хоть еще до сих пор иногда ошибаюсь в ваших выражениях, но это я понимаю: шутка не значит обман – вы только сказали неправду для забавы.

– Нет, Миньонета, я сказал правду.

– О! нет, нет, быть не может! Я не могу лететь с вами, не могу... ведь мы, марсовцы, не можем быть такими храбрыми, как вы, отчаянные обитатели Земли. Милый, дорогой мой, не требуй от меня этого! Ведь ты любишь, когда я называю тебя милым, не правда ли? скажи, скажи, что ты остаешься со мной!

Она вдруг обхватила его шею своими нежными ручками с детскою доверчивостью, от которой сердце его заныло несказанной тоской.

– Нет, Миньонета, – проговорил он с усилием, – этого быть не может. Ни я не могу остаться с вами, ни вы не можете лететь со мной.

Она взглянула ему в лицо – и вдруг ее руки разжались, она бессильно опустилась на землю. Он поднял ее на руки, и с дрожащих губ его полились страстные слова любви и горькие упреки самому себе. Она медленно приходила в себя, слушая его, но почти не понимая, что он говорит. Наконец он замолчал и, наклонясь к ней, коснулся ее губ почтительно и нежно.

– Господи, прости меня! – проговорил он чуть слышно.

Поцелуй его возвратил ей силы; она быстро встала и отодвинулась от него.

– А вы говорили, что любите меня! – сказала она. – Значит, это была ложь? Ведь вы, земные люди, умеете лгать. Оставьте меня! Уйдите!

Она гордо выпрямилась, указывая ему рукой на дорогу; губы ее дрожали, грудь высоко поднималась. Он тоже подвинул голову; ее обвинение пробудило и его гордость.

– Я не лгал вам, Миньонета, – сказал он. – Я люблю вас. Но именно потому я и уезжаю, что люблю.

Глубокое чувство, с каким были сказаны эти слова, проникло ей в душу. Но ее гордость была оскорблена: женщины на Марсе не привыкли, чтобы их обманывали и унижали, а она сознавала себя обманутою и униженною.

– Ваши друзья, конечно, ждут вас, – сказала она с принужденным спокойствием. – Не задерживайте их. Что может значить любовь девушки для них или для вас?

– Для меня она значит так много, – проговорил он с тою холодностью, в которой слышится сильнейшая страсть, – что я бы с радостью взорвал наш корабль на полпути к Земле, если б только можно было сделать это, не погубив с собой моих товарищей.

– О! не говорите так, Вальтер! – вскричала она. – Говорить такие слова очень дурно, а вы всегда обещали мне быть добрым из любви ко мне. Но, может быть, вы и тогда говорили неправду или шутили, – сказала она, рыдая, и опять прижалась к нему: гнев ее растаял от одного его теплого слова, как снег от весеннего солнца.

– Вы несправедливы ко мне, Миньонета, – отвечал он. – Когда я говорил вам «люблю», я говорил сущую правду, если только есть правда в человеке.

– Так сжался надо мной, не покидай меня! – почти простонала она.

– Я жалею вас от всего сердца, люблю всей душой, но именно потому, что люблю, я должен уехать, а вы должны остаться.

– Почему же? Объясните мне, умоляю вас!

– Не могу... не смею сказать ничего более.

– В таком случае ты не любишь меня так, как я тебя люблю. О! небо, я, которую ты научил любить сильнее, чем когда-нибудь любила девушка на Марсе, я должна потерять мою любовь! Да, Вальтер, я теперь понимаю, как ты был прав, когда говорил, что истинное счастье всегда идет рука об руку со страданием. Я была счастлива – должно быть, преступно счастлива – и зато теперь должна кончить жизнь в жестоком горе. Может быть, это мне наказание, но... но я не думала сделать дурное. Уйди от меня, я не могу долее выносить этой пытки. Благослови тебя Бог! Прощай!

– Я уйду, Миньонета, но моим последним словом тебе будет: я люблю тебя истинно и глубоко. Постарайся забыть меня и быть опять счастливой. Неужели наше ненавистное вторжение в ваш светлый рай должно навсегда смутить твою чистую душу? Вспоминай о нем, как о дурном сне, который пройдет бесследно для тебя и скоро забудется. Но прости... прости мне зло, которое я тебе сделал ненамеренно; я буду каяться в нем до конца моей жизни. О! Миньонета, дорогая моя, любовь моя, радость моя, прощай, прощай! И верь мне: с этим «прощай» я навеки теряю всякую радость, всякое счастье в жизни!

С этими словами он отвернулся и быстро пошел по тенистой аллее. Красивое лицо его было бледно, как мрамор; стройный стан согнулся как бы под бременем непосильной тяжести. До него долго доносились горькие, глухие рыдания, но он не смел остановиться, не смел даже оглянуться на бедную девушку, которая, распростершись на траве, плакала так, как будто хотела выплакать всю душу.

В этот самый день, поздно вечером, Блэк гулял по живописному саду виллы. Вдруг на его руку оперлась чья-то робкая маленькая ручка. Он оглянулся: перед ним стояла дочь профессора.

– Это вы, мисс Миньонета! – воскликнул он с удивлением. Как вы бледны! Что с вами? не больны ли вы?

Действительно, она была бледна, как полотно; руки у нее дрожали; она едва держалась на ногах.

– Вы завтра покидаете нас, м-р Блэк? – сказала она со слабой улыбкой. – Мне очень жаль!

– И мне жаль теперь, когда приходится покидать вашу планету, – отвечал он совершенно искренно.

– Я бы хотела... Не можете ли вы до отъезда исполнить одну мою маленькую просьбу?

– Я готов сделать все, что в моей власти. Приказывайте!

– Вот что: я ведь не видала хорошенько вашего удивительного корабля. Конечно, я не раз бывала в нем с вами и с м-ром Дюраном, но все-таки я в нем еще многого не понимаю. Мне бы хотелось, чтоб мне объяснили...

– Я сейчас схожу за Бернетом. Он с радостью...

– Нет, нет, я не хочу его беспокоить: он сегодня так занят. Проводите меня вы.

Блэк, конечно, с удовольствием согласился и проводил Миньонету к большому черному шару, уже совсем готовому в дальний путь. Сферические очертания его как-то зловеще чернели в темном ночном воздухе. Блэк подал ей руку, чтобы взойти на помост; она крепко оперлась на нее и взошла. Он долго объяснял ей, как умел, внутреннее устройство корабля и все его удобства; она слушала его, не говоря почти ни слова. Научного механизма его он объяснить ей не умел и потому не коснулся этой части, предупредив ее, что он в ней ничего не смыслит, но Миньонета, по-видимому, и не интересовалась ею, зато осматривала внутреннее устройство его с таким вниманием, что даже удивила Блэка.

– Для чего эта дверь? – спросила она, указывая на отверстие против входной двери.

– Чтоб выбрасывать лишних пассажиров, если таковые окажутся, – отвечал Блэк шутливым тоном. – Посмотрите, оно открывается вот так... Что с вами? как вы побледнели! Вам страшно? это действует вам на нервы... Извините, если б я знал, я бы вам не показывал. Пойдемте скорее на воздух – вам легче будет.

Он поспешно вывел ее из шара, стараясь разговорить ее, развлечь веселой болтовней. Наконец она, видимо, успокоилась и приветливо улыбнулась ему.

– Благодарю вас, м-р Блэк, – сказала она ласково. – Вы очень добры ко мне.

– Всегда готов вам служить. Счастье, что я вас встретил...

– Да, счастье, – повторила она в раздумьи. – Еще раз благодарю вас; поверьте, я никогда не забуду вашей услуги.

Он еще прошелся с ней по саду, проводил ее до дома и пошел к себе.

Глава XVIII

ЧТО-ТО СЛОМАЛОСЬ

Не стойте близко друг к другу, господа, мы сейчас полетим, – сказал Бернет. Все были уже в сборе и входная дверь в шар герметически закрыта.

– Сейчас нам опять покажется – будто мы летим не вверх, а вниз, как помните, когда мы поднимались с земли, – сказал Блэк Гревзу. – Из всех наших путевых ощущений это было для меня самое неприятное.

– И для меня тоже, – ответил Гревз, – да что ж делать. Если без этого нельзя, надо терпеть.

– Не спешите очень, м-р Бернет, – сказал Гордон. – Дайте нам еще раз взглянуть на Марс.

– Успеете насмотреться, м-р Гордон, – отвечал Бернет. – Первое время мы полетим очень медленно.

– Да, но мы ведь полетим вверх ногами, – возразил Блэк. – Подождите пускаться в путь хоть минуточку, не больше.

Бернет, бледные пальцы которого уже готовы были нажать роковые винты, приостановился. Все, кроме Дюрана, бросились к окнам. Профессор стоял на балконе, не спуская глаз с шара. Возле него стояли жена его и сын; не было только Миньонеты.

– Дюран! – крикнул Мак Грегор, – что же вы не подойдете к окну? Неужели вам не интересно взглянуть в последний раз на этот оригинальный мир?

Дюран сидел понуря голову на одной из кушеток и ничего не ответил; по-видимому, он даже не слышал вопроса.

– Оставьте его в покое, – шепнул Блэк. – Ему тяжело, и понятно: каково было ему расстаться со своей зазнобушкой, подумайте только! Ничего, потом все обойдется.

– Бедный! – сказал Мак Грегор. – Мне очень жаль его. Боюсь, что он не так легко выпутается из своего неловко-

го положения, как вы с сэром Джоном выпутались из вашего; кстати, где теперь эта девушка? Странно, что она не вышла на балкон вместе с родными посмотреть на наше отплытие.

– А я не нахожу этого странным, – проговорил Блэк в раздумьи.

– Ну, господа, будет вам смотреть, – сказал Бернет. – Пора в дорогу.

Стоявшие у окон замахали платками в знак прощания; бывшие на балконе отвечали тем же. Бернет дотронулся до своих винтов, и все поднялись по спиральной лестнице к потолку. Оттуда им казалось, что профессор и его домохозяева стоят вниз головой, а под ними расстилалось необъятное голубое пространство, куда шар и ринулся стремительно. Но эта стремительность была только кажущаяся: на самом деле он плыл тихо, пока Марс был в виду. Благодаря чудной прозрачности атмосферы его горы, моря, острова были долго видимы, но мало-помалу все стусевалось, и сама планета, наконец, потонула в голубом тумане.

По мере того, как атмосфера, через которую летел стальной шар, редела, небо становилось темнее, наконец, чудная лазурь исчезла и заменилась глубоким мраком. На горизонте появились марсовы спутники, засверкали звезды, и Солнце, обратившееся в диск яркого, сосредоточенного света, засияло без лучей, словно обрамленное в черную плоскость.

С тех пор, как Дюран вступил в стальной шар, он не сказал ни слова, и его упорное молчание наводило тоску на его товарищей. Впрочем, им и без того было грустно: они скучали на Марсе, тяготились однообразием тамошней безмятежно-спокойной жизни, но теперь, покинув планету, где прожили три месяца, сознали, что в сущности провели это время очень приятно и что им жаль покинуть ее, более жаль, нежели они могли себе представить.

Первые часы возвратного пути прошли скучно; все расселись по углам и больше молчали, изредка меняясь отрывистыми замечаниями. Никому не хотелось ничего делать; один неизменно энергичный Мак Грегор бегал из угла в

угол, занимаясь уборкой помещения и тому подобными мелкими делами. Наконец и он утомился и сел в кресло возле кушетки, на которой полулежал сэр Джордж, занятый рассмотрением своего проекта компании с целью устройства периодических поездок на планету Марс.

– Устал я что-то, – сказал он, едва переводя дух. – Здесь душновато после чудной марсовской атмосферы, которая нас порядочно-то ей избаловала, как я вижу. А вам не душно, сэр Джордж?

– Нет, ничего.

– Как вы думаете назвать вашу компанию?

– Я думаю, всего лучше дать ей название «Компании междупланетного сообщения». Это будет эффектно. Основной капитал будет в сто миллионов; насчет цены акций я еще не решил окончательно; лучше всего, по моему, будет пустить их по сто фунтов каждую... Куда вы, Мак Грегор?

– Извините, Стерлинг, я сейчас ворочусь. Право же, здесь ужасно душно. Нужно попросить Бернета, чтобы он нам прибавил воздуху.

– Вы правы. Сначала я не заметил, уж слишком занялся вычислениями, а теперь и сам чувствую, что здесь душно, даже начинает немного голова побаливать.

– Прибавь нам воздуху, Бернет, – сказал Мак Грегор, подходя к платформе.

– Сейчас, – отвечал ученый. – Извините: засмотрелся на группу звезд и забыл провентилировать корабль... что это!

В его восклицании слышался страшный испуг; все взволнованно вскочили с мест и бросились к нему.

– Что с вами, Бернет? – слышалось со всех сторон.

– Где... наш воздух? – с усилием проговорил инженер.

– Я же тебе говорю, что здесь совсем мало воздуха, – беззаботно отвечал Мак Грегор. – Да что с тобой? на тебе лица нет!

– Взойди ко мне на платформу, Мак Грегор, – сказал ученый, делая сверхъестественные усилия, чтобы успокоиться и собраться с мыслями. – А вы, остальные, побудьте внизу.

Мак Грегор повиновался.

– Посмотри на регистр, – сказал ему Бернет глухим голосом; – из него видно, что у нас было воздуха почти вдвое, чем нужно на дорогу... а оказывается...

– Ну? – едва проговорил Мак Грегор.

– Что нет почти ничего!

– Что ж это значит?

– Не понимаю.

Друзья переглянулись молча, и этот взгляд высказал то, что эти неустрашимые люди испытывали, может быть, первый раз в жизни – физический страх.

– Должно быть, в резервуаре трещина, – сказал Бернет, помолчав с минуту. – Но я вчера его осматривал, все было в полном порядке. Был здесь кто-нибудь вечером?

– Не знаю. Сейчас спрошу, хотя это все равно ни к чему не послужит... Скажи мне прямо: хватит нам воздуха до конца пути?

Бернет справился с некоторыми из своих снарядов – как ни быстро он это сделал, но время это показалось Мак Грегору целым веком – и отвечал со страшным спокойствием, но без малейшего колебания:

– Нет, не хватит.

– Значит, надо сказать им?

– Да. Скажи ты им, Мак Грегор. Это твоя обязанность: ты глава экспедиции.

– Сейчас скажу.

Мак Грегор сошел с платформы. Все обступили его с беспокойством, предчувствуя что-то недоброе.

– Был кто-нибудь вечером в корабле? – спросил Мак Грегор.

– Я был, – отвечал Блэк.

– Зачем? – спросил Мак Грегор, стараясь говорить спокойно.

– Я... я показывал устройство корабля мисс Миньонете.

– Не заметили вы, чтобы она подходила близко к резервуару с воздухом?

– У нас нет воздуха? – вскричали все в один голос.

– Да, нет воздуха.

Слова Мак Грегора прозвучали для всех, как смертный приговор. Все переглянулись, и каждый прочел на лице другого, кроме нравственного испуга, и физическое страдание. Действительно, все чувствовали себя дурно; сам Мак Грегор, всегда отличавшийся железным здоровьем, был бледен, как полотно, и с трудом переводил дух.

– Отвечайте же, Блэк, дотрагивалась она до резервуара? – повторил он свой вопрос. – Самому резервуару она ничего не могла сделать, но она могла сломать трубочку, служащую проводом.

– Не знаю... не видел, – проговорил Блэк, задыхаясь.

– Должно быть, что-нибудь было в этом роде, – сказал Мак Грегор мрачно. – Ну, господа, я должен сообщить вам страшную весть. Резервуар с воздухом почти пуст; должно быть, воздух вытек прежде, чем мы пустились в путь. У нас не хватит кислорода на дорогу.

Все выслушали его в ледяном безмолвии, ожидая, что он скажет дальше.

– Теперь нам остается одно, – продолжал он. – Все мы не доберемся до Земли живыми: если мы останемся все в шаре, через полчаса в нем будут одни мертвые тела... но если *состав экспедиции будет уменьшен...*

Едва успел он выговорить эти страшные слова, как позади них раздался тихий стон. Все оглянулись и вскрикнули от ужаса: перед ними стояла Миньонета.

– Это призрак! – вскричали некоторые.

– Это дух ее! – прошептал Дюран.

– Это она сама, – сказал Мак Грегор сурово, – и, вероятно, она-то и причиной всему злу.

– Да, я вас погубила без намерения, – проговорила несчастная девушка. – Когда я пришла сюда вчера поздней ночью... чтобы спрятаться за этими резервуарами – ведь иначе вы бы не взяли меня с собой – было очень темно. Я споткнулась, упала и... и, кажется, слышала, как что-то сломалось. Я... я, несчастная, всему виной...

Она умолкла. Лицо ее выражало сильнейшую душевную муку, слезы ручьем лились из ее чудных лазурных глаз, роскошные волосы в беспорядке падали длинными золо-

тистыми волнами по складкам ее живописной одежды. Даже камни могли бы тронуться ее горестью и красотой, но сердце людей, которых она довела до гибели, было в эту минуту бесчувственнее камня. Все, кроме Дюрана, смотрели на нее с ужасом, с ненавистью, с отвращением; она сознавала это и покорно склоняла голову перед этим страшным, безмолвным приговором.

Несколько секунд длилось молчание. Все стояли неподвижно. Наконец она сделала несколько шагов вперед и, шатаясь, подошла к Дюрану. Он не отвернулся от нее, но и не протянул ей руки. Она сама взяла его руку своей беленькой ручкой; он не оттолкнул ее, но и не ответил на ее робкое пожатие. Она посмотрела на него, потом на всех своим ангельским взглядом, выразившим сильнейшее отчаяние.

– Убейте меня! – сказала она кротко. – Я это заслужила.

Все, кроме Дюрана, переглянулись сурово, как будто желая сказать: «Она права». До сих пор ни один из этих людей не имел на совести ни одного низкого поступка: каждый был всегда готов защитить с опасностью жизни, с оружием в руках, слабейшее существо, женщину, ребенка... но теперь, теперь им был нужен воздух, а каждый лишний человек в шаре уменьшал его количество... Взгляд всех невольно обратился на отверстие для удаления лишних пассажиров...

Миньонета поняла этот взгляд; силы оставили ее: она зашаталась и упала бы, если бы Дюран не поддержал ее.

– Вальтер, спаси меня! – прошептала она чуть слышно. – Я не могу... мне страшно... Я готова умереть... но лететь в это ужасное пространство... Я не могу!.. не могу...

– Пока я жив, я не допущу погубить тебя! – проговорил он твердо. – Кто первый подойдет к тебе, ляжет сам на месте!

Не столько эти слова, сколько ее умоляющий голос заставили всех одуматься, и Блэк взял на себя это высказать.

– Прости нас, Дюран! – сказал он. – Мы ведь не звери, а только люди. На минуту мы забыли, что она женщина, но на минуту, не более.

– Верно, – отвечал Дюран.

– Блэк прав, – сказал Гревз. – Она будет пощажена, но кому-нибудь из нас должно пожертвовать собой. Бросим все жребий.

– Нет, не все! – воскликнул Блэк. – Мы оба любили эту девушку, Дюран, оба виноваты в том, что она здесь. Бросим жребий мы с тобой – кому из нас погибнуть,

– Нет, – прозвучал стальной голос Мак Грегора, твердый, неумолимый, как приговор самой судьбы. – Это будет несправедливо. Вы, Дюран, главный виновник всему. Ее мы должны пощадить: мы мужчины, а она женщина. Но вы...

Он не договорил и повелительным жестом указал на отверстие. Дюран понял этот жест: его красивое лицо покрылось мраморной белизной, но чудные черные глаза засверкали гордой решимостью.

– Вы правы, Мак Грегор, – сказал он твердо. – Благодарю вас, вы справедливы, как всегда. Я исполню долг мой. Прощай, Миньонета! Прощайте все, товарищи!

Он бросился к отверстию, но Миньонета предупредила его: прежде, чем он успел выпрыгнуть, она скользнула мимо него светлым видением и исчезла в пространстве.

Дюран вскрикнул и замертво упал на пол. Блэк бросился помогать ему.

– Оставьте его, – проговорил Бернет спокойно. – Пока он будет в обмороке, он не будет дышать, значит, его доля воздуха наша.

Глава XIX

ЧЕМ ВСЕ КОНЧИЛОСЬ

И так, благодаря решимости Миньонеты и глубокому обмороку Дюрана, в стальном шаре стало меньше не только одним, но двумя дыханиями. Но и оставшихся было слишком много; шар летел с быстротою 50,000 миль в минуту, а все-таки вопрос, долетят ли все живыми до земной атмосферы, был весьма сомнителен.

Сэр Джордж Стерлинг, как человек тучный и потому несколько подверженный отдышке, свалился первый. Растянувшись на кушетке, он лежал без движения: с ним началась асфиксия. Гордон, Гревз и Блэк метались из стороны в сторону, тщетно отыскивая хоть струйку воздуха и ослабевая с каждою минутою. Мак Грегор был бодрее всех; его неистощимая энергия не покинула его и в эти ужасные моменты – самые мучительные из всех, какие случалось ему переживать в жизни. Что касается Бернета, то он, казалось, весь ушел в свои обязанности: это был не человек, нуждающийся в дыхании, а руль, правящий кораблем.

– Бернет, с какою скоростью мы летим? – проговорил или, вернее, прохрипел наконец Мак Грегор.

– Пятьдесят тысяч миль в минуту.

– Пусти на семьдесят пять тысяч.

– Хорошо, – отвечал Бернет слабым голосом.

Один чуть заметный поворот винта – и корабль взвился, как птица. Но до земной атмосферы оставалось еще около часа расстояния – долетят ли они все живыми?..

С сэрмом Джорджем начались конвульсии, затем наступил период полной прострации. Мак Грегор знал основательно медицину, даже выдержал экзамен на докторский диплом, прежде чем начал свою карьеру исследователя. Он подошел к баронету и, приподняв ему веко, с минуту всматривался в его неподвижный зрачок.

– Он уже ничего не чувствует; скоро наступит смерть, – проговорил он. – Но и нам не долететь живыми... никому из нас, если... Господа, вы помните наши условия перед отплытием?

Все безмолвно наклонили головы в знак согласия.

– Час повиновения, час самопожертвования наступает... Чарльз Блэк, вы меньше всех нужны нашему делу. Оставьте нас – и да помилует Господь вашу душу.

Бедный Блэк покорно пошел или, скорее, пополз к отверстию, но его ослабевшие руки не могли отодвинуть засов.

– Мне не справиться одному, – простонал он жалобно. – Гордон, помогите мне!

Гордон подошел, но и он не мог ничего сделать. Гревз лежал в забытии, а у самого Мак Грегора не хватило духа положить руку на засов; только в этом его неумолимая энергия изменила ему!

– Господи, сжался над нами! – вскричал он с отчаянием.

– Бернет, – обратился он к инженеру с внезапной решимостью.

– Что тебе, Мак Грегор? – слышался в ответ слабый голос.

– С какой максимальной скоростью может идти твой корабль?

– Со скоростью ста тысяч миль в минуту.

– Пусти его этим ходом.

– Ведь это будет почти верная смерть.

– Все равно пусти.

– Хорошо.

Еще поворот винта – и корабль ринулся в пространство с безумной, бешеной быстротой. Но время шло все с той же неумолимою медленностью – секунды казались часами; асфиксия приближалась, захватывая мало-помалу каждого в свои роковые объятия... Прошло около десяти минут. Вдруг Бернет, не спускавший глаз с расписания, поднял ослабевшую руку и указал Мак Грегору на трубочку, посредством которой он пробовал марсовскую атмосферу. Собрав последние силы, Мак Грегор бросился к ней, открыл кла-

пон – и в шар, превратившийся почти в безвоздушное пространство, полилась струя свежего воздуха...

Прежде чем смерть успела совершить свое роковое дело, корабль достиг первых слоев земной атмосферы.

Через несколько минут пятеро из отважных воздухоплателей совершенно ожили. Только баронета долго не могли оживить; наконец, Мак Грегор пустил ему кровь, и он очнулся.

Привели в чувство и Дюрана. Но первые минуты пробуждения и сознания того, что с ним случилось, были ужасны. В мрачном отчаянии он сидел, закрыв лицо руками, не говоря ни слова, не отвечая на вопросы. Раз только он поднял голову и бросил благодарный взгляд на Блэка и на Гревза.

– Благодарю вас, господа, – сказал он. – Вы пытались спасти ее, но не могли, и для меня все кончено; клянусь не пережить ее... и клянусь, – прибавил он с дикой энергией, – что этот ненавистный корабль, на котором она нашла себе смерть, будет уничтожен: я не умру, пока не взорву его собственными руками.

Больше никто не мог добиться от него ни слова: он опять закрыл лицо руками и сидел так, в безмолвном оцепенении, все время дороги. Его оставили в покое, щадя его горе.

Само собою разумеется, что безумная скорость, с какою летели воздухоплатели, чтоб спастись от асфиксии, была уменьшена до рациональной цифры, как скоро миновала в ней надобность. Корабль благополучно прибыл на Землю и опустился на плоскогорье, в хребте, недалеко от Новой Гвинееи... Путешественники вышли из шара и разбили палатку ярдах в ста ниже того места, на котором остановился корабль. Прошло немало времени, прежде чем успели снести туда запас и все необходимое для нескольких дней пребывания и отдыха. Наконец, все было готово; и усталые путешественники только собрались было закусить и отдохнуть, как вдруг Блэк спросил:

– А где же Дюран? – его что-то не видать.

– Не знаю, – сказал Гревз. – Вероятно, сидит и хандрит где-нибудь недалеко. Понятно, ему нелегко, жаль бедного, да что делать! Авось со временем успокоится.

– Не натворил бы он бед, – вмешался Гордон. – Помните, он сказал, что и сам умрет и корабль взорвет. От человека в таком угнетенном состоянии, в каком он теперь, все станется.

Никто не обратил внимания на эти слова, один Бернет, стоявший в нескольких шагах, прислушался к ним внимательно, но не сделал никакого замечания. Когда разговор перешел на другой предмет, он потихоньку отозвал Мак Грегора в сторону.

– Я пойду искать Дюрана, – шепнул он ему: – меня беспокоит, что его нет. Долго ли до беды; в самом деле, от него теперь можно ждать всего, а довольно повернуть винты известным образом, чтоб корабль разлетелся в прах.

– Я пойду с тобой, – сказал Мак Грегор с беспокойством.

– Нет, нет, не ходи: если мы пойдем вместе, они все бросятся за нами, а я этого вовсе не хочу. Напротив, останься с ними и объясни им чем-нибудь мое отсутствие, я пойду один.

– Где ж ты будешь искать его?

– Конечно, в корабле.

– А если...

– Нет, не бойся, я сумею остановить его. До свидания!

Он сказал это тоном, не терпящим противоречия, и быстро начал подниматься к тому месту, где стоял корабль. Мак Грегор несколько минут тревожно глядел ему вслед, потом воротился к прочим.

Прошло несколько минут. Вдруг страшный взрыв потряс палатку; все вскочили с мест, бледные, перепутанные.

– Это дело Дюрана! – воскликнул Гордон. – Он исполнил, что затеял: стальной шар не существует больше.

– И Дюран погиб, конечно! – сказал Блэк с глубоким вздохом. – Вот как довелось ему кончить... Жаль, славный был человек!

– Все к лучшему, – заметил флегматичный сэр Джордж тоном, несколько более теплым против обыкновения. – По-

сле всего, что он пережил, ему жизнь была бы не красна. А что корабль взлетел на воздух, — прибавил он уже своим обычным тоном финансиста, — это еще дело поправимое: у меня хватит денег, чтоб построить еще хоть дюжину... Что с вами, Мак Грегор? вам дурно? Скорее, господа, дайте ему рюмку вина! Эге, приятель, наша путь-дороженька сломилась, верно, и вашу железную натуру: на вас лица нет.

Несколько мгновений Мак Грегор не в силах был ни пошевелиться, ни встать, ни сказать ни слова. Наконец он поднялся с места, бледный, как мертвец.

— Никогда вам больше не придется тратиться на постройку другого корабля, сэр Джордж, — проговорил он глухим голосом.

— Отчего? — весело спросил баронет. — Говорю вам, у меня хватит денег еще хоть на сотню.

— А кто вам будет строить?

— Бернет, конечно, кто же другой! Кстати, где он?

— Кто знает! — сказал Мак Грегор, и в голосе его, может быть, впервые в жизни, дрогнули слезы. — Он был в корабле с Дюраном.

Что имеем мы прибавить к нашему рассказу? Ничего. Пройдет, возможно, много столетий, прежде чем народится новый Генри Бернет: природа не щедра на таких людей. Если б не его безвременная смерть, он бы подвинул Землю на тысячу лет вперед на пути к прогрессу, но он погиб от руки безумца, и его исполинский ум унес с собою в могилу свои великие тайны. Увы! такова часто судьба божественной научной силы, порожденной органической жизнью. Случайное прикосновение детской руки, тяжесть волоса — и она разлетается в прах перед слепой яростью неорганической силы.

СТАЛЬНОЙ ШАР, ИЛИ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

«Представьте себе шар... Он будет сделан из стали и выложен толстым стеклом; в нем будут содержаться достаточные запасы сгущенного воздуха и концентрированной пищи, аппараты для дистиллирования воды и так далее...

– Но как же вы попадете внутрь?

– Так же, как в пудинг.

– А именно?

– Очень просто. Нужен только герметически закрывающийся люк. Это будет, конечно, довольно сложно; придется устроить клапан, чтобы можно было в случае надобности выбрасывать вещи без большой потери воздуха...»

Если у читателя, только что перевернувшего последнюю страницу романа Роберта Кроми «Бросок в пространство», возникло ощущение *déjà vu* – оно легко объяснимо. Он прав, читатель. Он уже где-то, когда-то, что-то такое читал. Не у Роберта Кроми, конечно: имя этого ирландского писателя неизвестно и многим завзятым любителям научной фантастики, а его «марсианский» роман, впервые опубликованный на русском языке в 1892 г., лишь теперь удостоился переиздания. Так где же? Разумеется, в «Первых людях на Луне» Г. Уэллса, откуда и взята красноречивая цитата. Но об этом позже: позвольте представить сперва мистера Кроми.

Роберт Кроми родился в июле 1855 г. в местечке Кло, в Северной Ирландии. Он закончил Королевский академический институт в Белфасте и много лет проработал в Ольстерском банке в различных городах Ирландии, пока наконец не получил назначение в головную контору банка в Белфасте. Биографы сообщают, что Кроми был также заядлым игроком в гольф, занимался журналистикой и близко дружил с англиканским епископом и религиозным писателем Чарльзом Рейхелем (что, как считается, повлияло на его стиль). Скончался писатель в Белфасте в апреле 1907 г. К этим сухим биографическим данным можно добавить, что внешностью Кроми очень напоминал Артура Конан Дойля.

Своей известностью Кроми обязан фантастике, которая занимает почетное место среди дюжины его книг. В первом же романе, «Во имя Англии» (1889), он зарекомендовал себя убежденным фантастом – фантастом имперским, глубоко впитавшим идеи колониально-цивилизаторской миссии Британии вкупе с «бременем белого человека» (так красноречиво воспетым десятилетие спустя Р. Кипплингом). Это была фантастика «ближнего прицела» и «большой игры»: в романе англичане и их верные туземные союзники благополучно отражали российское вторжение в Индию.

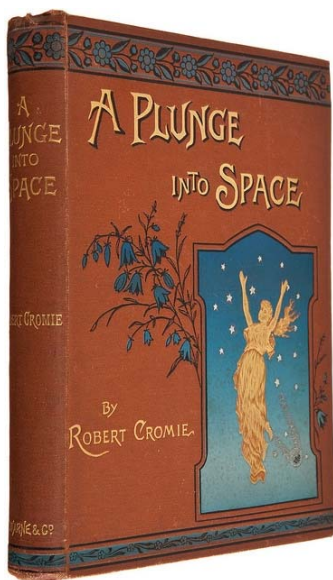
Роберт Кроми

Еще в одном романе о будущей войне, «Следующий крестовый поход» (1896), театр боевых действий был перенесен в Восточную Европу, а Средиземное море становилось «британским озером». В романе «Новый мессия» (1901) Кроми описал небывалую подводную лодку; незадолго до смерти писатель внес свою лепту в жанр «затерянных миров», выпустив роман «Эльдорадо» (1904).

Наиболее популярным научно-фантастическим романом Кроми заслуженно стал «Трубный глас» (1895); романный злодей – зловещий телепат и глава радикального тайного общества – овладевает секретом атомной энергии, с помощью которой грозит уничтожить мир. Описание атомного взрыва в «Трубном гласе» стало первым описанием такого рода в научной фантастике.

Наряду с «Трубным гласом» неоднократно переиздавался и «Бросок в пространство» (1890), соединивший идеи Ж. Верна с

картинами утопического марсианского общества. Здесь Кроми дал волю своему «прогрессорству»: строя на Аляске фантастический межпланетный корабль, Стальной Шар, герои отбиваются от враждебных индейцев и толпы восставших рабочих; индейского вождя они, дабы другим неповадно было, с брезгливым чувством долга испепеляют на атомы. Но что индеец! Гениальный ученый Бернет, изобретатель антигравитационной тяги, не видит ничего зазорного в том, чтобы «перестрелять десять тысяч диких», если такие меры «разрушат преграду к племенному развитию» и приведут к «истреблению элементов, враждебных прогрессу».

«Бросок в пространство». Первое изд. (1890)

Логическим завершением этого викторианского «прогрессорства» выступает марсианское общество, представшее изумленным взорам пассажиров Стального Шара – благо марсиане во всем, кроме умения левитировать («животный электрицизм», поясняет автор) похожи на людей. В марсианской Утопии, по выражению О. Мандельштама, «скрипучий труд не омрачает неба» – в нем не существует тяжелой работы, принуждения, денежной системы, практически нет нужды в правительстве: сенату планетарного государства остается лишь мудро надзирать, как

мирно пасутся подведомственные марсиане. Болезни и физические страдания искоренены, нет и страданий социальных: классы знают свое место и довольны своим уделом, классы высшие патерналистски заботятся о низших, а с продвижением по социальной лестнице (получением «почетных степеней») растет и степень социальной ответственности: «Сильные здесь не стоят на дороге слабым, не дают их, а поддерживают. Но эта поддержка составляет не право слабых, а привилегию сильных».

Термин «прогрессорство», которым мы иронически оперировали выше, изобрели, как известно, советские фантасты братья Стругацкие, и вкладывали они в него совершенно иной смысл. Но любопытно, что за семь десятилетий до братьев над теми же проблемами размышлял и Роберт Кромби – и пришел к схожим выводам: Бернет, оправдывая насилие ради прогресса, заявляет далее, что никакой навязанный «сверху» прогресс невозможен без соответствующего воспитания и переворота в сознании.

Задумывался Кромби и над смыслом существования утопического мира: перед ним, как и перед Стругацкими, маячил тот же призрак «закуклившегося» – как написали бы братья – общества. В романтическую и оптимистическую эпоху «мира Полудня» Стругацкие не нашли ничего лучшего, чем поставить перед обществом будущего цель непрерывного творческого познания. Но Кромби сознавал всю искусственность такого ответа: науки и искусства на Марсе достигли высшего предела и сводятся теперь к созерцательным наблюдениям над прошлым. Не привлекают марсиан и вполне доступные им межзвездные путешествия. Кстати говоря, в романе мельком упоминается, что марсиане посещали в древности Землю и видели на ней «дикарей»; но даже развитие младших братьев по разуму на соседней планете ничуть их не интересует. Немудрено, что самодостаточная марсианская цивилизация, не знающая к тому же сильных эмоций и страстей, кажется земным путешественникам просто-напросто скучной (автор замечает, правда, что земляне неспособны по достоинству оценить все прелести марсианской жизни).

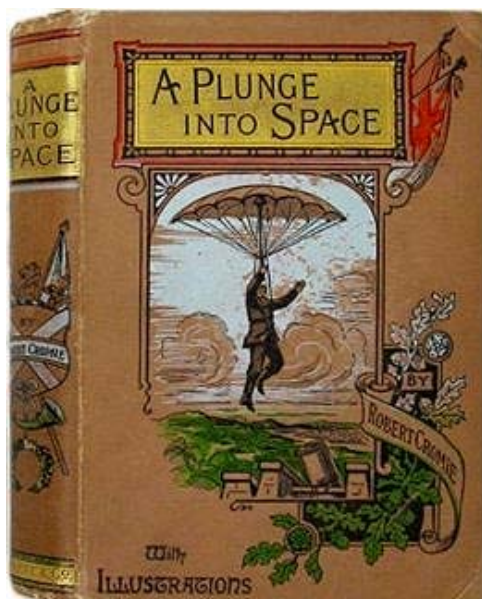
Из романа Кромби прямо или опосредованно черпали многие; мотивы романа растворились в общем массиве научной фантастики, и сегодня их уже невозможно проследить к источнику. Читал ли Кромби С. Лем, который изобразил в «Возвращении со звезд» общество с купированными страстями? Читал ли его А. Толстой, воспевающий в «Аэлите» драматическую любовь землянина и марсианки? Толстой пользуется тем же приемом: «высокой» любви Аэлиты и Лосева параллелен «низкий» дуэт Гусева и Ихи

(у Кромби – Дэзи и Блэка); но в драматургии прием этот имеет многовековую давность. Впрочем, предшественники были и у Кромби. Антигравитацию описал в романе «Необычайное открытие и его неисчислимые последствия для судеб мира» (1867) француз К. Нагриен (Ф. Удо, 1825-1891); тремя годами ранее в Англии вышел странный роман «История путешествия на Луну» оставшегося неизвестным автора, который скрылся под вычурным псевдонимом «Хризостом Труман» – герои его используют антигравитационный «отталкиватель» для путешествия на Луну, где обнаруживают утопический мир, населенный «реинкарнациями избранных земель». В романе «Сквозь Зодиак» (1880) английского писателя и историка П. Грегга (1836-1889) изображено путешествие на Марс с помощью антигравитационной силы под названием «апергия», причем Марс выступает у Грегга и аренной ортодоксальной утопии; утопическое марсианское общество описывали американец Х. Генон в романе с шекспировским заглавием «Жених Беллоны» (1887) и шотландский математик и логик Х. Мак-Колл (1837-1909) в «Запечатанном пакете мистера Стрэнджера» (1889). Пожалуй, в свете всего этого скандал, который развернулся в 1901-1902 годах, приобретает явную ироническую двусмысленность...

А все дело в том, что в 1901 г. случилась публикация тех самых «Первых людей на Луне». Кромби был в бешенстве: в романе живого классика фантастики он усмотрел подозрительное сходство с собственным «Броском в пространство». В письме в редакцию уважаемого журнала *Academy and Literature*, озаглавленном «Права на гравитацию», Кромби фактически обвинил Уэллса в плагиате. Он перечислял такие сходные мотивы, как «предполагаемое открытие секрета гравитации – выработка вещества для его использования – постройка аппарата в форме сферы – метод подачи воздуха во время полета сферы через пространство – старт с Земли – полет через пространство и вид небесного свода вне земной атмосферы – тревожные мысли о возможности дышать марсианским воздухом – комические эффекты пониженной силы тяжести на меньшей планете», воздушный плюж и так далее. Уэллс, в свою очередь, обвинения Кромби решительно отверг: «Я никогда не слышал ни о м-ре Кромби, ни о книге, которую он пытается разрекламировать, распространяя обвинения в плагиате в мой адрес... Все остальные тривиальные пункты банального сходства, которые перечисляет м-р Кромби – включая и поразительное совпадение с воздушным люком – можно найти в “Из

пушки на Луну” Жюль Верна, перед кем мы все в долгу и кому я безоговорочно отдаю первенство».

Кроми пришлось пойти на попятную – в очередном письме в *Academy and Literature* он принес Уэллсу свои извинения и заявил, что вовсе не собирался обвинять писателя в «сознательной имитации» («Понятно, что когда двое или больше писателей работают над общей для всех темой, появится некоторая схожесть в выборе событий и даже формулировок»). Далее Кроми объяснял, что своим первым письмом хотел... «предупредить обвинения в сознательной имитации м-ра Уэллса в связи с новым изданием моей книги».

«Бросок в пространство». Второе изд. (1891)

Словно и этого мало, уже в наши дни роман Роберта Кроми стал «героем» настоящего литературного детектива. Суть интриги проста: великий фантаст Жюль Верн за всю свою жизнь не написал ни единого предисловия к чужому художественному произведению. За исключением одного – лаконичного текста, который открывал второе издание «Броска в пространство» (1891).

Первыми забили тревогу Р. Филмус и А. Эванс, дружно напечатавшие заметки в мартовском номере журнала *Science-Fiction Studies* за 1993 год. Как же так? – спрашивали исследователи. Не этот ли Жюль Верн рассказывал в интервью журналу *Strand* в 1895 году, что «к сожалению, может читать только книги, переведенные на французский»? А кто-нибудь, когда-нибудь видел перевод «Броска в пространство»? Никак нет! Потому что на французский роман в те годы переведен не был.

И не этот ли самый Жюль Верн в 1903 г., в интервью *T. P.'s Weekly*, разнес Уэллса за разные невозможные изобретения – особенно же поиздевался над антигравитационной сферой в «Первых людях на Луне»? То есть как раз над тем, за что хвалил в свое время «Бросок в пространство»?*

Всякое бывает, заключил Филмус. Престарелый писатель мог и запамятовать. А может, он Кромби, не зная в достаточной мере английского, и вовсе не читал, а его похвалы основывались на чьм-то устном пересказе? Возможно и другое – «предисловие Жюль Верна было целиком сострепано издателем Кромби, Фредериком Варне, или же самим Кромби (иначе говоря, предложено, если не написано, им самим)».

Дополнительные улики вконец запутали расследование. Книга Кромби, например, у Верна имела – присланные ирландским писателем экземпляры сохранились в городской библиотеке Амьена. Однако в сохранившейся переписке Жюль Верна нет никаких упоминаний о Роберте Кромби.

С другой стороны, рассуждает Фолькер Дес, крошечное предисловие очень напоминает Верна. Внимание исследователя привлекла метафорическая конструкция, описывающая пассажиров-«путешественников» и писателя-«проводника». Эти слова повторяются почти буквально в забытом предисловии Жюль Верна к «Двадцати тысячам лье под водой»: «Мои читатели – это мои пассажиры, и мой долг – обеспечить им приятное путешествие и благополучное возвращение домой»**.

Наиболее непримиримую позицию занял Артур Эванс, известный исследователь творчества Жюль Верна и французской фантастики в целом. Обильно используя курсив, Эванс напоминает,

* Philmus Robert M. H.G. Wells, Robert Cromie, and Literary Crime. Evans Arthur B. Wells, Cromie, and Verne: An Addendum // *Science-Fiction Studies*. XX. № 59 (March 1993). С. 137-139.

** Des Volker. Quelques préfaces de Jules Verne, peu ou pas connues // *Verniana – Jules Verne Studies / Etudes Jules Verne* – Vol. 5 (2012–2013). С. 31-52.

что «Жюлю Верну *никогда* не приписывалось *ни единое* предисловие к *какому-либо* художественному произведению, за исключением этого». И вводит нового подозреваемого: это сын Верна – Мишель (сколько твердили книжные и экранные сыщики, что жертву и преступника очень часто связывает как минимум знакомство!)

После смерти отца, как известно, Мишель Верн дописал ряд его неоконченных произведений; есть обоснованные подозрения, что некоторые он вовсе написал с чистого листа. Но Эванс идет дальше: в интересующий нас период, замечает он, Мишель Верн написал и опубликовал в Англии, на английском языке, два научно-фантастических рассказа, подписав оба именем отца – «В году 2889-м» (*Forum*, 1889) и «Экспресс будущего» (*Strand Magazine*, 1895). И хотя английским Мишель Верн владел немногим лучше отца, вполне возможно, что он-то и был «весьма активным соучастником этого литературного преступления».

Загадка так и не была разгадана. Взрыв Стального Шара унес в могилу не только гениального изобретателя Бернета и несчастного писателя Дюрана, но и тайну предисловия к «Броску в пространство».

Примечания

Русский перевод романа Р. Кромби «Бросок в пространство», выполненный О. Павловой, был напечатан в 1892 г. в нескольких номерах журнала «Труд»; в переводе роман получил произвольное заглавие «В необъятное пространство». В настоящем издании этот текст публикуется в новой орфографии, с исправлением ряда опечаток и устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Была проведена также определенная редактура текста: в первую очередь, устранялись некоторые безнадежно устаревшие обороты, а также откровенные нелепицы, вызванные переводческой торопливостью и небрежностью. Эта работа осуществлялась со всей возможной бережностью; в целом роман возвращается к читателю в том виде, в каком был впервые опубликован на русском языке более столетия назад. Для настоящего издания нами было впервые переведено предисловие, подписанное именем Ж. Верна.

С. 11. ...*Каменистых горах* – Имеются в виду Скалистые горы, горный массив на западе Северной Америки.

С. 27. ...*шильонского узника* – «Шильонский узник» – поэма Д. Г. Байрона (1816) о швейцарском священнике, патриоте и историке Ф. Бониваре (1493-1570), который в 1530-36 гг. находился в заключении в швейцарском замке Шильон.

С. 28. ...«*черноногих индейцев*» – Черноногие – индейский народ в США и Канаде, исторически населявший область Великих равнин; в настоящее время Конфедерация черноногих насчитывает около 30 тыс. человек.

С. 39. ...*Бедлам* – Старинная психиатрическая больница в Лондоне, название которой стало нарицательным.

С. 70. ...*Скиапарелли* – Джованни Скиапарелли (1835-1910), итальянский астроном, историк науки; в 1877 г. объявил об открытии на Марсе сети визуально наблюдаемых линий, которые назвал «каналами».

- С. 70. ...*симуны* – Другое название самумов.
- С. 84. ...*Профундис* – От лат. profundis, глубины.
- С. 99. ...«*agenda*» – Здесь: ежедневник (англ.).
- С. 110. ...*tutti quanti* – Все прочие (итал.).
- С. 120. ...*gris de perles* – Жемчужно-серый цвет (франц.).
- С. 140. ...*Дэзи* – От англ. daisy, маргаритка: марсианские женщины, таким образом, носят «цветочные» имена.
- С. 144. ...*Тернера* ...*Гладстона* – Речь идет, соответственно, о знаменитом английском художнике В. Тернере (1789-1862) и британском политике У. Гладстоне (1809-1898), в 1860-1890-х гг. четырежды занимавшем пост премьер-министра.
- С. 145. ...*Рескина* – Д. Рескин (1819-1900) – писатель, художник, поэт, ведущий художественный критик викторианской Англии.

Оглавление

<i>Ж. Верн. К моим английским читателям</i>	7
Пролог	8
Глава I. Литейный завод в лесу	17
Глава II. Что случилось с индейцем	26
Глава III. Стальной шар	35
Глава IV. Страшный риск	43
Глава V. Нырнули!	54
Глава VI. Путь через пространство	58
Глава VII. Планета Марс	67
Глава VIII. Рай	77
Глава IX. Странное явление	84
Глава X. Миньонета	95
Глава X=. Старая быль	102
Глава XII. Драма на Марсе	108
Глава XIII. Город наслаждений	119
Глава XIV. Тысячелетие	130

Глава XV. Выбор профессора	142
Глава XVI. Бедная Миньонета	152
Глава XVII. Прощание с Марсом и Миньонетой	166
Глава XVIII. Что-то сломалось	173
Глава XIX. Чем все кончилось	180
<i>М. Фоменко. Стальной Шар, или фантастический детектив</i>	185
П р и м е ч а н и я	193

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.